

NETFLIX

A NETFLIX
ORIGINAL SERIES

ЛИ БАРДУГО
ТЕНЬ И КОСТЬ

ГришиВерс

Ли Бардуго
Тень и кость

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-4

Бардуго Л.

Тень и кость / Л. Бардуго — «Издательство АСТ»,
2012 — (ГришиВерс)

ISBN 978-5-17-105260-7

Окруженная врагами, некогда великая страна Равка разделена Тенистым Каньоном – полосой непроницаемой темноты, кишящей монстрами, которые жаждут человеческой плоти. И теперь судьба нации в руках одинокой девушки Алины Старковой. Алина не ждала слишком многого от жизни. Оставшись сиротой в результате приграничной войны, она уверена только в одном человеке – своем лучшем друге по имени Мал. Когда на Мала нападают волькры, в девушке пробуждается магическая сила такой мощи, что становится ясно: она способна спасти всю страну. Алину увозят в королевский дворец, где будут тренировать как одну из гришей – представителей элитного сообщества магов во главе с загадочным Дарклингом. Ей предстоит столкнуться с тайнами гришей... и своего собственного сердца.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-17-105260-7

© Бардуго Л., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава I	10
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	67
Глава 11	70
Глава 12	75
Глава 13	82
Глава 14	88
Глава 15	101
Глава 16	105
Глава 17	114
Глава 18	121
Глава 19	126
Глава 20	131
Глава 21	136
Глава 22	142
Эпилог	150
Благодарности	151

Ли Бардуго

Тень и кость

Leigh Bardugo
SHADOW AND BONE

Copyright © 2012 by Leigh Bardugo
© А. Харченко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается моему дедушке.

Расскажи мне какую-нибудь небывицу.

Пролог

Прислуга называла их «маленечками» – крошечными привидениями. Во-первых, они были самыми юными и низкорослыми в доме князя. Во-вторых, шныряли по поместью, как хохочущие фантомы, прячась в тумбочках, чтобы подслушать чужие разговоры, или крадась на кухню, чтобы стащить последние в этом сезоне персики.

Мальчика и девочку привезли в поместье с разницей в неделю. Очередные сироты, жертвы приграничных войн, беженцы с чумазыми от грязи и копоти лицами, найденные в руинах ближайших городков. Их отправили в поместье князя, чтобы обучить грамоте и какому-нибудь ремеслу.

Мальчик был невысокий и коренастый, с его лица не сходила застенчивая улыбка. Девочка же была совсем другой, и знала это. Как-то, спрятавшись в кухонном буфете, чтобы подслушать, о чем сплетничают взрослые, она услышала, как экономка князя, Ана Куя, проворчала:

– Маленькая уродина! Бледная и кислая, как стакан свернувшегося молока. Дети не должны так выглядеть.

– А какая она тощая! – поддакнула повариха. – Девчонка никогда не доедает свой ужин. Скорчившийся рядом с девочкой мальчик прошептал:

– Почему ты не ешь?

– Потому что земля и то вкуснее, чем ее стряпня.

– А мне нравится.

– Конечно, ты ешь все подряд!

Они вновь прижали уши к щели между дверцами шкафа. Через мгновение мальчик добавил:

– Я не считаю тебя уродиней.

– Тс-с-с! – шикнула на него девочка.

Но тут же улыбнулась, скрыв лицо в тени.

* * *

Летом они изнывали от долгих часов рутинной работы по хозяйству, за которыми следовали нудные занятия в душных кабинетах. В самое пекло дети укрывались в лесу, охотясь за птичьими гнездами или купаясь в маленьком мутноватом ручье. Или часами валялись на лугу, наблюдая, как солнце клонится к закату, обсуждая, где они построят свою молочную ферму, и спора, будут у них две белых коровы или три.

Зимой князь переезжал в свой городской дом в Ос Альте, дни становились все короче и холоднее, а преподаватели все больше пренебрегали своими обязанностями, предпочитая сидеть у камина и играть в карты, попивая квас. Запертые в четырех стенах, старшие дети от скуки постоянно учиняли склоки и драки. Поэтому мальчик и девочка прятались в заброшенных комнатах поместья, разыгрывая спектакли перед мышами и пытаясь согреться.

В тот день, когда приехали экзаменаторы-гриши, дети заняли место у окна одной из пыльных спален наверху, надеясь хоть мельком посмотреть на почтовую карету. Вместо этого они увидели сани, запряженные тройкой черных лошадей, которые проезжали через белокаменные ворота поместья. В полной тишине они следили, как сани скользят по снегу к главному входу княжеского дома.

Три показавшиеся фигуры были в элегантных меховых шапках и тяжелых шерстяных кафтанах: красном, темно-синем и фиолетовом.

– Гриши! – выдохнула девочка.

– Быстрее! – крикнул мальчик.

В мгновение ока они выскользнули из своих башмаков и бесшумно пронеслись через зал, прокрались через пустой музыкальный класс и притаились за ближайшей колонной галереи, откуда отлично просматривалась гостиная, в которой Ана Куя предпочитала принимать гостей.

Та как раз разливала по чашкам кипяток из самовара, похожая на ворону в своем черном платье. Большая связка ключей позвякивала на ее талии.

– Итак, только двое в этом году? – послышался грудной женский голос.

Дети всмотрелись через балконные перила в комнату под ними. Двое гришей сидели у камина: статный мужчина в синем кафтане и утонченная женщина с надменным лицом в красном. Третьим был светловолосый юноша, который мерил шагами комнату, по-видимому, разминая ноги после долгого путешествия.

– Да, – ответила Ана Куя. – Мальчик и девочка – наши младшенькие. Мы думаем, что им около восьми.

– Думаете? – вскинул голову мужчина в синем.

– Поскольку их родители мертвы...

– Мы понимаем, – перебила женщина. – Конечно, мы большие почитатели вашего учреждения. Если бы только больше знали интересовалось судьбой простолюдинов...

– Наш князь – великий человек, – проговорила Ана Куя.

Дети на балконе переглянулись. Их покровитель, князь Керамзов, был прославленным героем войны и радетелем о благе народа. Вернувшись с фронта, он устроил в своем поместье сиротский приют и пристанище для вдов. Единственное, о чем их просили, – упоминать имя князя в ночных молитвах.

– И какие они, эти дети? – спросила женщина.

– У девочки талант к рисованию. Мальчишка по большей части сидит в доме, пропадает на лугу или же бежит по лесу.

– Но какие они? – повторила незнакомка.

Ана Куя поджала пересохшие губы.

– Какие? Недисциплинированные, упрямые, слишком привязанные друг к другу. Они...

– Они слышат каждое наше слово, – перебил юноша в фиолетовом.

Мальчик и девочка подпрыгнули от неожиданности. Он смотрел прямо туда, где они укрылись. Дети кинулись за колонну, но было слишком поздно. Голос Аны Куи походил на удар хлыста:

– Алина Старкова! Мальчен Оретцев! Немедленно спускайтесь!

Алина и Мал нехотя поплелись вниз по узкой спиральной лестнице в конце галереи. Когда они достигли последней ступеньки, женщина в красном встала и жестом подозвала их к себе.

– Знаете ли вы, кто мы?

Ее волосы были серыми, как сталь. Все еще красивое лицо покрывали морщины.

– Вы ведьмы! – буркнул себе под нос Мал.

– Ведьмы?! – возмутилась она и развернулась к Ане Куе. – Этому вы их учите? Суевериям и клевете?

Экономка залилась румянцем, а женщина в красном вновь повернулась к Малу и Алине. Ее темные глаза сверкнули.

– Мы не ведьмы, а практики Малой науки. Благодаря нам эта страна и это королевство находятся в безопасности.

– Как и благодаря Первой армии, – тихо вставила Ана Куя, и в ее голосе безошибочно слышались стальные нотки.

Женщина в красном застыла, но мгновенно овладела собой:

– Как и благодаря армии короля.

Юноша в фиолетовом улыбнулся и наклонился к детям.

– Когда листья меняют свой окрас, считается ли это магией? – спросил он ласково. – Или когда ваша рука заживает после пореза? А когда вы ставите кастрюлю с водой на плиту, и она закипает, это тоже магия?

Мал округлил глаза и покачал головой, но Алина нахмурилась и парировала:

– Любой может вскипятить воду.

Ана Куя раздраженно вздохнула, но женщина в красном рассмеялась.

– Ты совершенно права. Это любому по плечу. Но не каждый может освоить Малую науку. Поэтому мы пришли, чтобы протестировать тебя, – она повернулась к Ане Куе. – Оставьте нас.

– Подождите! – воскликнул Мал. – А что, если мы окажемся гришами? Что с нами будет?

Женщина в красном перевела взгляд на детей.

– Если хоть *один* из вас окажется гришом, что очень маловероятно, то это счастливое дитя отправится в специальную школу, где мы учим пользоваться своим даром.

– У вас будет лучшая одежда, лучшая еда, все, что только душе угодно, – подтвердил юноша в фиолетовом. – Как вам такое?

– Это большее, что вы можете сделать для своего короля, – вставила Ана Куя, замерев в дверном проеме.

– Совершенно верно, – миролюбиво согласилась женщина в красном.

Мальчик и девочка переглянулись. Если бы взрослые следили за ними внимательнее, они заметили бы и как дети взялись за руки, и взгляд, которым они обменялись. Князь бы узнал этот взгляд. Ведь он провел многие годы в опустошенных землях у северной границы, где деревни постоянно находились в осаде, а крестьяне продолжали бороться, почти не надеясь на помощь короля. Он видел босых, но непреклонных женщин, которые без всякого страха смотрели в лица врагам, наставлявших на них свои пики. Князь бы легко узнал взгляд мужчины, готового защищать свой дом всего лишь с камнем в руке.

Глава I

Стоя на краю дороги, кишашей людьми, я смотрела на расстилающиеся поля и заброшенные фермы долины Тула и впервые обозревала Тенистый Каньон. Мой полк был в двух неделях ходьбы от военного лагеря в Полизной. Осеннее солнце нещадно палило, но даже в пальто меня била дрожь от вида мглы впереди, которая расплзалась темным пятном на горизонте.

Кто-то с размаху врезался плечом мне в спину. Я споткнулась и чуть не полетела лицом в грязь.

– Эй! – прокричал солдат. – Смотри, куда прешь!

– Почему бы тебе самому не смотреть внимательнее, куда ставить свои жирные ножищи? – огрызнулась я, наслаждаясь замешательством, написанным на мясистой мужской физиономии.

Люди, а особенно здоровенные мужики, вооруженные до зубов, не ожидают дерзости от такой хлюпенькой девчонки, как я. На их лицах всегда появляется удивленное выражение, когда я даю отпор.

Солдат быстро оправился от изумления и смерил меня уничижающим взглядом. Затем, поправив мешок за плечом, исчез в веренице лошадей, людей, телег и повозок, бесконечным потоком уходящей за гребень холма и вниз по долине.

Я ускорила шаг, пытаясь разглядеть в этом потоке желтый флажок повозки с топографами, который уже давно потеряла из виду, и понимая, что безнадежно отстала.

Терпкие запахи зелено-золотого осеннего леса долетали до меня по пути. Мы шли по Ви – широкой дороге, когда-то соединявшей Ос Альту с зажиточными портовыми городками на западном побережье Равки. Но так было до появления Тенистого Каньона.

Кто-то в толпе запел.

«Пение? Какой идиот будет петь, направляясь в Каньон?»

Я вновь посмотрела на пятно на горизонте и попыталась подавить дрожь. Мне доводилось видеть Тенистый Каньон на многих картах: черный разрез, отделявший Равку от единственного побережья и перекрывающий выход к морю. Иногда он обозначался темной меткой, иногда пустынной местностью или бесформенной тучей. Также были карты, где Тенистый Каньон выглядел как длинное узкое озеро, подписанное другим названием – Неморе, как будто это должно успокоить и подбодрить солдат и торговцев.

Я фыркнула. Может, это и утешит каких-нибудь тупоумных торгашей, но не меня.

Я отвлеклась от зловещей мглы, нависающей вдалеке, и бросила взгляд на разрушенные фермы Тулы. Когда-то долина являлась домом для богатых помещиков Равки. Она была местом, где фермеры собирали обильные урожаи, а овцы паслись на сочных зеленых лугах. А затем идиллию нарушил черный разрез – полоса непроходимой темноты, навевающей ужас. С каждым годом она увеличивалась. Никто до сих пор не знает, куда делись фермеры, их скот, посевы и жилища.

«Перестань, – строго сказала я себе. – Ты только хуже делаешь. Люди годами пересекали Каньон... обычно с немалыми потерями, но все же».

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Никаких обмороков посреди дороги, – прошептал кто-то у моего уха и положил тяжелые руки мне на плечи. Я подняла голову и увидела знакомое лицо Мала, улыбку в его ясных голубых глазах. Он зашагал вровень со мной.

– Давай, – сказал он. – Одну ногу вперед, затем другую. Ты же знаешь, как это делается.

– Это противоречит моему плану.

– Неужели?

– Да. Потерять сознание, чтобы меня затоптали, и, таким образом, получить серьезные травмы.

– Гениальный план!

– Ах, но если меня жутко изувечат, я не смогу пересечь Каньон!

Мал нехотя кивнул.

– Понял ход твоих мыслей. Я могу толкнуть тебя под повозку, если это поможет.

– Я подумаю над твоим предложением, – буркнула я в ответ, но почувствовала, что мое настроение поднимается. Несмотря на мои усилия, Мал все еще оказывал на меня такое воздействие. И не только на меня. Мимо нас прошла симпатичная блондинка и помахала ему рукой, бросив кокетливый взгляд через плечо.

– Эй, Руби, – крикнул он. – Увидимся позже?

Та хихикнула и быстро скрылась в толпе. Мал самодовольно улыбнулся, но тут заметил, как я закатила глаза.

– Что? Я думал, тебе нравится Руби.

– Как это часто бывает, у нас с ней мало общих тем для разговоров, – сухо ответила я. Мне действительно нравилась Руби... поначалу.

Когда мы с Малом покинули сиротский приют Керамзина, чтобы пройти военную подготовку в Полизной, я сильно нервничала при мысли о знакомстве с новыми людьми. Но, как оказалось, девушки буквально горели желанием подружиться со мной, и Руби была среди самых активных. Наша дружба продлилась до тех пор, пока я не осознала, что причина интереса ко мне заключалась в моей близости к Малу.

Я наблюдала, как он широко развел руки в стороны и запрокинул лицо в осеннее небо. Вид у него был абсолютно расслабленный, а шаг – упругий. Мне стало как-то не по себе.

– Да что с тобой? – сердито прошипела я.

– Ничего, – удивился он. – Все отлично.

– Но как ты можешь быть таким... таким беспечным?

– Беспечным? Я никогда не был беспечным. Надеюсь, никогда и не буду.

– Тогда что это значит? – спросила я, обведя его взмахом руки. – Выглядишь так, будто ты на пути на шикарный прием, а не на возможную смерть и расчленение.

Мал рассмеялся.

– Ты слишком много волнуешься. Король послал целый полк гришей-огнетворцев, чтобы те прикрыли скифы, и даже парочку этих жутковатых сердцебитов. А у нас есть ружья, – сказал он, похлопав по своему плечу. – С нами все будет хорошо.

– Ружья не сильно помогут при серьезном нападении.

Мал удивленно посмотрел на меня.

– Что с тобой происходит? Ты раздражительнее обычного. И выглядишь ужасно.

– Спасибо, – проворчала я. – Мне не спится в последнее время.

– Что еще нового расскажешь?

Конечно, он был прав. Я всегда плохо спала. Но в последние дни все стало еще хуже. Святые знают, у меня много веских причин, чтобы бояться идти в Каньон. Мои страхи разделяли все члены нашего полка, которым достаточно не повезло, чтобы быть выбранными на переправу. Но проблема не только в этом... меня преследовало более глубокое чувство тревоги, которое я не могла толком объяснить. Я искоса посмотрела на Мала. Были времена, когда мы могли говорить обо всем на свете.

– Просто... у меня плохое предчувствие.

– Хватить себя накручивать. Может, Михаила пустят на скиф. Волькре хватит одного взгляда на его большой сочный живот, и она оставит нас в покое.

В голову полезли непрощенные воспоминания:

Мы с Малом сидим бок о бок в кресле в библиотеке князя, перелистывая страницы большого фолианта в кожаном переплете. Нам попала на глаза картинка с волькрой: отвратительные длинные когти, кожистые крылья, ряды острых, как бритва, зубов для расчленения людской плоти. Волькры слепы, так как уже сотню лет поколение за поколением проводили за охотой в Каньоне, но, если верить легендам, эти существа могли учуять нашу кровь издалека.

Я тычу в картинку и спрашиваю:

– Что оно держит в лапах?

В моей голове до сих пор отдается шепот Мала:

– Кажется... кажется, это нога.

Мы захлопываем книгу, и, вереща, несемся на улицу, под защиту солнечного света.

Сама того не понимая, я замерла на месте, не в состоянии отделаться от жутких воспоминаний. Заметив, что я отстала, Мал сокрушенно вздохнул и зашагал обратно ко мне. Положив руки на плечи, он слегка встряхнул меня.

– Да шучу я. Никто не станет есть Михаила.

– Знаю, – сказала я, упершись взглядом в свои ботинки. – Ты такой шутник.

– Алина, да ладно тебе! С нами все будет хорошо.

– Ты не можешь это гарантировать.

– Посмотри на меня, – я заставила себя взглянуть ему в глаза. – Знаю, ты боишься. Я тоже. Но мы сделаем это, и с нами все будет отлично. Как всегда. Ладно? – он улыбнулся, и мое сердце громко застучало в груди. Я потерла пальцем шрам, пересекающий мою правую ладонь, и сделала прерывистый вдох.

– Ладно, – нехотя выдавила я, но почувствовала, что снова могу улыбаться.

– О, у мадам улучшилось настроение! – воскликнул Мал. – Солнце снова может радовать нас своими теплыми лучами!

– Ой, а не заткнуться ли тебе? – я повернулась, чтобы отпихнуть его, но не успела – он сгреб меня в охапку и оторвал от земли.

Воздух наполнился криками и стуком копыт. Мал толкнул меня с дороги как раз в тот момент, когда мимо нас пронесся огромный черный экипаж. Люди бросались в разные стороны, чтобы не попасть под копыта четырех вороных коней. Рядом с возницей с кнутом сидели двое солдат в угольно-черных пальто.

Дарклинг. Черный экипаж и униформу его личных стражей ни с чем не спутать.

Еще одна карета, на этот раз красная, проследовала мимо нас в куда более неторопливом темпе. Я посмотрела на Мала, и мое сердце забилось быстрее от нашей близости.

– Спасибо, – прошептала я. Парень неожиданно понял, что я все еще в его объятиях. Он отпустил меня и поспешно отступил. Я стряхнула пыль с пальто, надеясь, что он не заметил моего румянца.

Следом появился еще один экипаж, окрашенный в синий цвет, и из его окна высунулась девушка. У нее были выющиеся черные локоны, выглядывающие из-под головного убора из меха серебристой лисы. Она внимательно рассматривала толпу и, естественно, ее взгляд остановился на Мале.

«Ты сама сохнешь по нему, – упрекнула я себя. – Так почему какая-нибудь обворожительная девушка-гриши не может?»

Ее губы изогнулись в легкой улыбке, которая задержала взгляд Мала. Девушка наблюдала за ним через плечо, пока экипаж не исчез из виду. Мой друг глупо таранился ей вслед, слегка приоткрыв губы.

– Закрой рот, пока муха не залетела, – резко прокомментировала я. Он пару раз моргнул, вид у него был ошеломленный.

– Ты это видел? – слышался рядом чей-то голос. Я повернулась и заметила Михаила, направляющегося к нам размашистой походкой. На лице его было написано благоговение, что

меня едва не рассмешило. Михаил был рыжеволосым громилой с широким лицом и бычьей шеей. За ним семенил тощий и мрачный Дубров. Оба были следопытами из подразделения Мала и никогда не отходили далеко от своего предводителя.

– Естественно, видел, – глуповатое выражение Мала сменилось дерзкой ухмылкой. Я закатила глаза.

– Она смотрела прямо на тебя! – воскликнул Михаил, хлопнув Мала по спине. Тот равнодушно пожал плечами, но его улыбка стала еще шире.

– Ну, смотрела, – самодовольно ответил он. Дубров нервно переступил с ноги на ногу.

– Говорят, девушки-гриши могут наложить на тебя заклятие.

Я фыркнула. Михаил посмотрел на меня так, будто только заметил мое присутствие.

– Привет, Плоскодонка, – он легонько толкнул меня в плечо. Я нахмурилась, услышав кличку, но парень уже отвернулся к Малу. – Знаешь, а ведь она будет ночевать в лагере, – продолжил он с усмешкой.

– Я слышал, что у гришей палатки размером с кафедральный собор, – добавил Дубров.

– И там полно укромных местечек, – Михаил многозначительно пошевелил бровями. Мал гикнул. Даже не посмотрев в мою сторону, троица с громкими криками зашагала прочь, периодически пихая друг друга.

– Я тоже была рада вас видеть, ребята, – тихо пробормотала я им вслед.

Поправив ремни рюкзака на плечах, я начала спускаться вниз по тропинке, нагнав нескольких отставших по дороге в Крибирск. Спешить было некуда. Наверняка я получу выволочку, когда наконец дойду до палатки с картотекой, но ничего с этим уже не поделаешь.

Задумавшись, я потеряла то место, куда меня стукнул Михаил.

«Плоскодонка, – ненавидела эту кличку. – Ты не называл меня Плоскодонкой, когда напился кваса и пытался облапать меня на весеннем костре, жалкий болван!»

В Крибирске было не на что смотреть. Если верить словам старшего картографа, до появления Тенистого Каньона это место было полусонным торговым городком, состоявшим из пыльной площади и гостиницы для усталых путников с Ви.

Теперь он превратился в неприютный город-порт, приросший вокруг постоянным военным лагерем и доком для землеходных скифов, готовых отвезти своих пассажиров в темноту Западной Равки.

Я шла мимо пабов и таверн, которые, уверена, были борделями, предназначенными для обслуживания солдат королевской армии. Попадались также магазины, предлагавшие ружья, арбалеты, лампы и фонари – необходимое оборудование для пересечения Каньона. Маленькая церковь с белыми стенами и блестящими луковичными куполами была на удивление в хорошем состоянии.

«Может, это не так уж удивительно», – подумала я. Любому, кто решился пересечь Каньон, не помешало бы зайти и помолиться.

Я нашла палатку топографов, оставила рюкзак на одной из коек и поспешила в картотеку. К моему облегчению, старшего картографа нигде не было видно, и мне удалось проскользнуть незамеченной.

Войдя в белую брезентовую палатку, я впервые расслабилась с момента, как увидела Каньон. По сути, картотека была одинаковой во всех лагерях – светлая, с рядами чертежных столов, за которыми работали художники и топографы. После шумной толкотни на дороге шелест бумаги, запах чернил и тихое поскрипывание перьев с кистями действовали на меня успокаивающе. Я достала блокнот из кармана пальто и скользнула на лавочку к Алексею, который тут же развернулся ко мне и раздраженно прошептал:

– Где ты была?!

– Чуть не попала под колеса экипажа Дарклинга, – ответила я, схватив чистый листок бумаги и листая свои наброски в поисках подходящего сюжета для копирования. Мы с Алек-

сеем были помощниками младших картографов и в качестве подготовки должны были предоставлять два законченных эскиза или рисунка к концу каждого дня.

Алексей резко выдохнул.

– Серьезно? Ты вправду видела его?

– Вообще-то, я была слишком занята тем, чтобы не покинуть мир живых.

– Есть способы умереть и похуже, – он заметил набросок скалистой долины, которую я собиралась начать перерисовывать. – Фу. Только не этот.

Пролистав мой блокнот с эскизами, он остановился на изображении горного хребта и постучал по нему пальцем.

– Вот.

Я едва успела коснуться пером бумаги, как в палатке появился старший картограф и двинулся по проходу, проверяя наши работы.

– Надеюсь, это уже второй эскиз, Алина Старкова.

– Да, – соврала я. – Второй.

Стоило картографу пройти дальше, как Алексей зашептал:

– Расскажи мне об экипаже.

– Мне нужно закончить эскиз.

– Держи, – раздраженно сказал он, подсунув мне один из своих.

– Он поймет, что это твоя работа.

– Этот эскиз не из лучших. Вполне сойдет за твой.

– А вот и Алексей, которого я знаю и уважаю, – пробурчала я, но приняла рисунок.

Алексей был одним из самых талантливых помощников, и он это прекрасно знал. Парень выведал у меня все детали о трех экипажах гришей. Я была благодарна за эскиз, поэтому из всех сил старалась удовлетворить его любопытство, пока заканчивала свою работу над горным хребтом и измеряла пальцами размер самых высоких вершин. К тому моменту, как мы закончили, на улице уже смеркалось. Мы сдали наши работы и пошли в столовую, где встали в очередь за мутной похлебкой, которую черпал из кастрюли взмокший поваренок, а затем отыскивали места за столом с другими топографами.

Я ела молча, прислушиваясь, как остальные обменивались лагерными сплетнями и опасениями из-за завтрашнего перехода. Алексей настоял, чтобы я пересказала историю об экипажах гришей, и она была встречена как обычно – смесью восхищения и ужаса, возникавших при каждом упоминании Дарклинга.

– Он неестественный, – сказала Ева, еще одна помощница: у нее были красивые зеленые глаза, которые, к сожалению, не особо отвлекали от носа-пяточка.

– Как и все предыдущие, – фыркнул Алексей. – Будь добра, поделись с нами своими умозаключениями, Ева.

– Начнем с того, что именно Дарклинг создал Тенистый Каньон.

– Это было сотни лет тому назад! – возразил парень. – И тот Дарклинг был сумасшедшим.

– Этот ничем не лучше.

– Ох уж эти крестьяне, – отмахнулся от нее Алексей.

Ева с оскорбленным видом отвернулась к своим друзьям. Я продолжала молчать. Я была большей деревенщиной, чем Ева, несмотря на ее предрассудки. Лишь благодаря доброте князя я научилась читать и писать, но, по установившемуся негласному соглашению, мы с Малом избегали разговоров о Керамзине.

Словно по команде, хриплый хохот вывел меня из задумчивого состояния. Я оглянулась через плечо. Это Мал привлекал к себе внимание за шумным столом следопытов. Алексей проследил за моим взглядом.

– И как вы двое стали друзьями?

– Мы росли вместе.

– Не похоже, что у вас много общего.

Я пожала плечами.

– Нетрудно найти что-то общее, когда ты ребенок.

Например, одиночество, или воспоминания о родителях, которых мы должны были забыть, или удовольствие от побега с занятий, чтобы поиграть в салочки на лугу.

У Алексея был настолько скептический вид, что я рассмеялась.

– Он не всегда был Малом Великолепным, лучшим следопытом и соблазнителем гришей.

Алексей открыл рот от удивления.

– Он соблазнил девушку из гришей?!

– Пока нет, но, уверена, у него все впереди, – пробурчала я.

– Итак, каким же он *был*?

– Толстым коротышкой, который боялся принимать ванну, – сказала я не без доли удовольствия. Алексей еще раз посмотрел на Мала.

– Как все меняется...

Я потеряла шрам на своей ладони.

– Видимо, да.

Помыв за собой тарелки, мы вышли из столовой в прохладу ночи. И на обратном пути в казарму заложили большой крюк, чтобы мельком взглянуть на лагерь гришей. Шатер черного шелка действительно был размером с собор, над ним трепетали синие, красные и фиолетовые знамена. Где-то позади пряталась палатка Дарклинга, охраняемая сердцекритами из корпориа-лов, а также личной стражей вышеупомянутого.

Когда Алексей насмотрелся вдоволь, мы направились в свою часть лагеря. Он затих и начал щелкать костяшками пальцев, и я знала, что мы оба думаем о завтрашнем переходе. Судя по мрачному настроению в казарме, мы такие были не одни. Некоторые уже забрались на свои койки и спали – или пытались, – пока остальные ютились у ламп и тихо шептались. Другие сидели с иконами в руках, молясь своим святым.

Я развернула на койке свой спальный мешок, сняла ботинки и сбросила пальто. Затем залезла под одеяло с меховой опушкой и уставилась в потолок в ожидании сна. Так и лежала, пока свет не погасили, а шепот не сменился на тихий храп. Завтра, если все пойдет по плану, мы спокойно пересечем Западную Равку и я впервые увижу Истиноморе. Там Мал и остальные следопыты будут охотиться на красных волков, морских лисиц и других хищников, которых можно найти только на западе. Я останусь с картографами в Ос Керво, чтобы закончить свое обучение и помочь зафиксировать любые данные, которые нам удастся почерпнуть в Каньоне. А затем, само собой, мне придется вновь пересечь его, чтобы вернуться домой. Но трудно заглядывать так далеко в будущее.

Я все еще не спала, когда услышала это. *Тук-тук*. Пауза. *Тук*. Затем снова: *тук-тук*. Пауза. *Тук*.

– Что происходит? – сонно пробормотал Алексей с соседней койки.

– Ничего, – прошептала я в ответ, уже выскальзывая из-под одеяла и обуваясь в ботинки. Схватив пальто, я максимально тихо прокралась по казарме. Когда открыла дверь, то услышала хихиканье и какая-то девушка сказала:

– Если это следопыт, то скажи ему, чтобы зашел внутрь и согрел меня.

– Если он захочет подхватить сифилис, то, уверена, сразу же направится к тебе, – пропела я сладким голоском и вышла на улицу. Холодный воздух жалил мне щеки, и я спрятала подбородок в воротник, жалея, что не захватила шарф и перчатки. Мал сидел спиной ко мне на ветхих ступеньках. Позади него, на освещаемой огнями тропинке, я увидела Михаила и Дуброва, передающих по кругу бутылку. Я нахмурилась.

– Умоляю, только не говорите, что разбудили меня, чтобы сказать, что собираетесь пойти в палатку гришей. Чего вы хотите, совета?

– Ты не спала, а просто лежала и волновалась.

– Ошибаешься. Я думала, как бы проникнуть в шатер и найти себе милого корпориаала.

Мал рассмеялся. Я замешкалась у двери. Это была сама трудная часть пребывания рядом с ним, если не считать тех моментов, когда мое сердце выделявало унижительные акробатические трюки из-за его близости. Я терпеть не могла скрывать то, как сильно меня задевали его глупости, но мысль, что он узнает правду, была еще более невыносимой. И сейчас я серьезно задумалась над тем, чтобы просто развернуться и пойти внутрь. Вместо этого я проглотила свою ревность и села рядом с ним.

– Надеюсь, ты принес мне что-нибудь хорошенькое. Секреты соблазнения от Алины дорогого стоят.

Он улыбнулся.

– Запишешь на мой счет?

– Ладно. Но только потому, что ты и так в этом хорош.

Я уставилась в темноту и увидела, как Дубров сделал очередной глоток из бутылки и качнулся вперед. Михаил поддержал его рукой, и звук их смеха долетел к нам сквозь ночной воздух.

Мал покачал головой и вздохнул.

– Он всегда пытается поспеть за Михаилом. Наверняка закончится тем, что его вырвет мне на ботинки.

– Так тебе и надо, – ответила я. – Итак, что ты здесь делаешь?

Год назад, когда мы только начали нашу военную службу, Мал навещал меня почти каждую ночь. Но вот уже несколько месяцев, как он перестал приходить.

Парень пожал плечами.

– Не знаю. Ты выглядела такой несчастной за обедом.

Я была удивлена, что он заметил.

– Просто думала о переходе, – осторожно сказала я. Не то чтобы это была ложь. Я и *вправду* в ужасе от мысли, что скоро окажусь в Каньоне, а Малу совершенно не нужно знать о нашем с Алексеем разговоре. – Но я тронута твоей заботой.

– Эй, – проговорил он с улыбкой. – Я волнуюсь о тебе.

– Если тебе повезет, то волькра съест меня на завтрак, и тогда тебе не придется больше беспокоиться.

– Ты же знаешь, что я буду абсолютно потерян без тебя.

– Ты в жизни не терялся, – усмехнулась я. Я была картографом, но Мал мог определить в какой стороне север с завязанными глазами и стоя на голове. Он толкнул меня плечом.

– Ты знаешь, что я имел в виду.

– Конечно, – ответила я. Но это не так. Не совсем.

Мы сидели в тишине, глядя на то, как наше дыхание превращается в пар на холодном воздухе. Мал посмотрел на носки своих ботинок и сказал:

– Наверное, я тоже нервничаю.

Я пихнула его локтем и ответила с уверенностью, которой вовсе не чувствовала:

– Если мы выдержали Ану Кую, то и с парочкой волькр сможем справиться.

– Насколько я помню, в последний раз, когда мы виделись с Анной Куей, ты получила оплеуху и нас заставили убирать навоз в конюшне.

Я скривилась.

– Я тут, между прочим, пытаюсь обнадежить тебя. Мог бы и притвориться, что успешно.

– Знаешь, что самое смешное? – спросил он. – Я действительно периодически скучаю по ней.

Я сделала все возможное, чтобы скрыть свое изумление. Мы провели больше десяти лет своей жизни в Керамзине, но у меня складывалось впечатление, что Мал хотел бы забыть все

связанное с этим местом, возможно, даже меня. Там он был очередным беженцем, еще одним сиротой, который обязан быть благодарным за каждый кусочек еды и пару стоптанных ботинок. В армии же он выбил себе реальное место в обществе, где никому не нужно знать, что когда-то он был никому не нужным маленьким мальчиком.

– И я, – пришлось мне признать. – Мы могли бы написать ей.

– Возможно, – согласился Мал.

Внезапно он потянулся и взял меня за руку. Я постаралась не обращать внимания на небольшой разряд, прошедший по моему телу.

– Завтра в это же время мы будем сидеть в гавани Ос Керво, смотреть на океан и пить квас.

Я посмотрела на Дуброва, покачивающегося взад-вперед, и улыбнулась.

– Дубров покупает?

– Только ты и я, – ответил Мал.

– Seriously?

– Всегда только ты и я, Алина.

На мгновение мне показалось, что это правда. Мир сосредоточился на этой ступеньке, на круге света от лампы и на нас, скрытых в темноте.

– Пошли! – проревел Михаил с тропинки. Мал вздрогнул, как человек, которого только что разбудили. Он еще раз сжал мне руку и отпустил.

– Мне пора, – дерзкая улыбка снова вернулась на его лицо. – Постарайся заснуть.

Он легко спрыгнул со ступеньки и побежал к друзьям.

– Пожелай мне удачи! – крикнул он через плечо.

– Удачи, – машинально ответила я, и тут же захотела себя ударить.

«Удачи? Хорошо тебе провести время, Мал. Надеюсь, ты найдешь ту симпатичную девушку-гриша, безумно влюбишься в нее и вы сделаете кучу прелестных, до тошноты талантливых детишек».

Я замерла на ступеньках, глядя, как они исчезают, удаляясь все дальше и дальше, и все еще чувствуя тепло руки Мала.

«Ну что ж, – подумала я. – Может, он упадет в канаву по дороге туда».

Поспешив обратно в казарму, я плотно закрыла за собой дверь и быстро залезла под одеяло. Станет ли эта черноволосая девушка тайком убегать из шатра, чтобы встретиться с Малом? Я отмахнулась от этой мысли. Это не мое дело, и, если серьезно, я не хотела этого знать. Мал никогда не смотрел на меня, как на эту девушку, или даже как на Руби, и никогда не посмотрит. Важнее всего то, что мы все еще друзья.

«Но как долго вы ими пробудете?» – заныл голос в моей голове.

Алексей был прав: все меняется. Мал изменился к лучшему. Стал красивее, храбрее, самоувереннее. И... недоступнее.

Я вздохнула и перекатилась на другой бок. Хотелось бы верить, что мы с Малом всегда будем друзьями, но нужно признать, что у нас разные дороги.

Лежа в темноте в ожидании сна, я задумалась, будут ли эти дороги вести нас все дальше и дальше друг от друга, и настанет ли день, когда мы снова станем незнакомцами.

Глава 2

Утро прошло незаметно: завтрак, быстрая прогулка к картотеке, чтобы упаковать запасные чернила и бумагу, затем хаос у доков. Я ждала своей очереди с остальными топографами, чтобы загрузиться на один из кораблей маленькой флотилии землеходных скифов. Позади нас пробуждался Крибирск, готовясь заняться своими обычными делами. Впереди простиралась странная сгущающаяся тьма Каньона.

Животные были слишком шумными и слишком легко пугались, чтобы путешествовать на них по Неморю, поэтому переход осуществлялся на землеходных скифах – саниях, оснащенных огромными парусами, которые позволяли практически бесшумно скользить по сухим серым пескам. Скифы загрузили зерном, древесиной и необработанным хлопком, а на обратном пути мы будем везти сахар, ружья и всяческое добро, которое обычно проходит через морские порты Западной Равки.

Глядя на палубу, оборудованную только парусом да шаткими перилами, я думала только о том, что здесь негде спрятаться. На мачте каждого скифа, окруженные вооруженными до зубов солдатами, стояло по двое эфиреалов в синих кафтанах Ордена заклинателей. Серебряная отделка на их рукавах и кайма на мантиях указывала, что они шквальные – гриши, которые могли повышать и понижать давление воздуха, а также наполнять паруса скифа ветром.

Вооруженные ружьями солдаты, ведомые суровым офицером, выстроились вдоль перил. Между ними тоже стояли эфиреалы. Их синие мантии были украшены красной каймой, указывающей на то, что они могли вызывать огонь.

По сигналу капитана старший топограф завел меня, Алексея и остальных ассистентов на скиф, где мы присоединились к пассажирам. Затем он занял место рядом со Шквальными на мачте, где будет помогать им ориентироваться в темноте. В руке у капитана был компас, но от него будет мало проку, как только мы окажемся в Каньоне.

Оказавшись на палубе, я мельком увидела Мала, стоящего с остальными следопытами на другой стороне скифа. Они тоже были вооружены ружьями. Позади них расположились лучники, колчаны за их спинами были заполнены стрелами с наконечниками из стали гришей. Я дотронулась до рукояти армейского ножа, спрятанного за поясом. Особой уверенности он мне не добавлял.

С доков слышалась громогласная команда, и группы здоровенных мужиков начали толкать скифы в бесцветный песок, который доходил до самых дальних уголков Каньона. Они поспешно отходили назад, будто этот мертвый песок мог обжечь им ноги. Наступил и наш черед, и с неожиданно резким толчком наш скиф рванул вперед, скрипя по твердыни.

Я вцепилась в перила для равновесия, мое сердце бешено застучало. Шквальные подняли руки. Паруса раскрылись с громким хлопком, и скиф понесся к Каньону. Поначалу это было похоже на плавание в густом облаке дыма, но жара, запаха или огня нигде не было. Все звуки исчезли, и мир будто замер.

Я наблюдала, как скифы впереди нас скользнули в темноту, один за другим исчезая из виду. Тут я осознала, что больше не могу разглядеть нос нашего скифа или своих рук на перилах. Оглянувшись через плечо – живой мир просто испарился. Тьма клубилась вокруг нас: черная, невесомая, крошечная. Мы оказались в Каньоне.

Впечатление, будто стоишь у края мира. Я крепче схватилась за перила, чувствуя, как дерево врежется в ладонь, и радуясь его прочности. Я сосредоточилась на этом и на ощущении собственных пальцев ног в ботинках, крепко упертых в палубу. Слева доносилось тяжелое дыхание Алексея.

Я пыталась думать о вооруженных солдатах и гришах в синих мантиях. Пересекая Каньон, мы надеялись пройти тихо и незаметно – без выстрелов и вызова огня. Но присутствие

гришей все равно успокаивало. Не знаю, как долго это продолжалось; скифы скользили вперед, единственный раздававшийся звук – тихий шорох песка под днищем. Казалось, прошло всего пару минут, а, возможно, и пару часов.

«С нами все будет хорошо, – твердила я себе. – С нами все будет хорошо».

Затем я почувствовала руку Алексея, он попытался нащупать мою. Парень схватил меня за запястье.

– Слушай! – прошептал он хриплым от ужаса голосом.

Сначала я слышала лишь прерывистое дыхание и шорох скифа. Затем откуда-то из темноты послышался другой звук, слабый, но неумолимо надвигающийся: ритмичное хлопанье крыльев. Одной рукой я вцепилась в Алексея, а другой – в рукоятку ножа. Мое сердце пустилось в галоп, а глаза напрягались, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь в темноте. Я слышала щелчки взводимых курков и шелест натягиваемых луков.

– Приготовьтесь, – прошептал кто-то.

Мы ждали, прислушиваясь к шуму рассекающих воздух крыльев, становившемуся все громче с их приближением, как бой барабанов надвигающейся армии. Мне показалось, что я почувствовала дуновение ветра на щеках, когда *они* начали нас окружать; все ближе и ближе...

– Огонь! – прозвучала команда, за которой последовал треск кремня о камень и взрывной свист – яркая рябь от пламени гришей вспыхнула на каждом из скифов. Я зажмурилась от внезапного света и стала ждать, пока глаза привыкнут. В свете огня увидела *их*.

Обычно волькры передвигаются маленькими группками, но сейчас здесь были... не десятки, а даже сотни тварей, зависших и парящих в воздухе вокруг скифов. Они были самыми пугающими существами, которых я когда-либо видела в книгах или могла себе вообразить. Последовали выстрелы. Полетели стрелы, и воздух разорвали вопли волькр – громкие и жуткие. Они нырнули вниз.

Я услышала пронзительный крик и с ужасом наблюдала, как ноги солдата оторвались от земли и его тело поднялось в воздух, несмотря на попытки бороться. Мы с Алексеем прижались друг к другу и согнулись под перилами, вцепившись в наши жалкие ножики и бормоча молитвы, пока мир погружался в кошмар.

Со всех сторон раздавались вопли и выстрелы. Солдаты отбивались от огромных извивающихся крылатых тварей, а неестественная темнота Каньона нарушалась золотыми всплесками пламени гришей. Затем крик разорвал воздух рядом со мной. Я ахнула, и рука Алексея выскользнула из моей. В свете огненной вспышки я увидела, как другой рукой он цепляется за перила. Его рот был разzyвлен в крике, глаза полны паники, а чудовищное создание, схватившее его своими блестящими серыми лапами, било крыльями и поднимало его в воздух. Толстые когти твари глубоко вонзились парню в спину, тут же испачкавшись в крови. Пальцы Алексея соскользнули с перил. Я бросилась вперед и схватила его за руку.

– Держись!

Затем огонь исчез, и в темноте я почувствовала, как ладонь парня освобождается из моей хватки.

– Алексей!

Его крики заглушили звуки битвы, и волькра унесла парня во мрак. Очередной всплеск пламени осветил небо, но их уже и след простыл.

– Алексей! – вновь выкрикнула я, перегнувшись через край перил. – Алексей!

В ответ последовало хлопанье крыльев еще одной волькры, летевшей за мной. Я попятилась назад, едва избежав лап чудовища, и выставила перед собой нож, сжимая его дрожащими руками. Волькра кинулась вперед, свет огня отразился в ее белесых незрячих глазах, а в раскрытой пасти виднелись ряды острых черных зубов.

Краем глаза я заметила вспышку пороха и услышала выстрел. Волькра сбилась с траектории и завывала от ярости и боли.

– Шевелись! – это был Мал с ружьем в руке, его лицо испачкалось кровью.

Он схватил меня за руку и спрятал за себя. Волькра продолжала приближаться, цепляясь когтями за палубу, одно ее крыло было согнуто под странным углом. Мал пытался перезарядить винтовку в свете пламени, но тварь оказалась проворнее. Она набросилась на нас, клацая челюстями и терзая когтями грудь моего друга. Тот закричал от боли. Я схватила чудовище за сломанное крыло и глубоко воткнула нож между лопаток.

Ее мускулистая плоть была склизкой. Тварь закричала и начала вырываться из моей хватки, повалив меня на палубу. В исступлении гнева волькра бросилась на меня, распахнув свою огромную пасть. Прозвучал еще один выстрел. Чудовище споткнулось и опрокинулось на палубу, изо рта хлынула черная кровь. В туманном свечении я увидела, как Мал опустил оружие. Его порванная рубашка потемнела от крови. Винтовка выскользнула из рук, и парень покачнувшись, упал на колени, а затем плашмя на палубу.

– Мал! – я тут же подбежала к нему, нажимая руками на грудь в отчаянной попытке остановить кровотечение. – Мал! – по моему лицу потекли слезы.

Воздух наполнился запахом крови и пороха. Вокруг нас слышались выстрелы, крики... и отвратительные чавкающие звуки. Огни гришей ослабевали, вспыхивали реже, и, что хуже всего, скифы перестали двигаться.

«Вот и все», – безнадежно подумалось мне.

Склонившись над Малом, я продолжала зажимать рану. Его дыхание было прерывистым.

– Они приближаются, – выдохнул парень.

Я подняла голову и в угасающем свечении пламени гришей увидела двух волькр, пикирующих на нас. Я накрыла Мала своим телом, понимая, что это бесполезно, но больше мне ничего не оставалось. Я ощутила зловонный запах волькры и движение воздуха от ее крыльев. Прижавшись лбом к Малу, услышала его шепот:

– Я буду ждать тебя на лугу...

Что-то внутри меня прорвалось: от ярости, от безнадежности, от неминуемости скорой смерти. Я почувствовала кровь друга на своих ладонях, увидела боль на любимом лице. Волькра издала победный вопль и вонзила когти мне в плечо. Тело прострелила боль.

И весь мир побелел.

Я закрыла глаза от вспышки пронзительно-яркого света, взорвавшегося передо мной. Казалось, он заполнил мою голову, ослепил, оглушил. Откуда-то сверху послышался жуткий вопль. Я ощутила, что волькра ослабила хватку на моем плече, и потом глухой удар, с которым моя голова стукнулась о палубу. После этого я уже ничего не чувствовала.

Глава 3

Я очнулась от толчка. Ощувив дуновение ветра на коже, я открыла глаза и увидела перед собой нечто похожее на темные клубы дыма. Я лежала на спине на палубе скифа. Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать, что пелена дыма стала рассеиваться и между темными ключьями проглядывает яркое осеннее солнце. Я снова закрыла глаза и вздохнула с облегчением. «Мы на пути из Каньона, – подумала я. – Не знаю как, но нам удалось пробраться».

Или нет? Воспоминания о нападении волькр затопили мое сознание. Где Мал? Я попыталась сесть, и боль пронзила мои плечи. Игнорируя ее, я оттолкнулась от палубы и обнаружила, что оказалась нос к носу со стволом винтовки.

– Уберите от меня эту штуку, – рявкнула я, отпихивая оружие прочь. Солдат вернул винтовку на место, угрожающе тыча ею в меня.

– Не двигайся, – приказал он.

Я удивленно уставилась на него.

– Да что с тобой такое?

– Она очнулась! – крикнул тот через плечо. К нему подошли еще два вооруженных солдата, капитан скифа и корпорялка, – с нарастающим волнением я заметила, что рукава ее красного кафтана были вышиты черным. Чего от меня хочет сердцебитка? Я огляделась. Шквальный все еще стоял у мачты с поднятыми руками, направляя нас потоком сильного ветра, рядом с ним находился всего один солдат. Палуба была местами запятнана кровью.

Мой желудок скрутило, стоило вспомнить жуткую битву. Целитель-корпорял ухаживал за ранеными. Где Мал? У перил стоял гриш и солдаты: окровавленные, обожженные и в значительно меньшем количестве, чем в момент отплытия. Все настороженно поглядывали на меня.

С нарастающим страхом я осознала, что солдаты и корпорял на самом деле стерегли меня. Как пленницу.

– Мал Оретцев. Он следопыт и был ранен во время нападения. Где он? – спросила я.

Никто ни слова не проронил.

– Прошу вас, ответьте, – начала умолять я. – Где он?

Последовал толчок – скиф сел на мель. Капитан указал на меня винтовкой.

– Встань.

Я подумывала продолжить сидеть, пока они не скажут, что случилось с Малом, но один взгляд на сердцебитку заставил меня передумать. Я поднялась, морщась от боли в плече, и споткнулась, поскольку скиф снова начал двигаться, подталкиваемый рабочими дока. Инстинктивно потянувшись, чтобы восстановить равновесие, но солдат, которого я коснулась, дернулся так, будто я его обожгла. Мне удалось справиться самостоятельно, но мысли путались все сильнее. Скиф вновь покачнулся.

– Двигай! – скомандовал капитан.

Солдаты вели меня на расстоянии вытянутой винтовки. Я прошла мимо других выживших, поймав их любопытные, испуганные взгляды, а еще заметила, как старший топограф что-то взволнованно рассказывает солдату. Хотелось остановиться и рассказать ему о том, что случилось с Алексеем, но я не осмелилась.

Ступив на сушу, я с удивлением поняла, что мы вернулись в Крибирск. Мы даже не пересекли Каньон. Я вздрогнула. Но лучше уж маршировать по лагерю с приставленной к спине винтовкой, чем быть в Неморе.

«Не намного лучше», – пришла в голову мысль.

Когда солдаты вели меня по главной дороге, люди бросали свои дела и открыто глазели на меня. Мой мозг лихорадочно работал, пытаюсь найти ответы, но безуспешно. Я натворила что-

то страшное в Каньоне? Нарушила какой-то военный протокол? И вообще, как мы выбрались оттуда?

Раны на плечах пульсировали. Последнее, что я помнила, была ужасная боль от когтей волькры, царапающих мне спину, а затем яркая вспышка света. Как мы выжили?

Эти мысли испарились из моей головы, стоило нам подойти к палатке офицеров. Капитан приказал охране остановиться и приблизился ко входу. Корпорялка протянула руку, чтобы остановить его.

– Это пустая трата времени. Мы должны немедленно отвести ее к...

– Убери от меня руки, кровопускательница, – отрезал капитан и высвободился. Корпорялка рассматривала его с секунду, в ее глазах читалась опасность, но затем она холодно улыбнулась и поклонилась.

– Да, капитан.

Волоски на моих руках встали дыбом. Капитан исчез в палатке, и мы остались ждать. Я нервно оглянулась на корпорялку, которая, видимо, забыла о своей перепалке с капитаном и вновь начала меня разглядывать. Она была молода, возможно даже моложе меня, но это не помешало ей бросить вызов старшему по званию. Да и с чего бы? Она могла убить капитана на месте, даже не подняв оружия.

Я терла руки, пытаясь унять холод, поднимающийся во мне. Полог палатки распахнулся, и я с ужасом увидела, что капитан вышел в сопровождении угрюмого полковника Раевского. Что же такого я могла натворить, что требовало бы вмешательства высшего офицерского звена?

Полковник окинул меня взглядом, его обветренное лицо было мрачным.

– Кто ты?

– Помощник картографа Алина Старкова. Королевский корпус топографов...

Он перебил:

– *Кто* ты?

Я недоуменно заморгала.

– Я... я картограф, сэр.

Раевский нахмурился. Отозвал в сторонку одного из солдат и что-то пробормотал ему, после чего тот поспешил обратно к докам.

– Пошли, – сухо продолжил офицер, обращаясь ко мне.

Я почувствовала толчок винтовки в спину и двинулась вперед. У меня было очень плохое предчувствие насчет того, куда меня веля.

«Не может быть», – думала я в отчаянии. – Это какая-то бессмыслица».

Но когда перед нами появилась огромная черная палатка, не осталось никаких сомнений. Вход в шатер гришей охранялся сердцебицами и опричниками, облаченными в форму цвета древесного угля – элитные солдаты из личной охраны Дарклинга. Опричники не были гришами, но пугали не меньше.

Корпорялка со скифа посовещалась с охраной у палатки, а затем исчезла внутри вместе с полковником Раевским. Я ждала, сердце бешено колотилось, вокруг перешептывались и глазели, и мое беспокойство росло. Высоко надо мной трепетали на ветру флаги: синий, красный, фиолетовый, а над всеми ними – черный.

Еще прошлой ночью Мал и его друзья смеялись над предположениями, как можно пробраться в эту палатку, и гадали, что они найдут внутри. Похоже, мне предстоит это узнать.

«Где же Мал?»

Этот вопрос преследовал меня – единственная ясная мысль, которую удалось сформулировать.

Казалось, прошла вечность, прежде чем корпорялка вернулась и кивнула капитану, который провел меня в палатку гришей. На секунду все мои страхи исчезли, их затмила окру-

жившая меня красота. Изнутри стены палатки были украшены каскадами бронзового шелка, ловившего сияние от свечей в люстре. Полы были покрыты богатыми коврами и мехами. Блестящие шелковые перегородки делили пространство вдоль стен на отсеки, в которых собрались гриши в своих ярких кафтанах.

Некоторые стояли и разговаривали, другие устроились на подушках и пили чай. Двое склонились над партией в шахматы. Откуда-то послышался звук рвущейся струны балалайки. Поместье князя было красивым, но то была меланхоличная красота пыльных комнат и облупившейся краски; слабое эхо былой роскоши. Шатер гришей не походил ни на одно из мест, что мне доводилось видеть – сам воздух был пропитан могуществом и богатством. Солдаты провели меня по длинной ковровой дорожке, в конце которой виднелся черный павильон на возвышении.

По палатке понеслась волна любопытства. Мужчины и женщины замолкали на полуслове, чтобы посмотреть на меня; некоторые даже привстали и вытянули шеи. К тому моменту, как мы дошли до возвышения, комната погрузилась в тишину, и я была уверена, что все слышали стук моего сердца.

Перед черным павильоном несколько министров в богатом облачении с королевским гербом – двуглавым орлом – и группка корпоралов собрались вокруг длинного стола с развернутыми картами. Во главе стола стоял стул с высокой спинкой из чернейшего дерева и искусной резьбой. На нем развалившись сидел парень в черном кафтане. Его подбородок покоился на бледной ладони. Лишь один гриш носил черное... лишь одному *позволялось* носить черное. Полковник Раевский встал рядом с ним и начал что-то тихо говорить. Я смотрела на фигуру в черном, разрываясь между страхом и благоговением.

«Он слишком молод».

Этот Дарклинг командовал гришами еще до моего рождения, но человек, сидевший на помосте, выглядел ненамного старше меня. У него были тонкие черты лица, густые черные волосы и ясные серые глаза, мерцающие, словно кварц. Я знала: чем гриш сильнее, тем дольше он живет. Дарклинги были самыми сильными из всех, но я чувствовала в этом неправильность и помнила слова Евы: «Он неестественный. Как и все предыдущие».

Высокий, звенящий смех зазвучал в толпе, образовавшейся около меня у подножья. Я узнала красавицу в синем кафтане, ту самую из экипажа эфиреалов, которая так увлеклась Малом. Она прошептала что-то своей подруге с каштановыми волосами, и обе захохотали снова.

Мои щеки загорелись, когда я представила, какой у меня вид в порванном старом пальто, особенно после путешествия в Тенистый Каньон и битвы со стаей голодных волькр. Но все равно задрала подбородок и посмотрела красавице прямо в глаза.

«Смейся сколько влезет, – мрачно подумала я. – О чем бы вы ни болтали, я и похуже слышала».

Она на секунду задержала на мне взгляд, а затем отвернулась. Я наслаждалась коротким приливом удовлетворения, прежде чем голос полковника Раевского вернул меня к реальности.

– Приведите их, – сказал он.

Я повернулась, чтобы увидеть очередных солдат, ведущих побитых и озадаченных людей по проходу в палатку. Среди них я заметила солдата, стоявшего рядом со мной, когда напала волькра, и старшего картографа – его обычно чистое пальто было рваным и грязным, а лицо – напуганным.

Мое беспокойство только возросло, когда я поняла, что все они – выжившие с моего скифа, и что их привели к Дарклингу в качестве свидетелей. Что же случилось в Каньоне? Что, по их мнению, я натворила?

У меня перехватило дыхание, когда я опознала своих друзей в группе следопытов. Первым заметила Михаила, чья рыжеволосая башка покачивалась над толпой на толстой шее, а на

него опирался очень бледный и изможденный *Мал*. В прорехах его окровавленной рубашки видны были бинты.

Я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги, и я прижала ладонь ко рту, чтобы подавить вскрик. Мал жив! Я хотела протолкнуться сквозь толпу и обнять его, но мне оставалось лишь смотреть. Меня накрыла волна облегчения. Что бы там ни случилось, мы будем в порядке. Мы пережили Каньон и переживем это безумие.

Я обернулась к помосту, и вся радость испарилась. Дарклинг смотрел прямо на меня. Он все еще слушал полковника Раевского, его поза была такой же расслабленной, как раньше, но напряженный взгляд был сосредоточен на мне. Когда он снова повернулся к полковнику, я поняла, что задержала дыхание.

Потрепанная группка выживших дошла до подножья помоста, и полковник Раевский приказал:

– Капитан, докладывайте.

Тот встал и ответил безразличным тоном:

– Примерно на тридцатой минуте переплава на нас напала большая стая волькр. Они окружили нас, и мы несли тяжелые потери. Я боролся на правом борту скифа. В этот момент я увидел... – мужчина замешкался, а затем продолжил уже менее уверенным голосом. – Не знаю, что именно я видел. Вспышку света. Ясную, как день, даже ярче. Будто я смотрел на солнце.

Толпа зашептала. Выжившие со скифа кивали, и я обнаружила, что киваю вместе со всеми. Солдат рявкнул, чтобы все замолчали, и продолжил:

– Волькры скрылись, и свет исчез. Я немедленно приказал вернуться к докам.

– А девчонка? – спросил Дарклинг.

С холодным уколом страха я поняла, что он говорит обо мне.

– Я не видел девчонку, мой суверенный.

Дарклинг приподнял бровь, поворачиваясь к остальным выжившим.

– Кто на самом деле видел, что произошло? – его голос был безразличным, далеким, почти незаинтересованным.

Те погрузились в тихую дискуссию друг с другом. Затем медленно и робко вперед вышел старший картограф. Я почувствовала резкий приступ жалости. Никогда не видела его таким потрепанным. Его редкие темные волосы торчали во все стороны, пальцы нервно теребили край порванного пальто.

– Расскажи нам, что ты видел, – приказал Раевский.

Картограф облизал губы.

– Нас... нас атаковали, – робко начал он. – Каждый отбивался, как мог. Много шума. Много крови... Один из парней, Алексей, был убит. Это ужасно, ужасно, – его руки дрожали, как две трепещущие птички. Я нахмурилась. Если картограф видел, как на Алексея напали, почему не попытался помочь? Старик прочистил горло: – Они были повсюду. Я видел, как одна тварь направилась к ней...

– К кому? – спросил Раевский.

– К Алине... Алине Старковой, одной из моих помощниц.

Красавица в синем усмехнулась и наклонилась к подружке, чтобы прошептать той что-то на ухо. Я сжала челюсть. Как приятно знать, что гриши оставались снобами даже в разгар повествования о нападении волькр!

– Продолжай, – настаивал Раевский.

– Я видел, как одна тварь направилась к ней и следопыту, – сказал картограф, указывая на Мала.

– А где были вы? – рассерженно поинтересовалась я. Вопрос слетел с моего языка раньше, чем я смогла его обдумать. Все повернулись, чтобы посмотреть на меня, но мне было плевать. –

Вы видели, что волькра напала на нас. Видели, как эта тварь схватила Алексея. Почему не помогли нам?

– Я ничего не мог поделать, – взмолился он, широко разведя руки. – Они были повсюду. Настоящий хаос!

– Алексей мог бы выжить, если бы вы подняли свою костлявую задницу и помогли нам!

Из толпы послышались ахи и смех. Картограф покраснел от злости, и я немедленно пожалела о сказанном. Если выберусь из этой кутерьмы, меня ждут большие неприятности...

– Довольно! – прогремел Раевский. – Расскажи, что ты видел, картограф.

Толпа притихла, и он вновь облизал губы.

– Следопыт упал, она была рядом. К ним летела волькра. Я увидел, как эта тварь напала на девчонку, и она... она засветилась.

Гриши разразились возгласами недоверия и насмешками. Некоторые открыто хохотали. Не будь я такой напуганной и сбитой с толку, то присоединилась бы к ним.

«Может, не стоило быть с ним такой суровой, – подумала я, глядя на помятого мужчину. – Бедняга явно стукнулся головой во время битвы».

– Я видел! – прокричал он сквозь шум. – Свет шел из нее!

Некоторые гриши открыто издевались над ним, но остальные кричали: «Дайте ему сказать!» Отчаявшийся картограф оглянулся за поддержкой на своих выживших приятелей, и, к моему изумлению, некоторые из них кивнули. Все сошли с ума? Они на самом деле считали, что я отпугнула волькр?

– Это абсурд! – крикнул голос из толпы. Это была красotka в синем. – На что ты намекаешь, старик? Что нашел нам заклинательницу Солнца?

– Я ни на что не намекаю, – запротестовал он. – Лишь говорю то, что видел!

– Это не невозможно, – сказал грузный гриш. На нем был фиолетовый кафтан субстанциала, члена Ордена фабрикаторов. – Существуют легенды...

– Не будь глупцом! – девушка рассмеялась, ее голос был полон презрения. – Волькра лишила старика остатков разума!

Толпа разразилась громкими спорами. Внезапно я почувствовала себя очень уставшей. Мое плечо пульсировало в месте, куда волькра вонзила свои когти. Я не знала, что там картограф и все остальные думали, что видели. Я знала только то, что это была какая-то ужасная ошибка, и в конце этого фарса именно у меня будет глупый вид. Я скривилась от мысли обо всех издевках, которые мне придется терпеть по окончании. Надеюсь, оно скоро наступит.

– Тишина, – Дарклинг едва повысил голос, но команда полоснула по толпе и наступило молчание.

Я подавила дрожь. Ему эта шутка может показаться не такой уж смешной. Оставалось молиться, что он не станет винить во всем меня. Дарклинг не славился милосердием. Может, мне стоит меньше беспокоиться об издевках и больше о том, чтобы меня не изгнали из Цибей? Или того хуже... Ева рассказывала, что однажды Дарклинг приказал целителям-корпоралам навсегда запечатать рот предателю. Губы мужчины были склеены вместе, и он умер от голода. В то время мы с Алексеем рассмеялись и отнеслись к этому как к очередной сумасбродной истории Евы. Теперь же я не была так уверена.

– Следопыт, – тихо сказал Дарклинг, – что видел ты?

Все как один повернулись к Малу, глядевшему на меня с тревогой. Затем он перевел взгляд на Дарклинга.

– Ничего. Я ничего не видел.

– Девчонка была прямо рядом с тобой.

Мал кивнул.

– Ты должен был что-то видеть.

Он снова посмотрел на меня, его взгляд был полон беспокойства и усталости. Никогда не видела его таким бледным. Сколько же крови он потерял? Я почувствовала прилив бессильной ярости. Он был серьезно ранен! Ему нужно отдыхать, а не стоять здесь и отвечать на глупые вопросы!

– Просто скажи, что ты помнишь, следопыт, – приказал Раевский.

Мал слегка пожал плечами и скривился от боли.

– Я лежал на палубе. Алина была рядом. Я видел, как волькра спикировала вниз, и понял, что она летит к нам. Я что-то сказал и...

– Что ты сказал? – холодный голос Дарклинга прозвучал, как гром в комнате.

– Не помню, – ответил Мал. Я узнала упрямый абрис его челюсти и догадалась, что он лжет. Он все помнил. – Я учуял волькру, когда та кинулась на нас. Алина закричала, и больше я ничего не видел. Весь мир просто... засиял.

– Так ты не видел, откуда исходил свет? – спросил Раевский.

– Алина не... Она не могла... – Мал покачал головой. – Мы из одной... деревни. – Я заметила эту крошечную паузу, присущую всем сиротам. – Если бы она могла вытворять нечто подобное, я бы знал.

Дарклинг долгое время смотрел на Мала, а затем перевел взгляд на меня.

– У всех нас есть секреты, – сказал он.

Мал открыл рот, будто хотел что-то добавить, но Дарклинг поднял руку, чтобы тот умолк. На лице друга вспыхнула злость, но он промолчал, сжав губы в угрюмую линию.

Дарклинг поднялся со стула. По взмаху его руки солдаты отступили, оставляя меня один на один с ним. В шатре стало пугающе тихо. Он медленно спустился по ступенькам. Мне пришлось бороться с желанием попятиться, когда мы встали лицом к лицу.

– Итак, что *ты* скажешь, Алина Старкова? – приветливо спросил он.

Я сглотнула. В горле пересохло, а сердце забилось быстрее, но я знала, что должна ответить. Должна заставить его понять, что я здесь ни при чем.

– Это какая-то ошибка, – хрипло ответила я. – Я ничего не делала. И не знаю, как мы выжили.

Дарклинг, похоже, стал обдумывать мои слова. Затем сложил руки на груди и склонил голову вбок.

– Итак, – продолжил он, погруженный в свои мысли. – Мне нравится думать, что я знаю обо всем, что происходит в Равке, и если бы в моей стране жила заклинательница Солнца, я был бы об этом осведомлен, – толпа согласно забормотала, но он проигнорировал их, внимательно наблюдая за мной. – Но *что-то* могущественное остановило волькр и спасло королевский скиф. – Он замолчал, будто ждал, что я решу эту головоломку за него.

Я упрямо подняла подбородок.

– Я ничего не делала. Абсолютно ничего.

Уголки губ Дарклинга дернулись, будто он пытался подавить улыбку, ощупывая меня взглядом с головы до ног. Я почувствовала себя блестящей побрякушкой: словно диковинка, выброшенная на берег озера, которую он может пнуть своим ботинком.

– Твоя память столь же ненадежна, как и у твоего друга? – он кивнул на Мала.

– Я не... – запнулась. *Что* я помнила? Ужас. Тьму. Боль. Кровь Мала. Жизнь покидала его под моими руками. Ярость, наполнившая меня при мысли о собственной беспомощности.

– Вытяни свою руку, – приказал Дарклинг.

– Что?

– Мы потратили уже достаточно времени. Вытяни руку.

Холодный укол страха пронзил меня. Я в панике огляделась вокруг, но помощи искать было неоткуда. Солдаты с каменными лицами смотрели перед собой. Выжившие со скифа выглядели напуганными и усталыми. Гриши поглядывали на меня с любопытством. Девушка в

синем ухмылялась. Лицо Мала стало еще бледнее, но в его обеспокоенном взгляде не читался ответ. Дрожа от страха, я протянула свою левую руку.

– Закатай рукав.

– Я ничего не делала.

Я собиралась сказать это громко, провозгласить это, но мой голос звучал тихо и испуганно. Дарклинг смотрел на меня, ожидая. Я закатала рукав. Он вытянул руки, и меня охватил ужас при виде того, как его ладони наполняются чем-то черным, что собиралось и клубилось в воздухе, как чернила в воде.

– Теперь, – сказал он все тем же тихим, успокаивающим голосом, будто мы сидели за чаепитием, а я не дрожала перед ним от страха, – давай посмотрим, на что ты способна.

Он соединил ладони, и послышался звук, похожий на раскат грома. Волны тьмы, исходящие от его сложенных ладоней, накатили на меня и толпу черной волной. Я ослепла. Комната исчезла. Все исчезло. Я закричала от ужаса, почувствовав, как пальцы Дарклинга сжимаются на моем открытом запястье.

Внезапно мой страх отступил. Он все еще был внутри, свернувшийся в уголке, как животное, но его потеснило нечто спокойное, уверенное и мощное... а также смутно знакомое. Я услышала внутренний зов, и, удивительно, но что-то во мне начало подниматься в ответ. Я пыталась подавить это, затолкать обратно внутрь себя. Каким-то образом я знала: если эта штука освободится – мне конец.

– Ничего? – пробормотал Дарклинг. Я вдруг осознала, насколько близко ко мне он стоял в темноте.

Мой испуганный разум вцепился в эти слова: *«Ничего. Правильно, там ничего нет. Совсем ничего. А теперь оставь меня!»*

К моему облегчению, это нечто, ведущее борьбу внутри меня, отступило, оставляя зов Дарклинга без ответа.

– Не так быстро, – прошептал он.

Что-то холодное прижалось к внутренней части моей руки. В тот же момент до меня дошло, что это нож и его лезвие режет мне кожу. Я словно окунулась в омут боли и страха и не смогла сдержать крик. Эта штука внутри меня взревела и рванула на поверхность. Я не могла себя остановить... и ответила на клич Дарклинга. Мир вспыхнул ослепляющим белым светом. Тьма раскалывалась вокруг нас, как стекло. На мгновение я увидела лица в толпе: они открывали рты от удивления, когда палатка наполнилась сиянием, а воздух замерцал от жары.

Затем Дарклинг отпустил меня, и с его прикосновением ушло овладевшее мной чувство уверенности. Белоснежные лучи исчезли, оставляя вместо себя свет от обычных свечек, но я все еще чувствовала тепло и необъяснимое мерцание солнца на своей коже. Мои ноги подкопились, и Дарклинг поймал меня, прижимая к своему телу одной удивительно сильной рукой.

– Похоже, ты только с виду серая мышка, – прошептал он мне на ухо, а затем подозвал одного из своих личных стражей. – Уведи ее, – приказал он, передавая меня опричнику, протянувшему руку, чтобы помочь мне. Я покраснела от унижения – меня передали, как мешок с картошкой, но я была слишком напугана и сбита с толку, чтобы противиться.

Из пореза, которым одарил меня Дарклинг, текла кровь.

– Иван! – прокричал он. Высокий сердцеебит поспешил с помоста к своему господину. – Отведи ее к моему экипажу. Я хочу, чтобы ее постоянно охранял вооруженный страж. Отвези ее в Малый дворец, и ни в коем случае не останавливайтесь. – Иван кивнул. – И пусть целитель осмотрит ее раны.

– Подождите! – возразила я, но Дарклинг уже отвернулся. Я вцепилась в его руку, игнорируя ахи от наблюдавших за нами гришей. – Произошла какая-то ошибка! Я не... Я не та... – мой голос затих, когда Дарклинг медленно повернулся. Взгляд серых глаз остановился там, где

я хваталась за его рукав. Я отпустила его, но так просто сдаваться не собиралась. – Я не та, кем вы меня считаете.

Дарклинг подошел ближе ко мне и ответил так тихо, что только я могла его услышать:

– Сомневаюсь, что ты имеешь хоть малейшее представление, кто ты такая, – затем кивнул Ивану. – Иди!

Дарклинг вновь повернулся ко мне спиной и быстро пошел на возвышение, где был немедленно окружен советниками и министрами, которые начали наперебой что-то громко и быстро ему говорить.

Иван грубо схватил меня за руку.

– Пошли!

– Иван, – позвал Дарклинг, – следи за своим тоном. Она теперь гриш.

Тот слегка покраснел и поклонился, но его хватка на моей руке не ослабла, когда он повел меня по проходу.

– Вы должны выслушать меня, – воскликнула я, пытаясь поспеть за его широкими шагами. – Я не гриш. Я картограф. И то не очень хороший.

Иван проигнорировал мою реплику. Я оглянулась через плечо, осматривая толпу. Мал спорил с капитаном скифа. Будто почувствовав, что я смотрю на него, он поднял голову и встретился со мной взглядом. Я видела, как мои паника и недоумение отразились на его бледном лице. Мне хотелось закричать, броситься к нему, но в следующее мгновение он исчез, поглощенный толпой.

Глава 4

Слезы разочарования навернулись у меня на глазах, пока Иван тащил меня через шатер на выход, к дневному свету. Мы спустились с пологого холма к дороге, где уже ждал черный экипаж Дарклинга, окруженный кольцом эфиреалов на конях и прикрытый по бокам вооруженной кавалерией. Двое стражей в сером ждали у дверцы кареты вместе с женщиной и седовласым мужчиной, которые носили красные кафтаны корпориалов.

– Залезай, – приказал Иван. Затем, вспомнив указания своего господина, добавил: – Будьте так любезны.

– Нет.

– Что? – казалось, он искренне удивлен. Другие корпориалы выглядели шокированными.

– Нет! – повторила я. – Я никуда не поеду. Произошла какая-то ошибка. Я...

Иван прервал меня, крепко схватив за руку.

– Дарклинг не ошибается, – процедил он сквозь зубы. – Садись в карету.

– Я не хочу...

Иван опустил голову так, что его нос оказался в паре дюймов от моего, и практически сплюнул:

– Думаешь, меня заботит, чего ты хочешь? Через пару часов каждый фьерданский шпион и шуханский ассасин будет знать, что случилось в Каньоне, и они придут за тобой. Наш единственный шанс – доставить тебя в Ос Альту и спрятать за стены дворца до того, как все поймут, кто ты такая. А теперь – *садись в карету*.

Он втолкнул меня в экипаж и сам последовал за мной и сел на противоположное сиденье, демонстрируя отвращение. Остальные корпориалы присоединились к нему, а опричники устроились с двух сторон от меня.

– Так я – пленница Дарклинга?

– Ты под его защитой.

– В чем разница?

Выражение лица Ивана было невозможно прочесть.

– Молись, чтобы никогда не узнать.

Я нахмурилась и откинулась на мягком сиденье, тут же зашипев от боли – я совсем забыла о своих ранах.

– Осмотри ее, – сказал Иван женщине-корпориалке. Серая вышивка на ее манжетах свидетельствовала о ее принадлежности к целителям. Она поменялась местами с опричником и села рядом со мной. В дверцу сунул голову солдат.

– Мы готовы.

– Отлично, – ответил Иван. – Будьте начеку и не останавливайтесь.

– Мы остановимся лишь раз, чтобы сменить лошадей. Если это случится раньше, вы поймете, что что-то не так.

Солдат исчез, закрыв за собой дверь. Возница не мешкал. С окриком и взмахом хлыста экипаж двинулся вперед. Меня охватила паника. Что со мной происходило? Я подумывала просто распахнуть дверцу и сбежать. Но куда? Карета была окружена вооруженными мужчинами и находилась посреди военного лагеря. И даже если бы все было иначе, куда я могла пойти?

– Пожалуйста, сними свое пальто, – попросила женщина.

– Что?

– Мне нужно осмотреть раны.

Я думала отказаться, но какой смысл? Неловко поводя плечами, я сняла пальто и позволила целительнице спустить рубашку. Корпориалы были Орденом живых и мертвых. Я пыта-

лась сосредоточиться на части про «живых», но меня никогда раньше не лечил гриш, и все мышцы в теле напряглись от страха. Она вытащила что-то из небольшой сумки, и резкий химический запах заполнил карету.

Я дернулась при промывке раны и впиалась пальцами в колени. Когда женщина закончила, я почувствовала теплое покалывание между плечами и сильно прикусила губу: желание почесать спину было почти невыносимым. Наконец целительница остановилась и натянула рубашку на место. Я осторожно подвигала плечами. Боль исчезла.

– Теперь руку, – сказала она.

Я почти забыла о порезе от ножа Дарклинга, но мое запястье и рука были липкими от крови. Целительница промыла порез, а затем подняла мою руку к свету.

– Постарайся не шевелиться, – сказала она, – или останется шрам.

Я пыталась изо всех сил, но качка кареты мешала. Женщина медленно провела рукой по ране. Я почувствовала, как моя кожа пульсирует от тепла. Рука дико зачесалась, пока я пораженно наблюдала, как две части пореза с мерцанием соединяются и заживают.

Зуд прекратился, и целительница отодвинулась. Я коснулась руки – на месте пореза остался небольшой шрам, но и только.

– Спасибо, – восхищенно вымолвила я.

Целительница кивнула.

– Дай ей свой кафтан, – сказал ей Иван.

Женщина нахмурилась, но колебалась лишь мгновение, прежде чем снять свой красный кафтан и передать его мне.

– Зачем? – спросила я.

– Просто возьми, – прорычал Иван.

Я повиновалась. Лицо целительницы ничего не выражало, но я видела, что ей больно расставаться с мантией. Прежде чем я смогла решить, предлагать ли ей свое заляпанное кровью пальто, Иван постучал по потолку кареты и экипаж начал замедляться.

Целительница даже не подождала, пока тот остановится, открыла дверь и выпрыгнула наружу. Иван закрыл дверцу обратно. Опричники вновь сели по бокам от меня, и мы снова двинулись в путь.

– Куда она ушла? – спросила я.

– Обратно в Крибирск, – ответил Иван. – Мы будем ехать быстрее без лишней тяжести.

– Ты выглядишь тяжелее нее, – пробурчала я.

– Надень кафтан.

– Зачем?

– Он сделан из ткани субстанциалов и может выдержать удар пули.

Я уставилась на него. Это вообще возможно? Были сказки о том, как гриши выдерживали прямые выстрелы и выживали, хотя раны должны были быть фатальными. Я никогда не воспринимала это всерьез, но, возможно, работа фабрикаторов была правдой, скрытой за крестьянскими рассказами.

– Вы все их носите? – спросила я, надевая кафтан.

– Когда находимся на поле битвы, – ответил опричник. Я чуть не подпрыгнула. Стражи впервые заговорили.

– Просто не заработай себе пулю в голову, – добавил Иван со снисходительной усмешкой. Я проигнорировала его реплику. Кафтан был слишком большой. Он казался мягким и непривычным, меховая оторочка льнула к коже. Я закусила губу. Несправедливо, что опричники и гриши носили одежду из пуленепробиваемой ткани, пока обычные солдаты должны были обходиться без нее. Неужели наши офицеры тоже ее носили?

Экипаж набрал скорость. За то время, пока целительница делала свою работу, снаружи начали сгущаться сумерки, и мы оставили Крибирск позади. Я наклонилась вперед, пытаясь выглянуть в окно, но мир вне кареты растворился во мгле.

Я вновь почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и часто заморгала. Несколько часов назад я была испуганной девчонкой на пути к неизведанному, но тогда, по крайней мере, я знала, кто я и что я.

С болью подумалось о картотеке. Остальные выжившие, скорее всего, уже вернулись за рабочие места. Будут ли они оплакивать Алексея? Будут ли обсуждать меня и то, что случилось в Каньоне?

Я вцепилась в мягкое армейское пальто, укрывавшее мои колени. Конечно, все это должно быть сном, какой-нибудь безумной галлюцинацией, вызванной ужасами Тенистого Каньона. Я не могла на самом деле быть одетой в кафтан гриша и сидеть в экипаже Дарклинга – том самом, который чуть не переехал меня вчера.

Кто-то зажег лампу в карете, и в мерцающем свете я смогла лучше рассмотреть интерьер. Сиденья были обиты мягким черным бархатом. На оконных стеклах была выгравирована эмблема Дарклинга: два пересекающихся круга – затмение солнца.

Сидящие напротив гриши изучали меня с нескрываемым любопытством. Их красные кафтаны из тончайшей шерсти были щедро украшены черной тесьмой и обшиты черным мехом. Белокурый сердцееб был долговым и с вытянутым грустным лицом. Иван был выше и крепче остальных, с волнистыми темными волосами и бронзовой кожей. Теперь, когда я присмотрелась к нему, то должна была признать – он хорош собой.

«И знает это. Большой красивый задира».

Мне было не по себе от их взглядов, и я беспокойно заерзала на месте. Потом уставилась в окно, но там смотреть было не на что, кроме сгущающейся тьмы и собственного бледного отражения. Я обернулась к гришам и попыталась подавить свое раздражение. Они все так же глазели на меня. Я напомнила себе, что эти мужчины способны взорвать мое сердце прямо в груди, но в конце концов не смогла больше терпеть.

– Я не показываю трюки, знаете ли, – резко бросила я.

Гриши обменялись взглядами.

– В палатке ты показала довольно неплохой трюк, – ответил Иван.

Я закатила глаза.

– Ну, если я задумаю сделать нечто интересное, то непременно предупрежу вас. А пока... вздремните или придумайте занятие получше.

Иван выглядел оскорбленным. Я почувствовала укол страха, но седовласый Корпориаг громко рассмеялся.

– Я – Федор, – сказал он. – А это Иван.

– Знаю, – представив неодобрительный взгляд Аны Куи, я добавила: – Очень рада знакомству.

Они обменялись насмешливыми взглядами. Я проигнорировала их и заерзала на месте, пытаясь устроиться удобнее. Это было нелегко, учитывая, что два вооруженных солдата занимали почти все пространство. Карета наскочила на камень и она дернулась вперед.

– Это безопасно? Путешествовать ночью?

– Нет, – ответил Федор. – Но останавливаться было бы гораздо опаснее.

– Потому что теперь за мной охотятся? – иронично спросила я.

– Если не сейчас, так скоро.

Я фыркнула. Федор приподнял брови и сказал:

– Сотни лет Тенистый Каньон выполнял грязную работу за наших врагов, закрывая наши порты, задавливая нас, делая слабыми. Если ты действительно заклинательница Солнца, тогда

твоя сила может быть ключом к открытию Каньона, или даже к его уничтожению. Фьерда и Шухан не будут просто стоять в сторонке, они не позволят этому случиться.

Я уставилась на него. Чего эти люди от меня ждали? И что со мной сделают, когда поймут, что я ни на что не годна?

– Это просто смешно, – пробормотала я.

Федор осмотрел меня с головы до ног и слабо улыбнулся.

– Возможно.

Я нахмурилась. Хоть он и соглашался со мной, я все равно чувствовала себя оскорбленной.

– Как ты ее прятала? – неожиданно спросил Иван.

– Кого?

– Свою силу, – нетерпеливо пояснил он. – Как ты ее прятала?

– Я ничего не прятала. Я не знала о ее существовании.

– Это невозможно.

– И все же, – грубо ответила я.

– Разве тебя не тестировали?

В голове мелькнуло смутное воспоминание: три фигуры в мантиях, сидящие в гостиной Керамзина, надменно приподнятые брови женщины.

– Конечно, тестировали.

– Когда?

– Когда мне было восемь.

– Это очень поздно, – прокомментировал Иван. – Почему родители не протестировали тебя раньше?

«Потому что они были мертвы, – подумала я, но не сказала об этом вслух. – И никому не было дела до сирот из приюта князя Керамзова».

Я пожала плечами.

– Бессмыслица какая-то, – проворчал мужчина.

– Это я и пытаюсь до вас донести! – я наклонилась, отчаянно всматриваясь в глаза Ивана и Федора. – Я не та, за кого вы меня принимаете. Я не гриш. То, что случилось в Каньоне... Не знаю, что произошло, но я этого не делала.

– А в палатке гришей? – спокойно спросил Федор.

– Не могу этого объяснить. Но это была не я. Дарклинг что-то сделал, когда коснулся меня.

Иван засмеялся.

– Он ничего *не делал*. Он усилитель.

– Он что?

Федор и Иван снова переглянулись.

– Забудьте, – рявкнула я. – Мне все равно.

Иван потянулся за воротник и вытащил что-то на тонкой серебряной цепочке. Затем протянул это мне, чтобы я оценила. Любопытство во мне победило, и я поднесла предмет ближе, чтобы лучше рассмотреть. Было похоже на связку острых черных когтей.

– Что это?

– Мой усилитель, – гордо заявил Иван. – Когти с передней лапы шерборнского медведя. Я сам его убил, когда бросил школу и стал служить Дарклингу, – он откинулся на сиденье и спрятал цепочку за воротник.

– Усилитель увеличивает силу гриша, – кивнул Федор. – Но для этого в нем изначально должна быть сила.

– Он есть у всех гришей? – спросила я.

Федор замер.

- Нет. Усилители редки и труднодоступны.
- Лишь избранные гриши Дарклинга могут иметь их, – самодовольно проговорил Иван. Я пожалела, что спросила.
- Дарклинг – живой усилитель, – сказал Федор. – Вот, что ты почувствовала.
- Как когти? В этом его сила?
- Одна из его сил, – исправил Иван.

Я плотнее запахнула кафтан, внезапно почувствовав холод. Вспомнилась уверенность, которая наполнила меня при прикосновении Дарклинга, и это странно знакомое волнение зова, звучащего внутри меня, требующего ответа. Это было пугающе, но и волнующе. В тот момент все мои сомнения и страхи затмила абсолютная уверенность.

Я была никем, беженкой из безымянной деревни, тощей и неуклюжей девчонкой, в одиночестве мчавшейся сквозь сгущающуюся тьму. Но когда Дарклинг сжал свои пальцы вокруг моего запястья, я почувствовала себя другой, кем-то значительным. Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, попыталась вспомнить то чувство уверенности, чтобы обрести такую надежную и безупречную мощь наяву. Но ничего не произошло.

Я вздохнула и открыла глаза. Иван выглядел крайне довольным, и мое желание пнуть его стало всепоглощающим.

- Вы все будете жутко разочарованы, – пробормотала я.
- Надеюсь, что ты ошибаешься. Ради твоего же блага, – ответил Иван.
- Ради блага всех нас, – добавил Федор.

* * *

Я потеряла счет времени. Ночь и день сменяли друг друга за окном экипажа. Я только и делала, что вглядывалась в пейзаж в поисках ориентиров, которые показались бы мне знакомыми. Думала, что мы воспользуемся второстепенными тропинками, но вместо этого мы ехали по Ви. Федор объяснил, что Дарклинг посчитал, что скорость превыше скрытности. Он надеялся в сохранности доставить меня за двойные стены Ос Альты прежде, чем слухи о моей силе дойдут до шпионов врагов и ассасинов, которые работали за границей Равки.

Мы неслись во весь опор. Периодически останавливались, чтобы сменить лошадей, и мне позволяли размять ноги. Когда мне удавалось заснуть, мои сны были омрачены монстрами. Один раз я проснулась от толчка, мое сердце быстро билось в груди, и Федор внимательно наблюдал за мной. Иван спал рядом с ним и громко храпел.

- Кто такой Мал? – спросил он.

Я поняла, что разговаривала во сне. Смутившись, оглянулась на опричников по бокам от меня. Один бесстрастно смотрел вперед. Второй дремал. Снаружи мчалось сквозь березовую рощу вечернее солнце.

- Никто, – сказала я. – Друг.
- Следопыт?

Я кивнула.

- Он был со мной в Тенистом Каньоне. Спас мне жизнь.
- А ты спасла его.

Я открыла рот, чтобы возразить, но осеклась. Я спасла жизнь Малу? Эта мысль ненадолго взбодрила меня.

- Это большая честь, – сказал Федор. – Спасти жизнь. Ты спасла многие.

– Но недостаточно, – пробормотала я, вспоминая испуганное выражение лица Алексея, когда его утащили во тьму. Если у меня была эта сила, почему я не смогла спасти его? Или любых других, кто погиб в Каньоне? Я посмотрела на Федора.

– Если ты действительно веришь, что это честь – спасти жизнь, то почему не стал целителем вместо сердцебита?

Федор обдумал такой вариант.

– Из всех гришей у корпоралиов самая сложная работа. Нам требуется больше тренировок и обучения. В конце всего этого я почувствовал, что смогу спасти больше жизней в роли сердцебита.

– В роли убийцы? – удивленно спросила я.

– Солдата, – поправил Федор и пожал плечами. – Убивать или лечить? – сказал он с грустной улыбкой. – У каждого из нас свой дар.

Его выражение лица неожиданно изменилось. Он сел ровно и толкнул Ивана в бок.

– Проснись!

Экипаж остановился. Я недоуменно огляделась.

– А мы... – начала я, но страж рядом со мной захлопнул ладонью мне рот и прижал палец к губам. Дверь кареты распахнулась, и внутрь заглянул солдат.

– Посреди дороги лежит дерево, но это может оказаться ловушкой. Будьте начеку и... – он так и не закончил предложение.

Прозвучал выстрел, и парень упал вперед с пулей в спине. Неожиданно воздух наполнился испуганными криками и зубодробительными звуками пальбы из ружья, когда залп пуль поразил экипаж.

– Ложись! – закричал страж рядом со мной, прикрывая мое тело собственным, пока Иван спихнул мертвого солдата и закрыл дверцу.

– Фьерданцы, – сказал страж, выглядывая наружу. Иван повернулся к Федору и стражу рядом со мной.

– Федор, иди с ним. Вы берете эту сторону, мы займемся другой. Защищайте карету любой ценой.

Федор достал большой нож из-за пояса и передал мне.

– Держись ближе к полу и не издавай ни звука.

Гриши ждали со стражами, пригнувшись у окон, а затем, по сигналу Ивана, выскочили с двух сторон экипажа, захлопывая за собой дверцы. Я сжалась на полу, вцепившись в тяжелую рукоятку ножа, прижав колени к груди, а спиной касаясь основания сидения. Снаружи были слышны звуки борьбы, стук металла об металл, стоны и крики, ржание лошадей.

Экипаж затрясся, когда чье-то тело врезалось в стекло окошка. Я с ужасом увидела, что это был один из моих стражей. Он оставил красный мазок на стекле, когда сползал вниз. Дверца кареты распахнулась, и в ней появился желтобородый мужчина с диким лицом. Я поползла к противоположной части кареты, вытянув перед собой нож.

Он рывкнул что-то своим соотечественникам на странном фьерданском языке и потянулся к моей ноге. Я начала отбрыкиваться, тут дверь позади меня открылась и я чуть не вывалилась на другого бородача. Он схватил меня под мышки, стал грубо тащить из кареты, и я взвыла, взмахивая ножом. Должно быть, его задело, потому что он выругался и ослабил хватку.

Я вскочила на ноги и побежала. Мы были в лесистой долине, где Ви сужалась до тропинки между двумя пологими холмами. Все вокруг меня – солдаты, гриши – боролись с бородачами. Деревья вспыхивали, охваченные пламенем, оказываясь на линии огня гришей. Я видела, как Федор резко махнул рукой, и мужчина перед ним съехался на земле, хватаясь за грудь. Из рта у него пошла кровь.

Я бежала без направления, взбираясь на ближайший холм. Мои ноги оскальзывались на палой листве, покрывавшей лесную землю, дыхание стало прерывистым.

Но не успела я преодолеть и половину пути, как на меня накнулись сзади. Я упала, и нож вылетел из руки при попытке смягчить удар. Я крутилась и брыкалась, пока желтобородый

мужчина тащил меня за ноги, и в отчаянии бросила взгляд вниз на долину, но солдаты и гриши боролись за свои жизни и находились в явном меньшинстве, чтобы прийти мне на помощь.

Я билась изо всех сил, но фьерданец был слишком силен. Он запрыгнул на меня сверху, прижимая коленями мои руки по бокам, и потянулся за своим ножом.

– Я зарежу тебя прямо здесь, ведьма, – прорычал он с сильным акцентом.

В этот момент я услышала стук копыт, и мой захватчик оглянулся на дорогу. Группа наездников ворвалась в долину, их кафтаны пестрели красным и синим, а из рук вырывался огонь и молнии. Главный всадник был одет в черное.

Дарклинг спрыгнул со своего коня и широко раскинул руки, а затем свел их вместе с громким взрывом. Сгустки тьмы выстреливали из его ладоней и извивались по земле, находя фьерданских ассасинов и скользя по их телам, чтобы скрыть лица за бурлящей тенью. Они кричали. Некоторые роняли свои мечи, остальные вслепую размахивали ими.

Я смотрела со смешанным чувством восхищения и ужаса, как бойцы Равки воспользовались преимуществом и с легкостью перерезали беспомощных ослепших мужчин. Бородатый убийца надо мной пробормотал что-то невнятное. Мне показалось, что молитву. Он смотрел, замерев, на Дарклинга, его ужас был почти осязаем. Я воспользовалась этим шансом.

– Я тут! – крикнула я вниз. Дарклинг повернул голову и поднял руки.

– Нет! – проблеял фьерданец, высоко подняв нож. – Мне не нужно видеть, чтобы пронзить ножом ее сердце!

Я задержала дыхание. Долина погрузилась в тишину, нарушаемую лишь стонами умирающих. Дарклинг опустил руки.

– Ты же понимаешь, что окружен, – спокойно сказал он, его голос отражался от стволов деревьев. Ассасин повел головой вправо и влево, затем вверх, к гребню холма, где уже появлялись солдаты Равки с винтовками наготове. Пока фьерданец лихорадочно осматривался, Дарклинг успел сделать несколько шагов вверх по склону.

– Не подходи ближе! – завопил бородатый.

Дарклинг остановился.

– Отдай ее мне, и я позволю тебе вернуться к твоему королю.

Ассасин безумно захохотал.

– О нет, нет. Я так не думаю, – он покачал головой, его нож завис над моей грудью, солнце сверкало на его острие. – Дарклинг не знает пощады.

Он посмотрел вниз на меня. Его ресницы были белыми, почти прозрачными.

– Он тебя не получит, – тихо пропел мужчина. – Ему не достанется ведьма. И сила тоже. – Затем поднял нож выше и закричал: – *Скирден Фьерда!*

Клинок скользнул вниз сияющей дугой. Я отвернулась, в ужасе зажмурив глаза, и в этот момент мельком увидела, как Дарклинг рассек воздух рукой. Раздался еще один громоподобный звук, а затем... ничего.

Несмело приоткрыв глаза, я увидела представший передо мной ужас. Я открыла рот, чтобы закричать, но не издала ни звука. Мужчину надо мной разрезало на две части. Его голова, правое плечо и рука лежали на земле, бледная ладонь все еще сжимала нож. Остальная часть с мгновение качалась надо мной, темная струйка дыма рассеивалась в воздухе рядом с раной, идущей вдоль его разорванного туловища. Затем его останки упали.

Я обрела голос и закричала. Стала отползать назад, подальше от изуродованного тела, не в состоянии подняться, не в состоянии отвернуться от этого жуткого зрелища. Мое тело била неумная дрожь.

Дарклинг поднялся на холм и склонился передо мной, закрывая вид на труп.

– Посмотри на меня, – скомандовал он.

Я пыталась сфокусироваться на его лице, но все, что я видела, это растерзанное тело ассасина, как его кровь стекала на влажную листву.

– Что... что ты с ним сделал? – спросила я дрожащим голосом.

– То, что должен был. Ты можешь встать?

Я слабо кивнула. Он взял меня за руку и помог подняться. Когда мой взгляд вернулся к труп, парень взял меня за подбородок и повернул к себе.

– На меня, – приказал он.

Я кивнула и попыталась смотреть лишь на него, пока Дарклинг вел меня вниз по склону, раздавая приказы своим воинам.

– Расчистите дорогу. Мне нужны двадцать всадников.

– А девчонка? – спросил Иван.

– Поедет со мной.

Он оставил меня рядом со своим конем и пошел совещаться с Иваном и его капитанами. Я с облегчением обнаружила среди них Федора, хватающегося за рану на руке, но в остальном выглядящего невредимым. Похлопав коня по взмыленному боку, я вдохнула чистый запах кожаного седла, пытаюсь успокоить сердце и игнорировать то, что лежало позади меня на склоне.

Через пару минут я наблюдала, как солдаты и гриши седлают своих коней. Несколько бойцов закончили расчищать дорогу, и часть из них собрались ехать в потрепанном экипаже.

– Приманка, – сказал Дарклинг, возникая рядом со мной. – Мы отправимся по южной дороге. Так мы должны были поступить с самого начала.

– Значит, даже ты делаешь ошибки, – сказала я, не подумав. Он замер, натягивая перчатки, и я нервно сжала губы. – Я не хотела...

– Конечно, я делаю ошибки, – его рот скривился в полуулыбке. – Просто нечасто.

Он накинул капюшон и подставил мне руку, чтобы помочь забраться на коня. С мгновение я мешкала. Он стоял передо мной: темный всадник, окутанный в черное, его лицо пряталось в тени. Воспоминание о расчлененном мужчине вспыхнуло в моей голове, и желудок скрутило. Будто прочитав мои мысли, он повторил:

– Я сделал то, что должен был, Алина.

Я знала это. Он спас мне жизнь. Да и какой выбор у меня был? Я взяла его за руку и позволила Дарклингу помочь мне усесться в седло.

Он скользнул позади меня и пустил коня рысью. Покидая долину, я чувствовала неподдельность происходящего со мной.

– Ты дрожишь, – проговорил он.

– Я не привыкла к тому, что люди пытаются меня убить.

– Серьезно? Я такое уже почти не замечаю.

Я обернулась на него. След улыбки все еще не стерся с его лица, но мне показалось, что Дарклинг не шутил. Я отвернулась и сказала:

– И я только что видела, как человека разорвало пополам.

Мой голос звучал спокойно, но я не могла скрыть тот факт, что все еще дрожу. Парень переложил поводья в одну руку и снял перчатку с другой. Я замерла, почувствовав, как он скользнул ладонью под мои волосы и остановился на затылке.

Мое удивление сменилось умиротворением, когда меня наполнила знакомая сила и уверенность. Держа мою голову одной рукой, Дарклинг пустил лошадь галопом. Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о чем. Вскоре, несмотря на скорость, несмотря на ужасы этого дня, я погрузилась в беспокойный сон.

Глава 5

Следующие несколько дней прошли как в тумане. Я чувствовала лишь дискомфорт и усталость. Мы держались подальше от Ви, проезжая по проселочным дорогам и узким охотничьим тропкам, и двигались так быстро, как только позволял рельеф местности.

Потерявшись в ориентирах, я гадала, как далеко мы заехали. После первого дня мы с Дарклингом ехали порознь, но я обнаружила, что всегда знаю, где он в колонне всадников. Он не сказал мне больше ни слова, и по прошествии какого-то времени я стала беспокоиться, что чем-то его обидела. (Хотя, учитывая, как мало я сама говорила, сомневаюсь, что мне это удалось.) Периодически я ловила его на том, что он смотрит на меня – взгляд был холодным и непроницаемым.

Я никогда не была хорошей наездницей, и темп езды Дарклинга напомнил об этом. Неважно, каким боком я устраивалась в седле, все равно какая-то часть тела болела.

Я безучастно наблюдала за подергивающимися ушами моей лошади и пыталась не думать о гудящих ногах или о боли в пояснице. На пятую ночь, когда мы остановились, чтобы разбить лагерь на заброшенной ферме, я хотела быстро спрыгнуть с лошади, но у меня все так затекло, что получилось только сползти с нее. Я поблагодарила солдата, который приглядывал за моей кобылкой, и медленно поплелась вниз по склону на тихий звук ручья.

Я присела на дрожащих ногах на берег и омыла руки и лицо холодной водой. За последние пару дней погода изменилась: осеннее небо сменило ярко-голубой цвет на угрюмый серый. Солдаты считали, что мы доберемся до Ос Альты до наступления первых ночных заморозков. А что потом? Что со мной случится, когда мы окажемся в Малом дворце? Что случится, когда я не смогу сделать то, чего они от меня хотят? Разочаровывать короля было не самым мудрым решением. Или Дарклинга. Я сомневалась, что они просто похлопают меня по плечу и отправят обратно в полк.

Я гадала, был ли Мал все еще в Крибирске. Если раны зажили, его могли отправить обратно на переправу через Каньон или на какое-нибудь другое задание. Я вспомнила его лицо, скрывающееся в толпе в палатке гришей. Нам даже не выдалось шанса попрощаться.

В сгущающихся сумерках я потянулась, разминая руки и спину, и попыталась оправиться от чувства уныния, медленно окутывающего меня изнутри.

«Это, наверное, к лучшему, – твердила я себе. В любом случае, как бы я попрощалась с Малом? – Спасибо, что был моим лучшим другом и делал мою жизнь выносимой. О, и прости, но я уже давно в тебя влюблена. Обязательно напиши мне!»

– Чему ты улыбаешься?

Я обернулась, вглядываясь в темноту. Казалось, что голос Дарклинга сочился из теней. Он прошел к ручью и присел на берегу, чтобы сполоснуть лицо и темные волосы.

– Ну? – спросил он, поднимая голову.

– Над собой смеюсь, – призналась я.

– Ты настолько смешная?

– До уморы.

Дарклинг рассматривал меня в сумеречном свете. Появилось тревожное ощущение, что меня изучают. Если не брать в расчет его немного запыхавшийся кафтан, не похоже, чтобы наша небольшая прогулка хоть как-то повлияла на него. Моя кожа зачесалась от стыда, когда я вспомнила о своем рваном кафтане не по размеру, о грязных волосах и о синяке, который оставил на моей щеке фьерданский ассасин. Может, глядя на меня, он жалел о своем решении? Думал, что совершил еще одну из своих редких ошибок?

– Я не гриш, – выпалила я.

– Доказательства свидетельствуют об обратном, – сказал он с легкой обеспокоенностью. – Почему ты так уверена?

– Да ты посмотри на меня!

– Смотрю.

– Я, по-твоему, похожа на гриша?

Гриши были прекрасными. У них не было проблем с кожей, тусклых каштановых волос или тощих рук.

Он покачал головой и встал.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он и начал подниматься по холму.

– Может, ты мне объяснишь?

– Нет, не сейчас.

Я была настолько взбешена, что хотела стукнуть его по затылку. Если бы я не видела, как он разделил человека надвое, то, возможно, так бы и поступила. Но пришлось остановиться на испепеляющем взгляде в спину, пока я плелась за ним наверх.

Люди Дарклинга очистили пространство на земляном полу внутри фермерского покоеженного сарая и развели костер. Один из них поймал куропатку и теперь готовил ее на огне. Пришлось делить этот скромный ужин на всех – Дарклинг не хотел, чтобы его воины бродили по лесу ради забавы.

Я села у костра и съела свою маленькую порцию в тишине. Закончив, я замешкалась лишь на мгновение, прежде чем вытереть пальцы об уже грязный кафтан. Скорее всего, это самая шикарная вещь, которую я когда-либо носила или буду носить, и что-то в испачканной и порванной ткани заставило меня чувствовать себя особенно жалкой.

В свете костра я наблюдала за опричниками, сидящими бок о бок с гришами. Некоторые уже удалились, чтобы подготовиться ко сну. Другие были выбраны первыми стоять в дозоре. Оставшиеся сидели за беседой у догорающего огня, передавая друг другу фляжку. Дарклинг находился среди последних. Я заметила, что его порция куропатки была такой же маленькой, как и у остальных. Теперь он сидел рядом со своими солдатами на холодной земле – человек, уступающий во власти лишь королю. Должно быть, Дарклинг почувствовал на себе мой взгляд и повернулся: его гранитные глаза блестели в свете пламени. Я покраснела. К моему ужасу, он встал и пересел ко мне, предлагая флягу. Я колебалась, но все же сделала глоток, морщась от вкуса. Мне никогда не нравился квас, но учителя в Керамзине пили его, как воду.

Мы с Малом однажды украли бутылочку. Порка, которая была неизбежна, когда нас поймали, не шла ни в какое сравнение с тем, как плохо нам было от содержимого бутылки.

Тем не менее напиток приятно обжигал, стекая по горлу. Я сделала еще один глоток и передала флягу обратно.

– Спасибо, – поблагодарила я, слегка поперхнувшись.

Не отрывая взгляда от костра, Дарклинг отпил из фляги, а затем сказал:

– Ладно. Спрашивай.

Я удивленно уставилась на него. Не знала даже, с чего начать. Мой усталый разум распирало от вопросов; я зависла в состоянии между паникой, истощением и неверием с того момента, как мы покинули Крибирск. Я сомневалась, что у меня хватит сил сформулировать свою мысль, а когда открыла рот, заданный вопрос удивил меня:

– Сколько тебе лет?

Он оглянулся на меня озадаченный.

– Точно не знаю.

– Как ты можешь не знать?

Дарклинг пожал плечами.

– Сколько тебе лет?

Я кисло посмотрела на него. Мне была неизвестна дата моего рождения. Всем сиротам в Керамзине была дана дата рождения князя, как общего благодетеля.

– Ну тогда скажи, сколько тебе приблизительно?

– Зачем тебе это?

– Потому что я слышала истории о тебе с детства, но ты не выглядишь особо старше меня, – честно ответила я.

– Какие истории?

– Обычные, – раздраженно продолжила я. – Если не хочешь отвечать, так и скажи.

– Я не хочу отвечать.

– О.

Затем он вздохнул.

– Сто двадцать. Плюс-минус.

– Что?! – вскрикнула я, и сидящий рядом солдат оглянулся на нас. – Это невозможно, – продолжила я чуть тише.

Он уставился на костер.

– Огонь поглощает древесину, оставляя лишь пепел. Огонь – сила. Но сила гриша работает иначе.

– И как же?

– Использование силы делает нас сильнее. Она подпитывает нас, а не поглощает. Большинство гришей проживают долгую жизнь.

– Но не сто двадцать лет.

– Нет, – признал он. – Длина жизни гриша пропорциональна его или ее силе. Чем больше сила, тем длиннее жизнь. А когда есть усилитель... – он замолк и пожал плечами.

– А ты живой усилитель. Как медведь Ивана.

Намек на улыбку зародился в уголках его губ.

– Как медведь Ивана.

Меня осенила неприятная мысль.

– Но это значит...

– Что мои кости или парочка зубов сделают другого гриша очень сильным.

– Ну, это жутковато. Тебя это ни капли не заботит?

– Нет, – просто ответил он. – Теперь ты ответь на мой вопрос. Какие истории ты слышала обо мне?

Я неловко заерзала.

– Ну... учителя рассказывали, что ты укрепил Вторую армию, собрав гришей из других стран.

– Мне не пришлось их собирать. Они сами пришли. Другие страны не так хорошо относятся к гришам, как Равка, – мрачно ответил он. – Фьерданцы сжигают нас, как ведьм, а Керчия продает, как рабов. Шухан расчленяет нас в поисках источника нашей силы. Что еще?

– Они сказали, что ты самый сильный Дарклинг за всю историю.

– Я не просил тебя льстить мне.

Я поддела нитку на рукаве кафтана. Он наблюдал за мной, в ожидании ответа.

– Ну, в поместье работал один старый крепостной...

– Продолжай. Расскажи мне.

– Он... он сказал, что Дарклинги рождаются без души. Что лишь кто-то поистине злой мог сотворить Тенистый Каньон.

Я заметила ледяное выражение на его лице и быстро добавила:

– Но Ана Куя послала его собирать вещи и сказала, что это все крестьянские суеверия.

Дарклинг вздохнул.

– Сомневаюсь, что этот крепостной единственный, кто в это верит.

Я ничего не ответила. Не все думали как Ева или старый крепостной, но я достаточно пробыла в Первой армии, чтобы знать – большинство обычных солдат не доверяли гришам и не были преданы Дарклингу.

Через мгновение парень продолжил:

– Мой прапрапрадед был Черным Еретиком – Дарклингом, который сотворил Тенистый Каньон. Это была ошибка, эксперимент, порожденный его жадностью, возможно, вкупе со злобой. Я не знаю. Но с тех пор каждый Дарклинг пытался уничтожить нанесенный предком ущерб нашей стране, и я не исключение, – затем он повернулся ко мне, его лицо стало серьезным, пламя бросало тени на идеальные черты. – Я провел всю свою жизнь в поисках выхода из этой ситуации. Ты – мой первый проблеск надежды за очень долгое время.

– Я?

– Мир меняется, Алина. Мушкетеры и винтовки – это только начало. Я видел оружие, которое делают в Керчии и Фьерде. Эпоха гришей подходит к концу.

Это была пугающая мысль.

– Но... но как же Первая армия? У них есть винтовки. И другое оружие.

– Откуда, по-твоему, оно взялось? А боеприпасы? Каждый раз, когда мы пересекаем Каньон, мы теряем жизни. Разделенная Равка не переживет новую эпоху. Мы нуждаемся в наших портах. В наших гаванях. И лишь ты можешь вернуть их нам.

– Как? – взмолилась я. – Как я должна это сделать?

– Помоги мне уничтожить Тенистый Каньон.

Я покачала головой.

– Ты безумен. Все это безумие.

Я подняла голову к дырам в крыше амбара и посмотрела на ночное небо. Оно наполнилось звездами, но я видела лишь бесконечную тьму между ними.

Я представила себя в мертвенной тишине Тенистого Каньона: слепую, напуганную, без всякой защиты, кроме моей предполагаемой силы. Подумала о Черном Еретике. Он создал Каньон – Дарклинг, точно такой же, как тот, что сидит рядом, внимательно наблюдая за мной в отблесках костра.

– Что насчет той штуки, которую ты сделал? – спросила я, пока не струсила. – С фьерданцем?

Он вновь посмотрел на костер.

– Это называется «разрез». Он требует большой силы и сосредоточенности. Лишь некоторые гриши способны на это.

Я потеряла руки, пытаясь избавиться от мурашек, которые побежали по телу. Дарклинг посмотрел на меня, затем снова на пламя.

– Если бы я разрезал его мечом, это бы что-то изменило в лучшую сторону?

Изменило бы? Я видела бесчисленное количество ужасов за последние пару дней. Но даже после всех кошмаров Каньона именно та картинка запомнилась мне больше всего, она преследовала меня во снах и в бодрствовании – разрезанное тело бородатого мужчины, раскачивающееся на ярком солнечном свете, прежде чем рухнуть на меня.

– Не знаю, – тихо ответила я.

Какая-то эмоция мелькнула на его лице, нечто похожее на злость или, может, даже на боль. Не сказав ни слова, он встал и ушел. Я наблюдала за его исчезновением в темноте и внезапно почувствовала вину.

«Не будь душой, – уговаривала я себя. – Он Дарклинг. Второй самый могущественный человек в Равке. Ему сто двадцать лет! Ты не могла задеть его чувства». Но я вспомнила выражение его лица, стыд в голосе, когда он говорил о Черном Еретике, и не могла избавиться от чувства, что провалила какой-то своеобразный тест.

Двумя днями позже мы въехали на рассвете через огромные ворота знаменитых двойных стен Ос Альты. Мы с Малом тренировались неподалеку отсюда, в военной крепости Полизной, но никогда не бывали в самом городе. Ос Альта предназначался для знати: здесь жили военные и чиновники, их домочадцы и любовницы, а также многочисленный штат obsługi.

Я почувствовала укол разочарования, когда мы проезжали мимо магазинов, еще закрытых ставнями, мимо большого рынка, где несколько продавцов уже раскладывали товары, мимо узких улиц с прижатыми друг к другу домами. Ос Альта звалась городом-мечтой. Она была столицей Равки, домом гришей и местом, где находился главный королевский дворец. Но на деле выглядела так же, как рыночный городок в Керамзине, только больше и грязнее.

Картинка сменилась, стоило нам доехать до моста. Он был перекинут через широкий канал с маленькими лодочками, качающимися на волнах. На другой стороне проступала сквозь дымку совсем другая часть Ос Альты.

Пока мы переходили мост, я поняла, что его, оказывается, можно поднять – и превратить канал в гигантский ров, который отделит город мечты, лежащий перед нами, от неприятного рыночного городишки, оставшегося позади. Перейдя на другой берег, мы будто попали в иной мир. Куда бы я ни взглянула, везде видела фонтаны и площади, зеленые парки и широкие бульвары, обрамленные идеально ровными рядами деревьев. Тут и там я видела, как разжигали очаг в кухнях на нижних этажах роскошных домов – и дневная работа закипала.

Улицы уводили наверх, и чем выше мы поднимались, тем больше и представительнее становились дома, пока наконец мы не добрались до очередной стены и очередных ворот – на этот раз золотых, – которые были увенчаны двуглавым орлом, символом короля. Вдоль стены я увидела стоящих в карауле воинов в полном боевом облачении – как мрачное напоминание о том, что, какой бы красивой ни была Ос Альта, это все еще столица страны, которая давно находится в состоянии войны.

Ворота распахнулись. Мы поехали по широкой дороге, посыпанной сверкающим гравием и обрамленной рядами элегантных деревьев. Справа и слева уходили вдаль ухоженные сады, окутанные утренним туманом. Над всем этим, поверх мраморных террас и золотых фонтанов, маячил Большой дворец – зимний дом короля Равки. Когда мы наконец доехали до огромного фонтана с двуглавым орлом на вершине, Дарклинг подвел своего коня ближе.

– Ну, что думаешь?

Я взглянула на него, затем вновь на искусный фасад. Дворец был больше, чем любое здание, которое я когда-либо видела: террасы полнились статуями, блестящие окна шли ряд за рядом в три этажа, каждое украшено тем, что, как я подозревала, было настоящим золотом.

– Он очень... большой... – осторожно начала я.

Парень посмотрел на меня, на его губах заиграла слабая улыбка.

– Я думаю, что это самое уродливое здание, которое я когда-либо видел, – прокомментировал он и направил своего коня вперед.

Мы выбрали дорожку, огибающую дворец и удаляющуюся вглубь парка, петляющую мимо живой изгороди лабиринта, круглой лужайки с колонным храмом в центре и огромной теплицы с запотевшими от конденсата стеклами. Затем мы заехали под кроны небольшой рощицы, достаточно густой, чтобы казалось, будто мы очутились в лесу, и двинулись через длинный темный коридор, образованный ветвями, сложившимися в плотную плетеную крышу над нами.

Волоски на моих руках встали дыбом. У меня появилось то же чувство, что и при пересечении канала – словно мы проходили через границу двух разных миров. Когда мы выбрались из туннеля на слабый солнечный свет, моим глазам открылось стоящее на склоне пологого холма удивительное здание, подобного которому мне видеть не приходилось.

– Добро пожаловать в Малый дворец, – сказал Дарклинг.

Странно, что его так называли. Хотя этот дворец был меньше Большого, он все же был огромен: возвышался над окружающими его деревьями, словно растение из сказочного леса, и напоминал охапку деревянных стен и золотых куполов.

Когда мы приблизились, я увидела, что каждый дюйм здания был покрыт искусно выполненной резьбой – орнаментом из птиц и цветов, сплетающихся лоз и сказочных зверей.

Группа одетых в черное слуг поджидала нас на ступеньках. Я спешила, и один из них ринулся вперед, чтобы взять мою лошадь под узды, пока другой распахивал внушительные парные створки дверей. Проходя мимо, я не смогла побороть желание коснуться причудливой резьбы. Она была инкрустирована перламутром, переливающимся в утреннем свете. Сколько рук и сколько лет понадобилось на то, чтобы создать такое?

Мы проследовали через холл в огромную шестиугольную комнату с четырьмя длинными столами, расположенными квадратом по центру. Наши шаги гулко отдавались в каменных плитах пола, а над нами на невообразимой высоте, казалось, просто парил массивный золотой купол.

Дарклинг отвел в сторону одну из служанок – пожилую женщину в платье угольного цвета – и заговорил с ней шепотом. Затем слегка кивнул мне и зашагал через зал, сопровождаемый своими людьми.

Я почувствовала укол раздражения. Дарклинг мало что сказал после той ночи в сарае и даже не намекнул, чего ждать по прибытии сюда. Но у меня не хватало храбрости или сил бежать за ним, поэтому я покорно последовала за женщиной в черном через очередные двойные двери в одну из маленьких башен.

Когда я увидела ступеньки, я была почти готова с воем повалиться на пол.

«Может, просто попросить ее остаться здесь, посреди коридора?» – подумала я уныло.

Вместо этого я положила руку на резные перила и потянула себя наверх, мое истощенное тело протестовало на каждом шагу. Когда мы оказались наверху, мне захотелось отпраздновать это, свалившись на пол и забывшись сном, но служанка уже семенила дальше по коридору. Мы проходили дверь за дверью, пока наконец не дошли до комнаты, на пороге которой нас ждала еще одна одетая в униформу горничная.

Я смутно отметила размеры помещения, тяжелые золотые занавески, горящий огонь за красивой чугунной решеткой, но что меня действительно интересовало, так это огромная кровать с балдахином.

– Я могу вам что-нибудь принести? Что-нибудь поесть? – спросила женщина.

Я покачала головой. Мне просто хотелось спать.

– Очень хорошо, – продолжила она и кивнула служанке, которая сделала реверанс и исчезла в коридоре. – Тогда я дам вам отдохнуть. Не забудьте закрыть дверь на замок. – Я удивленно моргнула. – В качестве меры предосторожности, – уточнила женщина и ушла, тихо притворив за собой дверь.

«Предосторожности от чего?» – полюбопытствовала я у самой себя, но слишком устала, чтобы размышлять об этом. Я закрыла дверь на замок, затем скинула кафтан и ботинки и рухнула на кровать.

Глава 6

Мне снилось, что я снова в Керамзине, крадусь по темным коридорам на цыпочках и ищу Мала. Я слышала, как он зовет меня, но его голос не становился ближе. Наконец я поднялась на последний этаж и подбежала к двери в старую синюю спальню, где нам нравилось сидеть на подоконнике и смотреть на луг. Услышав оттуда смех Мала, я распахнула дверь и... закричала. Кровь была повсюду. На подоконнике сидела волькра. Когда она повернулась и раскрыла свою жуткую пасть, я увидела, что у нее были серые кварцевые глаза.

Проснувшись, я начала в панике оглядываться, сердце рвалось из груди. Несколько мгновений я даже не могла понять, где нахожусь. Затем, вспомнив, со стоном повалилась обратно на подушки. Стоило мне вновь задремать, как кто-то постучал в дверь.

– Уходите, – пробормотала я из-под одеяла.

Но стук лишь усилился. Я села в кровати, чувствуя, как все мое тело вопит в знак протеста. Голова болела, и, когда я попыталась встать, мои ноги не желали содействовать.

– Ладно-ладно! – прокричала я. – Уже иду!

Стук прекратился. Я проковыляла к двери и потянулась к замку, но затем замешкалась.

– Кто это?

– У меня нет на это времени, – отрезал женский голос за дверью. – Открывай. Сейчас же!

Я пожала плечами. Пусть убьют меня или похитят, или чего еще они там хотят. До тех пор, пока мне не придется вновь ехать верхом или подниматься по ступенькам, я не буду жаловаться.

Не успела я повернуть ключ, как дверь резко распахнулась и мимо меня протиснулась высокая девушка, осматривая комнату, а затем и меня критическим взглядом. Посетительницу с легкостью можно было назвать самым красивым человеком, которого я когда-либо видела: волнистые темно-каштановые волосы, большие глаза золотистого цвета, безупречно гладкая кожа, идеальные скулы, словно высеченные из мрамора. На девушке был кремовый кафтан, шитый золотом и отороченный рыжеватым мехом лисицы.

– Ради всех святых, – начала она, оглядывая меня. – Ты хоть помылась? И что случилось с твоим лицом?

Я покраснела и поднесла руку к синяку на щеке. Прошла почти неделя с того момента, как я покинула лагерь, и еще дольше, как я мылась или расчесывала волосы. Я была покрыта грязью и кровью и пахла лошадьми.

– Я...

Но девушка уже выкрикивала приказы служанкам, проследовавшим за ней в комнату.

– Принесите воду. Горячую. Мне понадобится мой набор, и вытащите ее из этой одежды.

Служанки начали напирать на меня, расстегивая пуговицы рубахи.

– Эй! – закричала я, отталкивая их руки.

Девушка-гриш закатила глаза.

– Если придется, свяжите ее.

Служанки удвоили усилия.

– Перестаньте! – выкрикнула я, пятясь от них. Они замешкали, переводя взгляд с меня на девушку. Честно говоря, ничто не звучало сейчас лучше слов «горячая ванна и новая одежда», но я не собиралась позволять какой-то рыжеволосой тиранке командовать мной. – *Что происходит? Кто ты?*

– У меня нет вре...

– Так найди его! – отрезала я. – Я проехала почти две сотни миль верхом, не спала нормально неделю, а еще меня дважды чуть не убили. Так что, прежде чем я что-либо сделаю, ты расскажешь мне, кто ты такая и почему тебе так важно снять с меня одежду.

Рыжеволосая сделала глубокий вдох, будто вела беседу с ребенком.

– Меня зовут Женья. Меньше чем через час ты будешь представлена королю, и в мои обязанности входит придать тебе презентабельный вид.

Моя злость испарилась. Я встречаюсь с королем?

– О, – кротко ответила я.

– Да, «о». Так что, приступим?

Я молча кивнула, а Женья хлопнула в ладоши. Служанки вновь активизировались, теребя мою одежду и подталкивая меня в ванную. В прошлый раз я была слишком усталой, чтобы рассмотреть комнату. Но сейчас, даже дрожа от холода и перепугавшись из-за перспективы быть представленной королю, я дивилась крошечным изразцам, покрывавшим все поверхности, и радовалась глубокой медной ванне, которую слуги наполняли горячей водой. Стена рядом была украшена мозаикой из ракушек и перламутра.

– Садись, садись! – сказала одна из служанок, подпихивая меня.

Я залезла внутрь. Вода была обжигающе горячей, но я стерпела. Военная жизнь давно отучила меня от скромности, но было что-то непривычное в том, чтобы быть единственным голым человеком в комнате, особенно когда все продолжали разглядывать меня с неподдельным любопытством.

Я вскрикнула, когда одна из служанок схватила меня за голову и начала яростно намыливать волосы. Другая склонилась над ванной и начала вычищать мои ногти. Чуть освоившись, я почувствовала, как теплая вода благотворно обволакивает мое ноющее тело. Нормальной ванны я не принимала уже год и даже не представляла, что она может быть такой роскошной. Определенно в жизни гриша были свои преимущества. Я никогда не могла позволить себе просто плескаться в воде в течение часа. Но как только меня тщательно отмыли, служанка дернула меня за руку и приказала:

– Вылезай, вылезай!

Я неохотно послушалась, позволив женщине бесцеремонно вытирать меня пушистыми полотенцами. Одна из молодых служанок выступила вперед с тяжелым бархатным халатом и увела меня в спальню. Затем она и остальные скрылись за дверью, оставляя меня наедине с Женьей.

Я настороженно следила за рыжеволосой. Она распахнула шторы и передвинула деревянный стол с искусной резьбой и стул поближе к окну.

– Садись, – скомандовала она.

Я скривилась от ее тона, но подчинилась. Небольшой сундучок открылся под ее руками, его содержимое было разложено на столе: маленькие скляночки, наполненные чем-то похожим на ягоды, листья и цветную пудру. У меня не было шанса рассмотреть подробнее, поскольку Женья взяла меня за подбородок, пристально разглядывая мое лицо и поворачивая сторону с синяком к свету из окна. Девушка вздохнула и легкими касаниями пальцев заскользила по моей коже. Я почувствовала то же покалывание, которое испытала, когда целительница работала над моими ранами, полученными в Каньоне.

Минуты тянулись бесконечно, я сжала руки в кулаки, чтобы не зачесаться. Затем Женья отступила и зуд прошел. Она передала мне маленькое золотое зеркальце. Синяк полностью исчез. Я осторожно коснулась кожи, но боли не почувствовала.

– Спасибо, – я положила зеркальце и начала было вставать, но Женья вновь усадила меня на место.

– И куда это ты собралась? Мы не закончили.

– Но...

– Если бы Дарклинг просто хотел тебя исцелить, то послал бы целителя.

– А ты не целительница?

– Я, по-твоему, в красном? – резко ответила Женья, в ее голосе слышалась горечь. Она указала на себя. – Я – портниха.

Я была сбита с толку. И внезапно поняла, что никогда не видела гриша в белом кафтане.

– Ты создашь для меня платье?

Женья раздраженно фыркнула.

– Я не создаю платья! Я создаю *это*, – ответила она, махая длинными грациозными пальцами перед своим лицом. – Ты же не думаешь, что я родилась с такой внешностью, правда?

Я уставилась на ее гладкую мраморную кожу, идеальные черты, и меня охватило понимание, а с ним и возмущение.

– Ты хочешь изменить мое лицо?

– Не изменить. Просто... немного освежить.

Я нахмурилась. Я знала, как выглядела, и остро осознавала свои недостатки. Но не особо нуждалась в том, чтобы прекрасная женщина-гриш указывала мне на них. И хуже всего был тот факт, что ее подослал для этого Дарклинг.

– Забудь об этом, – сказала я, вскакивая на ноги. – Если Дарклингу не нравится мой внешний вид, это его проблема.

– Тебе нравится твоя внешность? – спросила Женья с искренним любопытством.

– Не особо, – отрезала я. – Но моя жизнь и так стала слишком запутанной, чтобы еще и видеть незнакомое лицо в зеркале.

– Ты все не так поняла, – сказала Женья. – Я не могу вносить больших изменений, лишь незначительные. Разгладить твою кожу. Сделать что-то с твоими тусклыми волосами. Я сделала себя идеальной, но потратила на это всю жизнь.

Я хотела поспорить, но она действительно выглядела идеально.

– Уходи.

Женья наклонила голову, изучая меня.

– Почему ты принимаешь это так близко к сердцу?

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Я всегда была красивой.

– И скромной тоже?

Она пожала плечами.

– Ну и что, что я красивая? Среди гришей это не имеет особого значения. Дарклингу плевать, как ты выглядишь, в отличие от того, на что ты способна.

– Тогда зачем он прислал тебя?

– Потому что король любит красоту, и Дарклинг это знает. При дворе короля внешность – это все. Если ты станешь спасением всей Равки... ну, лучше, чтобы ты выглядела соответственно.

Я сложила руки на груди и посмотрела в окно. Снаружи солнце освещало небольшое озеро с маленьким островком посередине. Я понятия не имела, который час и как долго я проспала. Женья подошла ко мне.

– Знаешь, ты же не уродина.

– Спасибо, – сухо ответила я, все еще глядя на лесные просторы.

– Ты просто выглядишь немного...

– Усталой? Больной? Истощенной?

– Ну, как ты сама сказала, ты провела не один день в путешествии и...

Я вздохнула.

– Это мой обычный вид.

Я уткнулась головой в холодное оконное стекло, чувствуя, как злость и смущение покидают меня. Почему я сопротивляюсь? Если быть честной, перспективы предложения Жени меня искушали.

– Ладно. Сделай это.

– Спасибо! – вскрикнула она, хлопая в ладоши.

Я с вызовом взглянула на нее, но в ее выражении лица и голосе не было сарказма. *«Она чувствует облегчение»*, – поняла я. Дарклинг дал ей задание, и неизвестно, что бы с ней случилось, если бы я отказалась. Я позволила ей отвести меня обратно к стулу.

– Только не увлекайся.

– Не волнуйся, – ответила рыжеволосая. – Ты все еще будешь похожа на себя, только будет казаться, что у тебя было больше времени на здоровый сон. Я очень хороша в своем деле.

– Вижу.

Я закрыла глаза.

– Все нормально. Можешь смотреть, – она передала мне золотое зеркальце. – Но больше никаких разговоров. И замри.

Я подняла зеркальце и стала наблюдать, в то время как прохладные пальцы Жени заскользили по моему лбу. Кожу покалывало, и я с растущим изумлением смотрела, как руки Жени путешествуют по коже. Каждая неровность, каждая царапина, каждый изъязн исчезали под ее пальцами. Она приложила большие пальцы к коже под моими глазами.

– Ох! – удивленно вскрикнула я, когда темные круги, мучавшие меня с детства, исчезли.

– Не слишком радуйся, – сказала Женья. – Это временно.

Затем она потянулась к одной из роз на столе и оторвала бледно-розовый лепесток. Девушка поднесла его к моему лицу, и цвет перетек мне на щеку, оставляя за собой симпатичный румянец. Далее Женья поднесла еще один лепесток к моим губам и повторила процесс.

– Это всего лишь на пару дней, – проинформировала она. – Теперь волосы.

Она достала из своего сундучка длинный гребень из слоновой кости и склянку с чем-то блестящим. Потрясенная, я спросила:

– Это настоящее золото?

– Конечно, – ответила Женья, поднимая локон моих тусклых коричневых волос.

Она струсила немного золотой пыли мне на макушку и провела гребнем по волосам. Вещество растворилось, превращая мои космы в блестящие локоны. Обработав каждую прядь, Женья намотала их на пальцы, заставляя волосы завиться. Наконец, она отстранилась, блеснув самодовольной ухмылкой.

– Лучше, не правда ли?

Я изучила себя в зеркале. Мои волосы блестели. На щеках обозначился розоватый румянец. Я не стала красавицей, но и не могла отрицать явные улучшения. Интересно, что бы сказал Мал, увидев меня? Я быстро отбросила эту мысль.

– Лучше, – неохотно признала я.

Женья жалобно вздохнула.

– Это лучшее, что я могу сейчас сделать.

– Спасибо, – едко ответила я, но девушка подмигнула и улыбнулась.

– Кроме того, поверь, ты не захочешь привлекать к себе слишком много внимания короля, – ее голос был веселым, но я заметила, как по ее лицу пробежала тень, когда она пересекла комнату и открыла дверь, чтобы впустить слуганок.

Они отвели меня за ширму из черного дерева, инкрустированную жемчугом, похожим на звезды на фоне ночного неба.

Спустя пару минут я оказалась облачена в чистую тунику и штаны, мягкие кожаные ботинки и серое пальто. С разочарованием я поняла, что это была просто чистая версия моей армейской формы. На правом рукаве даже имелся маленький значок картографа, изображающий компас. Должно быть, мои чувства отразились на лице.

– Не то, чего ты ожидала? – развеселилась Женья.

– Я просто думала...

Но что я думала? Вправду решила, что могу получить мантию гриша?

– Король ожидает увидеть скромную девушку, забранную из рядов его армии, – скрытое сокровище. Если ты появишься в кафтане, он подумает, что Дарклинг тебя прятал.

– Зачем Дарклингу меня прятать?

Женя пожала плечами.

– Для преимущества. Для выгоды. Кто знает? Но король... ну, ты вскоре увидишь, какой наш король.

У меня скрутило живот. Меня вот-вот представят королю! Я попыталась успокоиться, но когда Женя поторопила меня на выход в коридор, мои поджилки тряслись, а ноги, казалось, налились свинцом. У лестницы она прошептала:

– Если кто-то спросит, я просто помогала тебе одеться. Я не должна работать над гришами.

– Почему?

– Потому что глупая королева и ее еще более глупые придворные считают, что это нечестно.

Я изумленно уставилась на девушку. Оскорбление королевы могло быть расценено как измена, но Женя не выглядела встревоженной.

Когда мы зашли в огромный купольный зал, он оказался заполнен гришами в алых, фиолетовых и синих мантиях. Большинство были моего возраста, но несколько старших гришей собрались в углу. Несмотря на седину в волосах и морщины на лицах, они были поразительно привлекательными. На самом деле, все в комнате были раздражающе красивыми.

– Слова королевы не лишены правды, – пробормотала я.

– О, это не моих рук дело, – ответила Женя.

Я нахмурилась. Если она говорила правду, то это только подтверждало, что мне здесь не место. Кто-то увидел, как мы вошли в зал, и по комнате прошел шепот, каждая пара глаз сосредоточилась на мне. Высокий широкоплечий гриш в красной мантии вышел вперед. Это был загорелый мужчина, и, казалось, он источал здоровье. Он низко поклонился и представился:

– Я Сергей Безников.

– Я...

– Знаю, кто ты, конечно же, – перебил Сергей, сверкнув рядом белоснежных зубов. – Подойди, позволь тебя представить. Ты будешь идти с нами, – он взял меня под локоть и подвел к группе корпоралов.

– Она заклинательница, Сергей, – сказала девушка в синем кафтане с развевающимися коричневыми кудряшками. – Она пойдет с нами.

Послышался ропот согласия от остальных эфиреалов.

– Мария, – сказал Сергей с натянутой улыбкой, – ты же не предлагаешь ей войти в зал с гришами ниже по рангу?

Алебастровая кожа Марии внезапно покрылась красными пятнами, и несколько заклинателей вскочили на ноги.

– Напоминаю тебе, что сам Дарклинг – заклинатель.

– Так вы теперь приравниваете себя к Дарклингу?

Мария зашипела, и я вмешалась в попытке заключить мир:

– Почему бы мне просто не пойти с Женей?

Раздалась пара тихих смешков.

– С портнихой? – спросил Сергей, придя в ужас.

Я оглянулась на девушку, но та лишь улыбнулась и покачала головой.

– Ее место с нами, – возразила Мария, вызвав новую волну споров.

– Она пойдет со мной, – сказал низкий голос, и в комнате наступила тишина.

Глава 7

Я повернулась и увидела Дарклинга, стоящего в арке в окружении Ивана и нескольких других гришей, которые были мне знакомы с нашего путешествия. Мария и Сергей спешно отстранились. Дарклинг обвел взглядом толпу и сказал:

– Нас ждут.

Комната мгновенно пришла в движение, гриши встали и потянулись через огромные двойные двери, ведущие наружу. Затем все выстроились в два длинных ряда. Сначала субстанциалы, затем эфиреалы и, наконец, корпориаалы: высшие по рангу гриши заходят в тронный зал последними. Не зная, что делать, я осталась на месте, наблюдая за толпой и оглядываясь в поисках Жени, но она как будто испарилась. Через секунду рядом со мной встал Дарклинг. Я мельком взглянула на его бледный профиль, острый подбородок и гранитные глаза.

– Выглядишь отдохнувшей, – проговорил он.

Я поежилась. Мне было не по себе из-за того, что сделала Женья, но, стоя в зале, полном прекрасных гришей, должна признать, я была ей благодарна. Я все еще не имела надлежащего для этого места вида, но я бы выделялась куда больше без помощи девушки.

– Есть ли здесь другие портнихи? – спросила я.

– Женья уникальна, – ответил он, поглядывая на меня. – Как и мы.

Я проигнорировала небольшую внутреннюю радость от того, как он сказал «мы».

– Почему она не идет с остальными гришами?

– Женья должна быть при королеве.

– Почему?

– Когда ее таланты начали проявляться, я мог дать ей выбор – стать фабрикаторм или корпориаалом. Вместе этого я развил ее способности и подарил королеве.

– Подарил? Так гриши не лучше рабов?

– Все мы кому-то служим, – ответил он, и я была удивлена резкостью в его голосе. Затем добавил: – Король будет ждать демонстрации.

Я почувствовала, будто меня окунули в ледяную воду.

– Но я не знаю как...

– Я и не жду этого, – спокойно перебил он, двигаясь вперед, когда последние корпориаалы в красных кафтанах исчезли за дверью. Мы вышли на гравийную дорожку под исчезающие лучи дневного солнца. Мне стало трудно дышать. Казалось, будто меня вели на казнь. «*Может, так и есть*», – подумала я со страхом.

– Это нечестно, – сердито прошептала я. – Не знаю, что, по мнению короля, я могу делать, но несправедливо выпихивать меня туда и ждать, что я просто... натворю чудес.

– Надеюсь, ты не ждешь от меня справедливости, Алина. Это не по моей части.

Я посмотрела на Дарклинга. И что я должна вынести для себя из этого? Он опустил на меня взгляд.

– Ты действительно веришь, что я проделал весь этот путь, чтобы сделать из тебя посмешище? Из нас обоих?

– Нет, – признала я.

– Ситуация все равно вне твоего контроля, так? – продолжил он, пока мы пробирались по темному туннелю из веток. Это тоже была правда, хоть и не самая утешительная. У меня не было выбора, кроме как поверить, что он знает что делает. Внезапно меня пронзила неприятная догадка.

– Ты снова меня порежешь?

– Сомневаюсь, что придется, но все зависит от тебя.

Меня это не убедило. Я попыталась успокоиться и замедлить биение своего сердца, но не успела моргнуть, как дорога через парк закончилась, и мы стали подниматься по белым мраморным ступеням в Большой дворец. Пока мы пересекали просторный зал, переходящий в длинный коридор, завешанный зеркалами в золотых рамах, я размышляла, как сильно это место отличается от Малого дворца. Куда ни глянь, я видела мрамор и золото, уходящие ввысь стены белого или голубого цвета, сверкающие люстры, лакеев в ливреях и отполированные паркетные полы, выложенные замысловатыми геометрическими узорами.

Красиво, но чувствовалось что-то утомительное в такой повсеместной экстравагантности. Я всегда полагала, что крестьяне Равки голодали, а армия была вооружена из рук вон плохо из-за Тенистого Каньона. Но когда мы прошли мимо нефритового дерева с алмазными листьями, я уже не была так уверена.

Тронный зал был высотой в три этажа, каждое окно венчалось золотыми двуглавыми орлами. Длинная голубая ковровая дорожка пролегла через все помещение, заканчиваясь у ног придворных, которые собрались у трона на возвышении. Многие мужчины были одеты в военную форму: черные брюки и белые мундиры, обвешанные медалями и лентами. Женщины блистали в платьях из жидкого шелка, с пышными рукавами и глубокими декольте.

Став по бокам от ковровой дорожки, гриши разделились в соответствии со своими орденами. Когда все повернулись ко мне и Дарклингу, наступила тишина. Мы медленно подошли к золотому трону. Король сел ровнее, напряженный от возбуждения. Он выглядел лет на сорок, худой, с покатыми плечами, большими слезящимися глазами и седыми усами. Он был полностью одет в военную форму, сбоку торчал тонкий меч, узкую грудь покрывали медали.

Рядом с ним у трона стоял мужчина с длинной черной бородой. Он был облачен в рясу священника, но на его груди был нашит двуглавый золотой орел. Дарклинг слегка сжал мне локоть, чтобы предупредить, что мы останавливаемся.

– Ваше Величество, *мой царь*, – проговорил он ясным голосом. – Алина Старкова, заклинательница Солнца.

По толпе прошел тихий ропот. Я не знала, стоит ли мне поклониться или сделать реверанс. Ана Куя настаивала, чтобы все сироты знали, как встречать знатных гостей князя, но почему-то мне казалось неправильным делать реверанс в военных штанах. Король спас меня от грубой ошибки, нетерпеливо подозревая нас рукой.

– Подойди, подойди! Подведи ее ко мне.

Мы с Дарклингом подошли к возвышению. Король тщательно меня осмотрел и нахмурился, его нижняя губа слегка оттопырилась.

– Простовата.

Я покраснела и прикусила язык. Король тоже ничем особо не выделялся. У него почти не было подбородка и вблизи можно было увидеть лопнувшие сосуды на носу.

– Покажи мне, – приказал монарх.

Мой желудок сжался. Я посмотрела на Дарклинга. Вот оно. Он кивнул мне и широко развел руки. Наступила напряженная тишина, его ладони наполнились тьмой – клубящимися лентами мрака, растворяющимися в воздухе. Затем он свел руки вместе с громким хлопком. Из толпы послышались нервные вскрики, когда зал накрыла темнота.

В этот раз я была лучше подготовлена к окутывающей меня тьме, но она все еще пугала. Я инстинктивно потянулась вперед, ища, за что зацепиться. Парень поймал мою руку, его ладонь скользнула в мою. Я почувствовала, как меня охватила та же мощная уверенность, а затем услышала зов Дарклинга, ясный и убедительный, требующий ответа. Со смесью паники и облегчения я ощутила, как что-то во мне начало рваться наружу.

На этот раз я не пыталась бороться. Я позволила *этому* действовать. Свет затопил тронный зал, окутывая всех теплом и разбивая тьму на черные осколки. Придворные взорвались аплодисментами. Люди плакали и обнимали друг друга. Одна женщина даже потеряла созна-

ние. Король аплодировал громче всех, поднявшись с трона с ликующим выражением лица. Дарклинг отпустил мою руку, и свет исчез.

– Превосходно! – прокричал король. – Чудо!

Он спустился по ступенькам и взял мою руку в свои ладони, поднимая ее к влажным губам. Бородатый священник медленно последовал за ним.

– Моя дорогая девочка, – сказал король. – Моя дорогая, милая девочка.

Я вспомнила слова Жени о внимании короля и почувствовала мурашки по коже, но не посмела выдернуть руки. Тем не менее он вскоре отпустил меня и начал хлопать Дарклинга по спине.

– Чудесно, просто чудесно, – тараторил он. – Пойдем же, мы немедленно должны обсудить наши планы.

Когда король и Дарклинг отошли для разговора, вперед выступил священник.

– Действительно чудо, – сказал он, глядя на меня с пугающим напряжением.

Его глаза были столь карие, что казались черными, и от него исходил слабый запах плесени и ладана. «*Как от могилы*», – подумала я с дрожью. Я была благодарна, когда он отошел прочь, чтобы присоединиться к королю. Ко мне быстро подскочили разодетые мужчины и женщины, все желали со мной познакомиться и коснуться моей руки или одежды. Они окружили меня со всех сторон, толкаясь, чтобы приблизиться. Я почти начала паниковать, когда рядом оказалась Женья. Но мое облегчение было коротким.

– С тобой хочет встретиться королева, – пробормотала она мне на ухо.

Женья вытащила меня из толпы и повела к узкой боковой двери в коридор, а потом в гостиную в форме драгоценного камня, где королева возлежала на диване, а сопящая собака со сплюсненной мордой покоилась на ее коленях. Королева была прекрасна: блестящие светлые волосы, собранные в идеальную прическу, тонкие черты лица, будто высеченные из льда. Было в ее лице что-то странное. Ее глаза казались слишком синими, волосы – слишком золотыми, кожа – слишком гладкой. Я начала задаваться вопросом, сколько сил вложила в нее Женья.

Женщина была окружена дамами в изысканных платьях розового или голубого цвета. Декоративные лифты были украшены золотым шитьем и крошечным речным жемчугом. И все же, все они меркли на фоне Жени в ее простом белом шерстяном кафтане и с ярко-рыжими волосами, пламенеющими, как огонь.

– *Моя царица*, – проговорила Женья, опускаясь в низком грациозном реверансе. – Это – заклинательница Солнца.

На сей раз мне пришлось делать выбор. Я слегка поклонилась и услышала несколько тихих смешков со стороны дам.

– Очаровательно, – сказала королева. – Ненавижу притворство. – Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не фыркнуть. – Ты из семьи гришей? – спросила она.

Я нервно оглянулась на Женю, которая одобряюще кивнула.

– Нет, – ответила я, а затем быстро добавила, – *Моя царица*.

– Значит, крестьянка?

Я кивнула.

– Нам так повезло с нашими людьми, – продолжила она, и дамы тихо забормотали в знак согласия. – Твоя семья должна быть осведомлена о твоём новом статусе. Женья пошлет к ним гонца.

Девушка кивнула и снова сделала реверанс. Я подумала тоже просто кивнуть, но не была уверена, хочу ли начать врать королевской семье.

– Вообще-то, Ваше Величество, я выросла в доме князя Керамзова.

Дамы удивленно зашептались, и даже Женья посмотрела на меня с любопытством.

– Сирота! – довольно воскликнула королева. – Как чудесно!

Я бы не описала тот факт, что мои родители мертвы, словом «чудесно», но поскольку сказать мне было больше нечего, просто буркнула:

– Спасибо, моя царица.

– Тебе, наверное, все кажется таким странным. Следи за тем, чтобы жизнь при дворе не испортила тебя так же, как и других, – сказала она, и взгляд ее синих глаз скользнул по Жене. Намек был очевидным, но девушка и глазом не моргнула, что, похоже, не устроило королеву. Она отпустила нас, щелкнув своими унизанными кольцами пальцами.

– Вы свободны.

Когда Женя вывела меня обратно в коридор, мне показалось, я услышала, как она пробормотала: «Старая корова». Но прежде чем я смогла спросить ее о словах королевы, рядом появился Дарклинг и повел нас по пустому коридору.

– Как прошла встреча с королевой? – спросил он.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Все, что она говорила, было идеально вежливым, но все это время она смотрела на меня так, будто я была гадостью, которую выплюнула ее собака.

Женя рассмеялась, а губы Дарклинга дрогнули в легкой улыбке.

– Добро пожаловать в королевский дворец, – сказал он.

– Не уверена, что мне тут нравится.

– Никому не нравится, – признал парень. – Но мы все мастерски играем свою роль.

– Король показался мне довольным, – предположила я.

– Король – ребенок.

У меня открылся рот от удивления, и я нервно осмотрелась, боясь, что кто-то мог подслушать. Эти люди оскорбляли своих владык с такой же легкостью, как дышали. Женю, судя по всему, ни капли не волновали слова Дарклинга. Он, должно быть, заметил мой шок, поскольку сказал:

– Но сегодня ты сделала его очень счастливым ребенком.

– Кто был тот бородатый мужчина рядом с королем? – спросила я, желая сменить тему.

– Апат?

– Он священник?

– Своего рода. Некоторые говорят, что он фанатик. Другие – что мошенник.

– А ты?

– Я бы сказал, что для него тоже есть применение, – Дарклинг повернулся к Жене. – Думаю, мы сегодня достаточно помучили Алину. Отведи ее в спальню и прикажи, чтобы с нее сняли мерки для кафтана. Тренировки начнутся с завтрашнего дня.

Женя слегка поклонилась и положила руку мне на плечо, подталкивая в следующую залу. Меня накрыло возбуждение и облегчение одновременно. Моя сила (*моя* сила, это все еще казалось нереальным) снова показала себя и не дала мне опозориться. Я пережила знакомство с королем и аудиенцию с королевой. И мне сошьют кафтан гриша!

– Женя, – окликнул Дарклинг, – кафтан будет черного цвета.

Девушка пораженно втянула воздух. Я посмотрела на ее шокированное лицо, а затем на Дарклинга, который повернулся уходить.

– Подожди! – окликнула я, прежде чем успела себя остановить. Он замер и посмотрел на меня своими холодными серыми глазами. – Я... Если можно, я бы предпочла синюю мантию, как у заклинателей.

– Алина! – воскликнула Женя, явно придя в ужас. Но Дарклинг поднял руку, чтобы она замолчала.

– Почему? – спросил он с непонятным выражением.

– Я и так чувствую себя здесь не в своей тарелке. Мне кажется, будет легче, если я не стану... выделяться.

– Хочешь быть такой, как все?

Я упрямо задрала подбородок. Дарклинг явно не одобрял мое решение, но я не собиралась сдаваться.

– Я просто не хочу привлекать к себе еще больше внимания.

Дарклинг смотрел на меня достаточно долго. Я не знала, обдумывал ли он мои слова или пытался запугать, но я, стиснув зубы, стойко выдержала его взгляд. Внезапно он кивнул.

– Как пожелаешь. Твой кафтан будет синим.

Не сказав больше ни слова, он повернулся к нам спиной и скрылся дальше по коридору. Женя смотрела на меня в ужасе.

– Что? – спросила я воинственно.

– Алина, – медленно проговорила Женя, – ни одному гришу никогда раньше не позволяли носить цвет Дарклинга.

– Думаешь, он разозлился?

– Смысл не в том! Это было бы знаком твоего положения, покровительства Дарклинга. Это возвысило бы тебя над всеми остальными!

– Ну, я не хочу возвышаться над остальными.

Женя в отчаянии взмахнула руками и взяла меня под локоть, ведя по дворцу к главному входу. Два лакея в ливреях открыли перед нами большие золотые двери. Вздвигнув, я поняла, что они были одеты в белое и золотое, те же цвета, что и на кафтане Жени – цвет прислуги. Неудивительно, что она считала меня ненормальной, раз я отказалась от предложения Дарклинга. Может, она права. Эта мысль преследовала меня во время долгой дороги к Малому дворцу.

Сгущались сумерки, и слуги зажгли лампы, стоящие вдоль гравийной дорожки. К тому времени, как мы поднялись по лестнице в мою комнату, желудок будто в узел скрутило. Я села у окна, глядя на открывающийся передо мной вид. Пока я размышляла, Женя позвала служанку и отправила ее за швеей и ужином. Прежде чем уйти, она обратилась ко мне:

– Может, ты предпочтешь подождать и поужинать вместе с гришами?

Я покачала головой. Я слишком устала и перенасытилась впечатлениями, чтобы даже думать об ужине в очередной толпе.

– А ты можешь остаться? – спросила я. Женя замешкала. – Ты не обязана, конечно же, – быстро добавила я. – Уверена, ты захочешь поесть с кем-то другим.

– Вовсе нет. Значит, ужин на двоих, – властно проговорила она, и служанка умчалась.

Женя прикрыла дверь и подошла к небольшому туалетному столику, где начала перебирать предметы на столешнице: расческу, кисточку, ручку и чернильницу. Я не узнавала ничего из этого – должно быть, кто-то недавно принес эти мелочи в комнату специально для меня. Все еще стоя ко мне спиной, девушка сказала:

– Алина, ты должна понять это до того, как завтра начнутся твои тренировки... Корпоралы не ужинают с заклинателями. Заклинатели не трапезничают с фабрикаторами и...

Я сразу заняла оборонительную позицию:

– Слушай, если ты не хочешь оставаться на ужин, клянусь, я не буду плакать в свой суп.

– Нет! – воскликнула она. – Дело совсем не в этом! Я просто пытаюсь объяснить, как у нас здесь все устроено.

– Забудь.

Женя раздраженно вздохнула.

– Ты не понимаешь. Это большая честь – быть приглашенной отужинать с тобой, но другие гриши могут этого не одобрить.

– Почему?

Женя вздохнула и села на один из резных стульев.

– Потому что я – зверушка королевы. Потому что они не считают мои способности ценными. Есть много причин.

Я подумала над тем, что это могут быть за причины, и имеют ли они какое-то отношение к королю. Затем вспомнила слуг в ливреях, стоящих у каждой двери Большого дворца, – все они были одеты в белое с золотом. Каково для Жени быть изолированной от таких, как она, но и не принадлежать ко двору?

– Забавно, – ответила я через некоторое время. – Я всегда считала: если ты красива, это облегчает жизнь.

– О, так и есть, – засмеялась Женья.

Я не сдержалась и тоже захохотала. Нас прервал стук в дверь, и вскоре швея заняла нас измерениями и примеркой. Когда она закончила и начала собирать свои булавки с муслинами, Женья прошептала:

– Знаешь, еще ведь не поздно. Ты все еще можешь...

Я перебила ее:

– Синий, – несмотря на твердость в голосе, мой желудок снова сжался.

Швея ушла, и мы вернулись к ужину. Еда была менее неземной, чем я ожидала, такое мы ели и по праздникам в Керамзине: сладкая гороховая каша, жаренные в меду перепела и свежий инжир. Казалось, такой голодной я в жизни не была. Пришлось бороться с желанием облизать тарелку.

Женья поддерживала беседу во время трапезы, в основном рассказывая сплетни о гришах. Я не знала никого из этих людей, но была благодарна, что мне не приходится вести разговор, потому кивала и улыбалась в нужных местах. Когда последняя служанка ушла, забирая с собой наши тарелки, я не смогла подавить зевка, и Женья встала.

– Я приду за тобой утром, чтобы отвести на завтрак. Нужно время, прежде чем ты освоишься здесь. Малый дворец может показаться лабиринтом, – затем ее идеальные губки поднялись в озорной улыбке. – Тебе стоит отдохнуть. Завтра ты познакомишься с Багрой.

– Багрой?

Девушка хитро усмехнулась.

– О да. Общение с ней – одно удовольствие.

Прежде чем я смогла спросить, что бы это значило, она помахала мне рукой и выскользнула за дверь. Я прикусила губу. Что же меня ждало утром?

Когда дверь за девушкой закрылась, я почувствовала, как меня накрывает усталость. Радость от того, что у меня действительно может быть сила, наплыв эмоций от встречи с королем и королевой, странные чудеса Большого и Малого дворцов отодвинули мою усталость на второй план, но теперь она снова вернулась, а с ней и огромное чувство одиночества.

Я разделась, аккуратно повесила форму на вешалку за звездной ширмой и поставила рядом свои новые начищенные ботинки. Затем потерла между пальцами сукно шерстяного пальто, надеясь ощутить хоть что-то знакомое, но ткань казалась неправильной: слишком жесткой, слишком новой. С грустью вспомнив свое старое грязное пальто, я облачилась в ночную сорочку из мягкого белого хлопка и умылась. Тут я мельком заметила свое отражение в зеркале над раковиной. Может, дело было в освещении, но мне показалось, что я выглядела даже лучше, чем когда Женья только закончила работать надо мной. Через секунду я поймала себя на том, что просто пялюсь на свое отражение и улыбаюсь. Для девушки, которая ненавидела смотреть на себя, я рисковала стать тщеславной.

Я запрыгнула на высокую постель, скользнула под тяжелое одеяло из шелка и меха и задула свечку. Откуда-то слышались звуки закрывающихся дверей, голосов, желающих друг другу спокойной ночи и шорохи отходящего ко сну Малого дворца. Я смотрела в темноту. У меня никогда раньше не было своей комнаты. В Керамзине я спала в старом портретном

зале, который преобразовали в общую спальню, окруженная бесчисленным количеством других девочек. В армии спала в казарме или в палатках с другими картографами.

Моя новая комната казалась огромной и пустой. В тишине на меня разом накатили все события этого дня, и глаза зашипало от слез. Завтра я проснусь и обнаружу, что все это было сном, Алексей все еще жив, а Мал – не ранен. Никто не пытался меня убить, я никогда не знакомилась с королем и королевой и не видела Апрата и никогда не чувствовала руку Дарклинга на своей шее. Может, я проснусь от запаха горящего костра, в своей удобной одежде, на своей узкой койке и расскажу Малу об этом странном, пугающем, но в то же время прекрасном сне.

Я провела пальцем по шраму на ладони и услышала голос Мала: «С нами будет все отлично, Алина. Как всегда».

– Надеюсь, Мал, – прошептала я в подушку и позволила слезам погрузить меня в сон.

Глава 8

После беспокойной ночи я проснулась рано и больше заснуть не смогла: забыла задернуть шторы, когда ложилась, и теперь солнечный свет лился через окна. Я раздумывала над тем, чтобы встать и занавесить их, а потом еще поспать, но у меня просто не было сил. Возможно, дело было в беспокойстве и страхе, заставлявших меня крутиться и ворочаться, или в роскоши сна на непривычно удобной кровати после многих месяцев, проведенных на шатких лежаках или вовсе на тонком матрасе между мной и жесткой землей.

Я потянулась, чтобы провести пальцем по замысловато вырезанным птицам и цветам на столбике кровати. Высоко надо мной сквозь балдахин виднелся цветной орнамент на потолке, состоящий из листьев, цветов и летящих птиц. Я разглядывала узор, пересчитывая листочки на венке можжевельника, и не заметила, как задремала. Тут послышался стук в дверь.

Откинув тяжелые покрывала, я скользнула ногами в изящные отороченные мехом тапочки, оставленные у кровати. За дверью ждала служанка со стопкой белья, обувью и кафтаном синего цвета, перекинутым через руку. Не успела я поблагодарить девушку, как та сделала реверанс и исчезла.

Закрыв дверь, я положила обувь и одежду на кровать, а новый кафтан аккуратно повесила на ширму и некоторое время просто смотрела на него. Всю жизнь я носила одежду, оставшуюся от старших сирот, а затем стандартную униформу Первой армии. Конечно, у меня никогда не было ничего, сделанного на заказ. И тем более я никогда даже не мечтала носить кафтан гриша!

Я умылась и расчесала волосы. Я не знала, когда придет Женья, поэтому не была уверена, есть ли у меня время на ванную. До смерти хотелось чаю, но у меня не хватало храбрости позвать служанку.

Наконец мне ничего не оставалось делать, поэтому я взялась разбирать одежду на кровати. Там были обтягивающие брюки из ткани, которую я никогда не видела раньше – она сидела и ощущалась как вторая кожа; длинная блуза из тонкого хлопка, которая подпоясывалась синей лентой, и высокие сапоги. Но назвать эту обувь сапогами казалось неправильным. У меня были сапоги. Эти же были чем-то совершенно иным: черная кожа мягчайшей выделки, идеально облегающая мои икры. Наряд был странным: с одной стороны, она походила на ту, что носят фермеры и крестьяне, но ткань была мягче и дороже – обычный крестьянин не мог себе позволить такую.

Когда я оделась, то стала разглядывать кафтан. Неужели я действительно собиралась надеть его? Неужели я действительно стану гришом? Это казалось невозможным. «*Это просто форма*», – упрекнула я себя. Потом, сделав глубокий вдох, сняла кафтан с ширмы и скользнула в него. Он был легче, чем казался, и, как и остальная одежда, идеально подходил мне. Застегнув маленькие потайные пуговицы спереди, я отступила, пытаясь хоть немного рассмотреть себя в зеркале над умывальником.

Кафтан был глубокого полуночно-синего цвета и почти доставал мне до пят, а рукава были широкими. И хотя он во многом походил на пальто, но был столь элегантным, что я чувствовала себя так, будто надела платье. Затем я заметила вышивку на манжетах.

Как и все гриши, эфиреалы обозначали свое назначение в ордене цветом вышивки: голубой для проливных, красный для inferнов и серебряный для шквальных. Мои манжеты были вышиты золотом. Я пробежалась пальцем по золотым нитям, чувствуя резкий приступ тревоги, и чуть не подпрыгнула, когда услышала стук в дверь.

– Очень хорошо, – сказала Женья, когда я открыла ее. – Но ты бы лучше смотрелась в черном.

В ответ я очень грациозно показала ей язык, а затем поспешно последовала вдогонку, пока она прошествовала по коридору и начала спускаться по лестнице. Женья повела меня в ту

же куполообразную комнату, где накануне мы собирались для процессии. Сегодня тут и близко не было вчерашней толпы, но все же стоял гул разговоров.

Гриши толпились по углам вокруг самоваров или располагались на диванах, обогреваясь у печек с изразцами, а некоторые завтракали за длинными столами, расположенными в центре комнаты в форме квадрата. И вновь шум сошел на нет при нашем появлении. На этот раз многие хотя бы сделали вид, что продолжают разговор, когда мы проходили мимо. Две девушки в мантиях заклинателей налетели на нас. Я узнала Марию, которая накануне перед процессией спорила с Сергеем.

– Алина! – прошептала она. – Нас вчера не представили должным образом. Я Мария, а это Надя, – она указала на розовощекую девушку рядом, которая широко улыбнулась мне. Мария взяла меня под руку, намеренно поворачиваясь спиной к Жене. – Пошли, сядешь с нами!

Я нахмурилась и открыла рот, чтобы возразить, но Женья просто покачала головой и сказала:

– Иди. Твое место с эфиреалами. Я найду тебя после завтрака, чтобы устроить экскурсию.
– Мы можем показать ей округу... – начала Мария.

Но Женья перебила:

– Чтобы устроить тебе экскурсию *по просьбе Дарклинга*.

Мария покраснела.

– А ты что, ее служанка?

– Что-то вроде того, – ответила Женья и отошла, чтобы налить себе чашку чая.

– Слишком высокого о себе мнения, – прокомментировала Надя, тихонько фыркнув.

– С каждым днем все наглее, – согласилась Мария. Затем она повернулась ко мне и воскликнула: – Ты, должно быть, умираешь с голоду! – Она провела меня к одному из длинных столов, и двое слуг выступили вперед, чтобы выдвинуть перед нами стулья.

– Мы сидим здесь, по правую руку от Дарклинга, – сказала Мария с гордостью в голосе, указывая вдоль стола, где сидели остальные гриши в синих кафтанах. – Корпорали сидят там, – она презрительно посмотрела на противоположный стол, где сердитый Сергей и несколько других одетых в красное мужчин ели завтрак.

Мне пришло в голову, что, если мы были по правую сторону от Дарклинга, корпорали сидели равноудаленно от него слева, но я не стала заострять на этом внимание девушек. Стол Дарклинга пустовал, единственным намеком на то, что его место там, был огромный черный стул. Когда я спросила, будет ли он завтракать с нами, Надя энергично замотала головой.

– О, нет! Он даже почти не ужинает с нами, – пояснила она.

Я приподняла бровь. Столько шума из-за того, кто сидит ближе к Дарклингу, а он даже не утруждал их своим присутствием?

Перед нами поставили тарелки с ржаным хлебом и селедкой, и я чуть не поперхнулась. Ненавижу селедку! К счастью, на столе было полно хлеба и, как я с изумлением заметила, нарезанной сливы, которую, должно быть, выращивали в теплицах. Слуга принес нам горячий чай из одного из больших самоваров.

– Сахар! – воскликнула я, когда он поставил передо мной небольшую плошку. Мария и Надя обменялись взглядами, и я покраснела. Последние сто лет сахар был нормирован в Равке, но, судя по всему, он не в новинку в Малом дворце.

Еще одна группка заклинателей присоединилась к нам и, после краткого представления, все начали закидывать меня вопросами.

Откуда я? С севера. Мы с Малом никогда не ввали о том, откуда мы. Просто не открывали всей правды.

Действительно ли я была картографом? Да.

Правда ли, что на меня напали фьерданцы? Да.

Сколько волькр я убила? Ни одной.

Всех их, казалось, разочаровал последний ответ, особенно парней.

– Но я слышал, что ты убила их сотни, когда скиф был атакован! – возразил один из них по имени Иво, холеный, как норка.

– Ну, это не так, – ответила я, а затем задумалась. – По крайней мере, не думаю, что это так. Я... эм... вроде как потеряла сознание.

– Ты *потеряла сознание*? – Иво выглядел потрясенным.

Я была чрезвычайно благодарна Жене, что она пришла мне на выручку, похлопав по плечу.

– Пойдем? – спросила она, игнорируя остальных.

Я пробормотала слова прощания и быстро ретировалась из-за стола, чувствуя, что все пялятся нам вслед, до самого выхода из комнаты.

– Как прошел завтрак? – поинтересовалась девушка.

– Ужасно.

Женя презрительно фыркнула.

– Селедка и ржаной хлеб?

Я скорее имела в виду устроенный мне допрос, но кивнула. Она сморщила нос.

– Мерзость.

Я с подозрением посмотрела на нее.

– А что ела *ты*?

Женя оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что нас никто не слышит, и прошептала:

– У одного из поваров дочь мучилась ужасными пятнами на лице. Я помогла ей избавиться от них, и теперь она шлет мне ту же выпечку, которую готовят для Большого дворца каждое утро. Божественное лакомство!

Я улыбнулась и покачала головой. Остальные гриши могут смотреть на Женю сверху вниз, но у девушки были свои связи и рычаги влияния.

– Но никому не говори, – добавила она. – Дарклинг очень увлечен идеей, что мы все должны есть суровую крестьянскую пищу. Упаси святые, чтобы мы забыли, что мы *настоящие* равкианцы.

Я подавила смехок. Сказочная версия жизни крепостных, представленная в Малом дворце, не имеет ничего общего с настоящей Равкой, равно как блеск и пышность королевского двора. Гриши, похоже, были одержимы подражанием крестьянам, вплоть до одежды, которую носили под кафтанами. Но было что-то глупое в крестьянской еде на фарфоровых тарелках под куполом, инкрустированным настоящим золотом. И какой бы крестьянин не выбрал выпечку вместо маринованной рыбы?

– Я не пророню ни слова, – пообещала я.

– Хорошо! Если ты будешь мила со мной, я, возможно, даже поделюсь, – подмигнула Женя. – А теперь смотри – эти двери ведут в библиотеку и кабинеты, – она указала на массивные распашные двери перед нами. – Этот коридор ведет обратно к твоей комнате, – она указала направо. – А этот, – указала на двери слева, – в Большой дворец.

Женя повернулась, направившись к библиотеке.

– А там что? – спросила я, кивая на закрытые двери прямо за столом Дарклинга.

– Если эти двери открыты, будь внимательна. Они ведут в зал совета Дарклинга и в его покои.

Присмотревшись к резным массивным дверям, я смогла разглядеть символ Дарклинга, спрятанный за лозами винограда и бегущими животными. Оторвавшись от орнамента, я поспешила за Женей, выходящей из купольного зала. Я проследовала за ней по коридору к очередным огромным дверям. Они походили на обложку старой книги, и когда Женя распахнула их, я ахнула.

Библиотека была высотой в два этажа, и все стены от пола до потолка были заставлены книгами. Второй ярус опоясывал балкончик. А свод помещения был полностью стеклянным, поэтому вся комната освещалась естественным светом. Несколько кресел для чтения с небольшими столиками рядом выстроились вдоль стен. В центре комнаты, прямо под блестящим стеклянным куполом, располагался круглый стол, окруженный лавкой.

– Здесь будут проходить твои занятия по истории и теории, – пояснила Женья, проведя меня вокруг стола и далее через все помещение. – Я их закончила много лет назад. Такие нудные, – и тут она рассмеялась. – Закрой рот. Ты похожа на форель.

Я послушалась, но ошарашенно разглядывать все вокруг не перестала. Библиотека князя казалась мне большой, но в сравнении с этим местом она была лачугой. Весь Керамзин казался потертым и жалким рядом с красотой Малого дворца, но мне почему-то было грустно думать в таком ключе. Я гадала, что бы заметили зоркие глаза Мала.

Мои шаги замедлились. Разрешали ли гришам приводить гостей? Сможет ли Мал навесить меня в Ос Альте? У него были обязанности в своем полку, но если бы он смог вырваться... Эта мысль воодушевила меня. Малый дворец не казался таким уж пугающим, когда я представила, как прогуливаюсь по его коридорам с лучшим другом.

Мы покинули библиотеку через другие двери, ведущие в темный коридор. Женья свернула налево, но я оглянулась в коридор, ведущий направо, и увидела, как две корпоралики выходят из огромных красных дверей. Они окинули нас недружелюбным взглядом, прежде чем скрыться в тени.

– Пошли, – прошептала Женья, хватая меня за руки и таща в противоположную сторону.

– Куда ведут те двери?

– В анатомические кабинеты.

У меня внутри все похолодело. Корпоралики. Целители... и сердцебиты. Им нужно где-то практиковаться, но я содрогнулась от мысли, что может подразумевать эта практика. Я ускорила шаг, чтобы поспеть за девушкой. Не хотелось оставаться в одиночестве рядом с красными дверями.

В конце коридора мы остановились перед дверями уже из светлого дерева, с изысканной резьбой из птиц и цветов. Сердцевинки цветов инкрустированы желтыми бриллиантами, а у птиц вместо глаз были аметисты. Дверные ручки – в виде человеческих рук. Женья взялась за одну и толкнула дверь вперед.

Мастерские фабрикаторов были расположены так, чтобы максимально задействовать ясные рассветные лучи, поэтому и окна здесь были почти во всю стену. Помещение напомнило мне картотеку, но вместо атласов, стопок бумаг и бутылочек с чернилами большие рабочие столы ломились от рулонов ткани, кусков стекла, мотков тонкого золота и стали и странно покореженных осколков камней. В углу террариумы наполнились экзотическими цветами, насекомыми и – я вздрогнула, рассмотрев, – змеями.

Субстанциалы в кафтанах фиолетового цвета сидели, сторбившись над своей работой, но подняли головы, чтобы рассмотреть меня, пока мы шли мимо. За одним столом были две женщины-фабрикаторши, которые работали над расплавленным комком того, что, как я думала, может стать сталью гришей. Их стол был покрыт алмазной крошкой и уставлен банками с шелкопрядами.

За другим столом фабрикат с марлей, закрывавшей его нос и рот, отмерял черную густую жидкость, которая воняла дегтем. Женья провела меня мимо всех к фабрикатору, склонившемуся над набором маленьких стеклянных дисков. Парень был бледным, худым, как трость, и явно нуждался в стрижке.

– Привет, Давид, – сказала Женья.

Он поднял голову, моргнул, коротко кивнул и вернулся к работе. Женья вздохнула.

– Давид, это Алина.

Он хмыкнул.

– Заклинательница Солнца, – добавила она.

– Это для тебя, – сказал он, не поднимая головы.

Я посмотрела на диски.

– О, э-э... спасибо.

Я не знала, что еще сказать, но когда посмотрела на Женю, та просто пожала плечами и закатила глаза.

– *До свидания, Давид*, – нарочно неторопливо произнесла она.

Тот хмыкнул. Женя взяла меня за руку и повела наружу на деревянную арочную галерею на аккуратном зеленом газоне.

– Не принимай близко к сердцу, – сказала она. – Давид отличный кузнец. Он может сделать клинок таким острым, что тот будет проходить сквозь плоть, как сквозь воду. Но если ты не сделана из металла или стекла, ты ему неинтересна, – голос Жени был веселым, но в нем слышались напряженные нотки, и когда я посмотрела на нее, то увидела, что на ее идеальных щеках появились яркие пятна.

Я оглянулась к окну, где все еще можно было разглядеть костлявые плечи Давида и растрепанную копну коричневых волос, и улыбнулась. Если столь прекрасное создание, как Женя, могло влюбиться в тощего, прилежного фабрикатора, то и у меня все еще был шанс.

– Что? – спросила она, заметив мою улыбку.

– Ничего-ничего.

Женя с подозрением прищурилась, но я держала рот на замке. Мы проследовали по галерее вдоль восточной стены Малого дворца, мимо окон мастерских фабрикаторов. Затем зашли за угол, и окна закончились. Женя ускорила шаг.

– Почему здесь нет окон? – спросила я.

Женя нервно покосилась на глухую стену. Это была, пожалуй, единственная часть Малого дворца, на которой я не видела никакой резьбы.

– Мы по другую сторону анатомических кабинетов корпоралиов.

– Разве им не нужен свет для... их работы?

– Мансардные окна, – пояснила она. – На крыше, как свод в библиотеке. Они предпочитают так. Это обеспечивает им безопасность, как и их секретам.

– Но что они там делают? – спросила я, не будучи полностью уверенной, что хотела услышать ответ.

– Это ведомо одним корпоралиам. Ходят слухи, что они работают с фабрикаторами над новым... экспериментом.

Я поежилась и испытала облегчение, когда мы завернули за очередной угол и окна появились вновь. Через них я разглядела спальни, похожие на мою, и поняла, что передо мной нижнее общежитие. Я ощутила благодарность, что мне дали комнату на третьем этаже. Конечно, я легко бы обошлась без того, чтобы карабкаться по всем этим лестницам, но теперь, когда у меня впервые появилась своя спальня, я порадовалась, что люди не будут просто прогуливаться под моим окном. Женя указала на озеро, которое я уже видела из своей комнаты.

– Туда мы и идем, – проговорила она, кивая на небольшие белые строения, усеивавшие берег. – К павильонам заклинателей.

– Так далеко?

– Это самое безопасное место, где такие, как ты, могут попрактиковаться. Нам же не нужно, чтобы какой-нибудь чрезмерно возбужденный инферн сжег все вокруг!

– Ах, – сказала я. – Не подумала об этом.

– Ничего. У фабрикаторов есть другое здание за городом, где они работают над взрывающимся порошком. Могу организовать тебе экскурсию и туда, – сказала она с хитрой ухмылкой.

– Я воздержусь.

Мы спустились по ступенькам на гравийную дорожку, ведущую к озеру. По мере приближения стало видно еще одно строение, стоящее в отдалении. К моему удивлению, неподалеку я разглядела детей, они с криками носились по округе. Дети в красном, синем и фиолетовом. Прозвенел звонок, и они прекратили игру, забежав внутрь здания.

– Школа? – спросила я. Женя кивнула.

– Когда у ребенка находят талант гриша, его привозят сюда для обучения. Почти все из нас обучались тут Малой науке.

Я вспомнила о трех фигурах, нависших надо мной в гостинной Керамзина. Почему гриши-экзаменаторы не открыли мои способности тогда, много лет назад? Было трудно представить, какой могла быть моя жизнь, если бы это произошло. Я была бы окружена заботой слуг, вместо того чтобы работать с ними бок о бок по хозяйству. Я бы никогда не стала топографом и даже не знала бы, как нарисовать карту. А что бы это могло значить для Равки? Если бы я научилась использовать свою силу, Тенистый Каньон уже мог быть проблемой давно минувших дней. Малу и мне никогда бы не пришлось драться с волькрой. На самом деле мы бы, наверное, давным-давно уже забыли друг о друге.

Я оглянулась на школу.

– А что будет после того, как они окончат обучение?

– Они станут членами Второй армии. Многих отсылают в богатые дома, чтобы служить благородным семьям, или в Первую армию на Северный или Южный фронт, или к Каньону. Лучших отбирают, чтобы оставить в Малом дворце и завершить их обучение, а затем отправить на службу к Дарклингу.

– А что происходит с их семьями? – спросила я.

– Их щедро награждают. Семьи гришей не знают нужды.

– Я не это имела в виду. Ты никогда не навещаешь родных?

Женя пожала плечами.

– Я не видела родителей с пяти лет. Это мой дом.

Глядя на Женю в ее бело-золотом кафтане, я не была до конца уверена в том же. Большую часть своей жизни я прожила в Керамзине, но никогда не чувствовала себя там к месту. Через год та же история повторилась с армией короля. Единственное место, где мне было хорошо – место рядом с Малом, и даже это долго не продлилось. Возможно, несмотря на всю красоту девушки, между нами было не так уж много различий.

Мы шли вдоль воды мимо каменных павильонов, но Женя не останавливалась, пока наконец мы не достигли тропинки, ведущей от берега в лес.

– Вот мы и на месте, – сказала она.

Я посмотрела вдоль тропинки. В тени пряталась небольшая каменная хижина, скрытая за деревьями.

– Туда?

– Я не могу пойти с тобой. Не то чтобы я хотела.

Я снова посмотрела на тропинку, и мурашки пробежали вдоль позвоночника. Женя одарила меня сочувствующим взглядом.

– Багра не так уж и плоха, когда к ней привыкаешь. Но, поверь, ты не захочешь опаздывать.

– И правда, – поспешно ответила я и зашагала вперед.

– Удачи! – крикнула мне вслед девушка.

Постройка была круглой и, как я заметила с опаской, не имела окон. Поднявшись по ступенькам к двери, я постучала. Когда никто не ответил, вновь постучала и подождала, не зная, что предпринять. Оглянулась на тропинку, но Женя давно ушла. Тогда постучала еще раз, затем плюнула на свою трусливость и открыла дверь. Мне в лицо ударил горячий спертый воздух, и я мгновенно начала потеть в своей новой одежде.

Когда глаза привыкли к полумраку, я смогла разглядеть узкую кровать, лохань для купаний и плиту с чайником на ней. В центре комнаты стояли два стула, а в большой плиточной печи ревел пламя.

– Ты опоздала, – раздался хриплый голос.

Я огляделась, но никого не увидела в крошечной комнате. Какая-то тень пришла в движение. Я чуть не выпрыгнула из собственной кожи.

– Закрой дверь, девочка. Ты выпускаешь тепло, – я прикрыла дверь. – Хорошо, дай-ка на тебя посмотреть.

Мне хотелось развернуться и побежать в противоположную сторону, но я приказала себе не глупить и подошла к огню. Из-за печи выскользнула тень, чтобы рассмотреть меня в свете пламени.

На первый взгляд казалось, что передо мною невероятно древняя женщина, но когда я присмотрелась, то не смогла понять, почему я так решила. Кожа Багры была гладкой и подтянутой, подчеркивающей острые черты лица. Ее спина была прямой, а тело жилистым, как у сулийской акробатки. Угольно-черные волосы оставались нетронутыми сединой. И тем не менее огонь делал ее лицо устрашающе похожим на череп, – выступающие скулы да глубокие впадины. Она носила старый кафтан неопределенного цвета. Костлявой рукой женщина держала плоскую рукоять трости, которая выглядела так, будто была высечена из серебристого окаменелого дерева.

– Итак, – сказала она гортанным голосом, – ты – заклинательница Солнца. Пришла, чтобы спасти нас всех. Где же остальные? – я неловко зашаркала. – Ну, девочка, ты немая?

– Нет, – удалось мне выдать.

– Уже что-то, судя по всему. Почему тебя не тестировали в детстве?

– Тестировали.

– Хм... – сказала она. Затем ее выражение изменилось. Она посмотрела на меня такими непостижимо мрачными глазами, что меня прошиб холодный пот, несмотря на жар в комнате. – Надеюсь, ты сильнее, чем кажешься, девочка, – сказала она замогильным голосом. Из рукава ее мантии показалась костлявая рука и крепко сжалась на моем запястье. – Ну, давай посмотрим, на что ты способна.

Глава 9

Это была полная катастрофа. Когда Багра сомкнула свою костлявую руку на моем запястье, я мгновенно догадалась, что она была усилителем, как Дарклинг. Я почувствовала ту же потрясающую уверенность, пульсирующую во мне, и комната засияла в солнечном свете, озарившим каменные стены. Но стоило старухе отпустить меня и приказать самой воззвать к своей силе, все стало безнадежно.

Женщина упрекала меня, уговаривала, даже стукнула своей палкой.

– И что я должна делать с девчонкой, которая не может вызвать собственную силу? – зарычала она на меня. – Даже дети это умеют!

Она снова скользнула рукой по моему запястью, и я почувствовала, как что-то внутри меня стало подниматься, вырываться наружу. Я потянулась к своей силе и схватилась за нее, будучи уверена, что все делаю правильно. Но стоило Багре меня отпустить, и сила вновь ускользнула камнем на дно. Наконец женщина выгнала меня прочь, с отвращением махнув рукой.

Дальше – хуже. Остаток утра я провела в библиотеке, где мне вручили огромную стопку книг по теории и истории гришей и проинформировали, что это лишь часть моего списка для чтения. За обедом я искала Женю, но той нигде не было. Я села за стол заклинателей и вскоре оказалось в окружении эфиреалов. Пока набирала еду себе на тарелку, Мария и Надя заваливали меня вопросами о первом занятии, о том, где моя комната, и хочу ли я пойти с ними вечером в баню. Когда девушки поняли, что ничего от меня не добьются, то вернулись к остальным заклинателям, чтобы обсудить свою учебу.

Пока я страдала с Багрой, остальные гриши изучали передовую теорию, языки, военную стратегию. Судя по всему, этого было достаточно, чтобы подготовить их к отъезду из Малого дворца следующим летом. Большинство отправится к Каньону, на Северный или Южный фронт, чтобы занять командную должность во Второй армии. Но самой большой наградой было приглашение путешествовать с Дарклингом. Например, Ивану повезло. Я изо всех сил старалась прислушиваться к разговорам, но мой разум продолжал возвращаться к катастрофическому занятию с Багрой.

В какой-то момент я поняла, что Мария, видимо, задала мне вопрос, потому что теперь они с Надей выжидающе пялились на меня.

– Простите, что?

Девушки переглянулись.

– Хочешь прогуляться с нами к конюшням? – спросила Мария. – Для боевой подготовки?

Боевой подготовки? Я опустила взгляд на расписание, которое мне оставила Женя. После обеда шли слова: «Боевая подготовка. Боткин. Западная конюшня». Другими словами, этому дню еще было куда худшаться.

– Конечно, – безразлично ответила я и встала вместе с ними.

Слуги кинулись вперед, чтобы отодвинуть наши стулья и убрать тарелки. Я сомневалась, что когда-нибудь привыкну к такому обслуживанию.

– *Не брините*, – сказала Мария, хихикнув.

– Что? – недоуменно переспросила я.

– *То че бити забавно*.

Надя хихикнула.

– Она сказала: «Не волнуйся. Будет весело». Это сулийский диалект. Мы с Марией изучаем его на случай, если нас отправят на запад.

– Ах, – только и сказала я.

– *Ши си юань сули*, – проговорил Сергей, проходя мимо нас из купольного зала. – Это на шуханском: «сулийский – мертвый язык».

Мария нахмурилась, а Надя прикусила губу.

– Сергей учит шуханский язык, – прошептала она.

– Я поняла.

Всю дорогу к конюшням Мария жаловалась на Сергея и других корпоралиов, а также обсуждала преимущества сулийского языка перед шуханским. Сулийский был лучшим вариантом для миссий на северо-западе. Изучение шуханского означало, что ты застрянешь за переводом дипломатических документов. Сергей, мол, был идиотом, которому лучше бы научиться торговать в Керчи.

Мария сделала небольшой перерыв в тираде, чтобы показать баню – продуманную систему паровых ванн и ледяных бассейнов, расположенных в березовой роще рядом с Малым дворцом. А затем сразу же продолжила громко разглагольствовать об эгоистичных корпоралиах, проводящих там каждую ночь.

Может, боевая подготовка будет не так уж плоха. Мария и Надя определенно вызывали у меня желание что-нибудь разбить.

Когда мы шли по западной лужайке, у меня появилось ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я огляделась и заметила чью-то фигуру в стороне от тропинки в тени низких деревьев. Мне был знаком этот человек с черной замусоленной бородой и в длинной коричневой робе. Даже издали я ощутила жутковато-напряженный взгляд Абрата и поспешила догнать Марию и Надю. Я чувствовала его взгляд на себе и когда обернулась, он все еще стоял на том же месте.

Тренировочный зал находился рядом с конюшнями. Это было большое пустое помещение с высоким потолком, грязным полом и стенами, увешанными разнообразным оружием. Наш инструктор, Боткин Юл-Эрден, не являлся гришом; это был бывший шуханский наемник, который воевал на всех континентах и за все государства, которые могли позволить себе расходы на его особый дар к насилию. У него были редкие седые волосы и жуткий шрам на шее – видимо, кто-то пытался перерезать ему горло; следующие два часа я проклинала этого человека за то, что не справился с заданием.

Боткин начал с упражнений на выносливость и гонял нас по территории дворца. Я изо всех сил старалась не отставать от остальных, но, надо признать, была такой слабо подготовленной и неуклюжей, что быстро сдулась.

– И этому вас учат в Первой армии? – прохрипел тренер с тяжелым шуханским акцентом, пока я взбиралась по холму. Мне не хватило дыхания, чтобы ответить.

Когда же мы вернулись в тренировочный зал, остальные заклинатели поделились на двойки для спарринга, и Боткин настоял, чтобы встать в пару со мной. Следующий час прошел как в тумане и был полон болезненными пинками и ударами.

– Блокируй! – кричал мужчина, сбивая меня с ног. – Быстрее! Может, маленькой девочке нравится, когда ее бьют?

Единственным утешением было то, что нам было запрещено использовать наш дар. По крайней мере, меня избавили от позора, и никто не узнал, что я не могу призвать свою силу. Когда я настолько устала, что подумывала просто упасть и позволить ему добить меня, Боткин закончил тренировку. Но, прежде чем мы вышли за дверь, он окликнул меня:

– Завтра маленькая девочка приходит утром и тренируется с Боткином.

Я чуть не захныкала. После я приплелась к себе в комнату и кое-как помылась, хотя мне хотелось только скользнуть под одеяло и закрыться с головой. Но я заставила себя вернуться в купольный зал для ужина.

– Где Женья? – спросила я Марию, садясь за стол заклинателей.

– Она трапезничает в Большом дворце.

– И спит тоже, – добавила Надя. – Королеве нравится знать, что она всегда под рукой.

– Как и королю.

– Мария! – хихикнула Надя. Я уставилась на них.

– Хотите сказать...

– Это просто слух, – ответила Мария, но при этом девушки обменялись многозначительным взглядом. Я же подумала о влажных губах короля, лопнувших сосудах на его носу и о прекрасной Жене в наряде служанки. После чего оттолкнула свою тарелку – и без того малый аппетит, что у меня был, испарился начисто.

Ужин, казалось, длился вечность. Я цедила стакан чая и терпела очередной раунд бесконечной болтовни заклинателей. Я уже готова была извиниться и уйти к себе, но тут дверь позади стола Дарклинга отворилась и в зале моментально стало тихо. Появился Иван и двинулся к столу заклинателей, явно не замечая взглядов остальных гришей. С нарастающим волнением я поняла, что он направляется именно ко мне.

– Иди за мной, Старкова, – проговорил он, подойдя ближе, а затем добавил насмешливо: – Пожалуйста.

Я отодвинула стул и поднялась на ноги, которые внезапно стали ватными. Багра нажаловалась Дарклингу на мою безнадежность? Боткин рассказал о моем провале на тренировке? Все гриши вылупились на меня. Надя сидела, даже не пытаясь прикрыть разинутый от изумления рот.

Я последовала за Иваном через зал в полной тишине и вошла в огромные черные двери. Он повел меня по коридору, затем сквозь очередные двери, украшенные символом Дарклинга. Было нетрудно догадаться, что я оказалась в зале военного совета: окна отсутствовали, стены были завешаны огромными картами Равки. Карты были старого образца – рисунок был нанесен чернилами на шкуры животных. При других обстоятельствах я бы провела не один час, исследуя их, пробегая пальцами по возвышенным горам и извилистым рекам. Вместо этого я замерла, сжав липкие ладони в кулаки. Сердце билось с бешеной скоростью.

Дарклинг сидел в конце длинного стола и просматривал кипу бумаг, которая высилась около него. Когда мы вошли, он поднял взгляд – его кварцевые глаза засияли в свете ламп.

– Алина. Прошу, присаживайся, – парень указал на стул рядом с собой.

Я замешкалась. Он *не казался* злым. Иван исчез за дверью, предусмотрительно прикрыв ее за собой. Я с усилием сглотнула, заставила себя пересечь зал и занять место, предложенное Дарклингом.

– Как прошел первый день?

Я снова сглотнула.

– Нормально, – удалось мне прохрипеть.

– Правда? – он слегка улыбнулся. – Даже с Багрой? Она умеет быть слегка жутковатой.

– Самую малость, – выдавила я.

– Устала?

Я кивнула.

– Скучаешь по дому?

Пожала плечами. Было бы странно сказать, что я скучаю по казарме Первой армии.

– Немного.

– Со временем станет легче.

Я прикусила губу, надеясь, что он прав, так как не была уверена, сколько дней смогу выдержать, если они будут похожи на этот.

– Тебе будет сложнее, – продолжил Дарклинг. – Эфиреалы редко работают в одиночку: инферны всегда в паре, шквальные часто берут в партнеры проливных. Но ты – единственная в своем роде.

– Точно, – настороженно ответила я; у меня не было настроения выслушивать рулады о своей необыкновенности.

Он встал.

– Иди за мной.

Мое сердце снова гулко застучало.

Дарклинг вывел меня из военного зала и провел по коридору. Затем указал на узкую дверь.

– Держись правее и выйдешь прямиком к спальням. Я подумал, что ты хотела бы избежать главного зала.

Я уставилась на него.

– И это все? Ты просто хотел спросить, как прошел мой день? – выпалила я.

Он склонил голову набок.

– А чего ты ждала?

Я почувствовала такое облегчение, что не смогла сдержать тихой усмешки.

– Понятия не имею. Пыток? Допроса? Сурового разговора?

Дарклинг слегка нахмурился.

– Я не монстр, Алина. Несмотря на то что ты могла обо мне слышать.

– Я не это имела в виду, – поспешно исправилась я. – Просто... Я не знала, чего ждать.

– Кроме худшего?

– Старая привычка, – я знала, что на этом стоило остановиться, но не сдержалась. Может, я несправедлива, но и он – тоже. – Почему мне не стоит тебя бояться? Ты – Дарклинг. Не хочу сказать, что ты непременно кинешь меня в яму или сплaviшь в Цибею, но ты определенно мог бы. Ты умеешь разрезать людей пополам. Думаю, справедливо быть слегка напуганной.

Он изучал меня долгое мгновение, и я уже горячо пожалела, что открыла рот. Но затем на его лице вновь мелькнула полуулыбка.

– Твои слова не лишены смысла.

Мой страх потихоньку пошел на спад.

– Почему ты это делаешь? – внезапно спросил Дарклинг.

– Делаю что?

Он потянулся и дотронулся до моей руки. Я вновь ощутила это замечательное чувство уверенности.

– Потираешь ладонь большим пальцем.

– Ох, – я нервно рассмеялась; никогда не замечала за собой этого движения. – Еще одна старая привычка.

Он перевернул мою ладонь и начал рассматривать ее в тусклом свете коридорных светильников, водя пальцем по незаметному шраму, отчего меня пробила дрожь.

– Откуда он у тебя? – спросил Дарклинг.

– Я... из Керамзина.

– Ты там выросла?

– Да.

– Следопыт тоже сирота?

Я резко втянула воздух. Может, он и мысли читать умеет? Но затем вспомнила, что Мал давал показания в палатке гришей.

– Да.

– Он хорош?

– Что?

Мне было трудно сосредоточиться. Палец Дарклинга все еще двигался взад-вперед, обводя шрам на моей ладони.

– В слежке. Он хорош?

– Лучший, – честно ответила я. – Крепостные в Керамзине говорили, что он умеет отыскивать кроликов даже среди камней.

– Порой задумываюсь, насколько мы в действительности осознаем собственные способности, – проговорил он, после чего отпустил мою руку, открыл дверь и слегка поклонился. – Спокойной ночи, Алина.

– Спокойной ночи, – выдавила я.

Затем нырнула в проход, ведущий в узкий коридорчик. Через мгновение за мной послышался звук закрывающейся двери.

Глава 10

Следующим утром мое тело болело так сильно, что я едва смогла вылезти из кровати. Но я все же встала и снова пошла на экзекуции. И снова. И снова. Каждый день был хуже и унылее предыдущего, но я не останавливалась. Не могла. Я больше не топограф, и если мне не удастся стать гришом, что со мной будет?

Я вспомнила слова Дарклинга в ночь, когда мы сидели под обвалившимися балками сарая. «Ты – мой первый проблеск надежды за очень долгое время». Он верил, что я была заклинательницей Солнца. Верил, что я могу уничтожить Каньон. И если у меня получится – ни один солдат, ни один купец, ни один следопыт никогда вновь не станет переплывать Неморе. Но дни шли за днями, и эта идея казалась все более абсурдной.

Я проводила долгие часы в хижине Багры, осваивая дыхательные упражнения и замирая в неудобных позах, которые должны были помочь мне сосредоточиться. Она заваливала меня книгами, поила разными чаями и часто пинала своей тростью, но ничего не помогало.

– Ну что за девчонка! Мне что, разрезать тебя? – раздраженно кричала она. – Попросить inferнов испепелить тебя? Или предложить им закинуть тебя обратно в Каньон в качестве пищи для той мерзости?

Мои ежедневные неудачи с Багрой были сравнимы лишь с пытками, которым меня подвергал Боткин. Он заставлял меня бегать по всей территории дворца, по лесам, по холмам, пока мне не начинало казаться, что я вот-вот рухну на землю от слабости. Он отрабатывал со мной боевые приемы и учил правильно падать, пока все мое тело не покрылось синяками, а уши не начали болеть от его постоянного ворчания: слишком медленная, слишком слабая, слишком тощая!

– Боткин не может построить дом из таких маленьких веточек! – кричал он на меня, сжимая мою руку. – Съешь что-нибудь!

Но я не была голодна. Аппетит, появившийся после моей схватки со смертью в Каньоне, пропал, и я потеряла к еде всякий интерес. Спала я мало, несмотря на роскошную кровать, и чувствовала, будто мне едва хватает сил прожить день.

Чудеса, которые сотворила со мной Женья, рассеялись: щеки снова стали впалыми, под глазами появились синяки, волосы стали серыми и ломкими. Багра верила, что отсутствие аппетита и недосыпание связаны с моими неудачами во зывании к силе.

– Насколько сложнее ходить, когда у тебя связаны ноги? Или говорить с прижатой ко рту ладонью? – читала она мне лекции. – Почему ты тратишь все усилия на борьбу со своей истинной природой?

Но я не тратила. По крайней мере, я так думала. Уже ни в чем нельзя было быть уверенной. Всю свою жизнь я была хилой и слабой. Каждый день был похож на борьбу. Если Багра права, все это должно измениться, когда я наконец освою свой талант гриша. При условии, что это когда-нибудь случится. А пока... я застряла.

Я знала, что другие гриши шептались обо мне. Эфиреалы любили вместе практиковаться у озера, экспериментируя с новыми способами использовать ветер, воду и огонь. Я не могла позволить им разнюхать, что не способна призвать собственную силу, поэтому придумывала отговорки, дабы отвязаться от них и в конце концов меня перестали приглашать.

По вечерам они сидели в купольном зале, попивая чай или квас, и планировали экскурсии на выходные в Балакирёв или другие деревни поблизости Ос Альты. Но поскольку Дарклинг все еще был неспокоен из-за покушения на меня, я должна была оставаться во дворце. Я была рада этому оправданию: чем меньше времени я проведу с заклинателями, тем меньше риск, что мой секрет раскроют.

Дарклинга я видела редко, и то издалека, погруженного в разговор с Иваном или с военными советниками короля. Я узнала от остальных гришей, что он – несчастный гость в Малом дворце, и проводит большую часть времени в путешествиях между Каньоном и северной границей, или на юге, где шуханские диверсионные группы атаковали деревни до наступления зимы. Сотни гришей были рассеяны по Равке, и он был в ответе за них всех.

Он никогда не обращался ко мне и редко даже смотрел в мою сторону. Я была уверена, что это потому, что я не показывала улучшений и он знал, что как заклинательница Солнца я была безнадежна.

Когда я не страдала от рук Багры или Боткина, то сидела в библиотеке, проглядывая книги по теории гришей. Мне казалось, что я понимала основы их деяний. «*Наших деяний*», – поправила я себя. Все в мире можно разделить на одинаковые маленькие кусочки. То, что казалось волшебством, на самом деле было манипуляциями гришей над материей на самых низших уровнях. Мария не делала огонь из ничего. Она призывала горючие элементы в воздухе вокруг нас и нуждалась в кремне, чтобы сотворить искру, которая разожжет пламя. Сталь гришей была сотворена не магией, а талантом фабрикаторов, которые не нуждались в тепле или грубых инструментах, чтобы манипулировать металлом.

Но если я и понимала, что мы делали, то в способе исполнения сомневалась. Фундаментальным принципом Малой науки был постулат «подобное притягивает подобное», но дальше все было сложно. «Одинаковость» делала все подобным. «Этовость» делала все разным. Одинаковость была связью гриша с миром, но этовость давала им родство с чем-то вроде воздуха, крови или, в моем случае, со светом. Где-то на этом этапе моя голова начинала идти кругом. Одно мне бросилось в глаза: слово, которым философы описывали людей без дара гриша: «отказники» – «покинутые». Синоним к слову «сирота».

* * *

Как-то после обеда я проглядывала отрывок о помощи гришей в прокладывании торговых путей, когда почувствовала чье-то присутствие рядом. Подняла взгляд и съежилась в кресле. Надо мной нависал Апат, его бездонные черные глаза горели с подозрительным напряжением.

Я окинула взглядом библиотеку. Не считая нас, вокруг было пусто, и, несмотря на солнце, льющее через стеклянный свод, по моей коже побежали мурашки.

Он присел на стул рядом со мной, поправляя свою старую мантию, и на меня повеяло запахом влажной могилы. Я попыталась вдохнуть через рот.

– Наслаждаешься обучением, Алина Старкова?

– Очень, – соврала я.

– Я рад. Но, надеюсь, ты уделяешь своей душе столько же внимания, сколько и разуму. Я – духовный наставник всех людей за пределами этого дворца. Если ты почувствуешь беспокойство или тебя настигнет какое-нибудь несчастье – можешь, не мешкая, обратиться ко мне.

– Обращусь. Не сомневайтесь.

– Хорошо, хорошо, – он улыбнулся, сверкнув желтеющими зубами с почерневшими деснами, как у волка. – Я хочу, чтобы мы были друзьями. Это важно.

– Конечно.

– Ты меня очень порадуешь, если примешь этот скромный подарок, – сказал он, доставая из складок своей коричневой мантии небольшую книгу в красном кожаном переплете.

Как можно предлагать подарок и при этом звучать так пугающе? Я неохотно потянулась и взяла книгу из его длинной руки с выступающими голубыми венами. Название было тиснено золотом. «Истории святых».

– Истории святых?

Он кивнул.

– Было время, когда всем юным гришам вручали эту книгу при поступлении в школу Малого дворца.

– Спасибо, – ошарашенно поблагодарила я.

– Крестьяне любят своих святых. Они жаждут чудес. И тем не менее недолюбливают гришей. Как думаешь, почему так?

– Я не задумывалась об этом, – ответила я, открывая книгу. Кто-то написал мое имя с внутренней стороны обложки. Я перевернула пару страниц. «Святой Петр. Святой Илья в цепях. Святая Елизавета». Каждая глава начиналась с иллюстрации, искусно выведенной яркими чернилами.

– Может, это потому, что гриши не страдают так, как страдали святые или простые люди?

– Не исключено, – рассеянно ответила я.

– Но ты страдала, не так ли, Алина Старкова? И я считаю... да. Ты будешь еще больше страдать.

Я резко подняла голову. Казалось, что Апат мне угрожал, но его глаза были полны странного сострадания, которое пугало меня даже больше. Я опустила глаза к книге.

Мои пальцы замерли на иллюстрации гибели Святой Елизаветы, четвертованной на поле роз. Из ее крови образовался ручей, текущий через лепестки. Я резко закрыла книгу и поднялась на ноги.

– Мне пора идти.

Апат тоже встал, и на мгновение мне показалось, что он попытается меня остановить.

– Тебе не нравится мой подарок.

– Нет-нет. Он очень милый. Спасибо. Просто не хочу опаздывать, – пробормотала я. Затем прошмыгнула мимо него к дверям библиотеки и задержала дыхание, пока не оказалась в своей комнате. Кинула книгу Святых в нижний ящик комода и захлопнула его.

Что Апат хотел от меня? Подразумевали ли его слова угрозу? Или какое-то предупреждение? Я сделала глубокий вдох, и меня накрыла волна усталости и недоумения. Мне не хватало спокойного ритма картотеки, комфортной монотонности моей жизни в качестве картографа, когда от меня не ждали ничего большего, чем пары рисунков и чистоты за рабочим столом.

Я скучала по родному запаху чернил и бумаги. А больше всего – по Малу. Писала ему каждую неделю, спрашивая о нашем полке, но ответов не следовало. Я знала, что наша почтовая служба была ненадежной и что его военная часть могла передвинуться с Каньона в Западную Равку, но все равно надеялась получить весточку.

О его визите в Малый дворец пришлось забыть. Как бы я по нему ни скучала, мне не хотелось, чтобы он узнал, что я вписалась в свою новую жизнь так же «удачно», как в прошлую.

Каждый вечер, когда я поднималась по лестнице в комнату после очередного бесполезного дня, я представляла себе письма, которые могли бы ждать меня на туалетном столике, и ускоряла шаг. Но шли дни, а писем так и не было. Сегодняшний день ничем не отличался. Я провела рукой по пустой поверхности стола.

– Где ты, Мал? – прошептала я. Но отвечать было некому.

Глава 11

Стоило мне подумать, что хуже быть уже не может, как все стало хуже. Я сидела за завтраком в купольном зале, когда главные двери распахнулись и внутрь вошла группа незнакомых гришей. Сначала я не обратила на них особого внимания. Гриши, служившие у Дарклинга, постоянно то появлялись в Малом дворце, то исчезали, иногда приходя, чтобы оправиться от ран, полученных на Северном или Южном фронте, иногда – чтобы отдохнуть от других заданий.

Затем Надя ахнула.

– О нет, – простонала Мария.

Я подняла взгляд, и мой желудок сжался, когда я узнала черноволосую девушку, которая была так заинтересована Малом в Крибирске.

– Кто она? – прошептала я, наблюдая, как красotka приветствует гришей и ее громкий смех эхом отражается от золотого купола.

– Зоя, – пробормотала Мария. – Она была на год старше нас в школе, и она отвратительна.

– Считает себя лучше остальных, – добавила Надя.

Я приподняла брови. Если грехом Зои было высокомерие, то не Марии с Надей ее судить. Девушки вздохнули.

– Самое ужасное, что она, в каком-то смысле, права. Она невероятно сильная шквальная, отличный боец да и вообще, посмотри на нее!

Я глянула на серебряную обшивку на манжетах Зои, на идеальный блеск ее черных волос, на большие синие глаза, окаймленные невероятно темными ресницами. Она была почти так же прекрасна, как Женя. Я вспомнила о Мале и почувствовала укол чистой ревности. Но затем вдруг поняла, что Зоя была расквартирована в Каньоне. Если они с Малом... ну, она может знать, в порядке ли он.

Я отодвинула тарелку. Перспектива разговора с Зоей о Мале вызывала у меня легкую тошноту. Будто почувствовав мой взгляд, девушка отвернулась от болтливых корпоралов и направилась к столу заклинателей.

– Мария! Надя! Как поживаете?

Они встали, чтобы обнять ее, на их лицах застыли широкие искусственные улыбки.

– Прекрасно выглядишь, Зоя! Ты как? – выпалила Мария.

– Мы так скучали! – взвизгнула Надя.

– Я тоже скучала, – сказала Зоя. – До чего же хорошо вернуться в Малый дворец. Вы представить себе не можете, как нагружал меня Дарклинг! Но я рискую показаться невежливой. Не думаю, что знакома с вашей подругой.

– О! – воскликнула Мария. – Прости, пожалуйста. Это Алина Старкова. Заклинательница Солнца, – сказала она с гордостью в голосе.

Я неловко встала. Зоя заключила меня в объятия.

– Такая *честь* наконец познакомиться с заклинательницей Солнца! – громко заявила она. Но стоило ей обнять меня, как я услышала шепот: – От тебя воняет Керамзином.

Я застыла. Девушка отпустила меня, на ее идеальных губах играла улыбка.

– Увидимся позже, – помахала она. – Я безумно хочу принять ванную.

И она прошествовала через купольный зал к дверям, ведущим к спальням. Я стояла как громом пораженная, мои щеки горели. Казалось, все на меня пялятся, но остальные, судя по всему, не слышали, что сказала Зоя.

Ее слова преследовали меня всю оставшуюся часть дня, во время очередного неудачного занятия с Багрой и бесконечного обеда, за которым все слушали ее рассказы о путешествии в

Крибирск, о состоянии городов, граничащих с Каньоном, и о затейливых лубочных гравюрах, которые она видела в одной из крестьянских деревушек.

Может, это было мое воображение, но мне показалось, что каждый раз, когда Зоя произносила «крестьяне», то смотрела прямо на меня. Пока она говорила, свет играл на массивном серебряном браслете, сверкающем на ее запястье. Тот был усеян чем-то похожим на кусочки костей. «Усилитель», – догадалась я.

Ситуация переросла из плохой в ужасную, когда Зоя показала на нашем уроке боевых искусств. Боткин обнял ее, расцеловал в обе щеки и стал болтать с ней на шуханском. Оставалось ли хоть что-то, в чем эта девушка была не на высоте?

Она привела свою подругу с каштановыми кудрями, которую я помнила по палатке гришей. Они стали хихикать и шептаться, пока я пытала над упражнениями, с которых Боткин начинал каждое наше занятие.

Когда мы разделились для спарринга, я даже не удивилась, что он поставил мне в пару Зою.

– Не окажет ли наша звездочка, – он гордо улыбнулся, – помощь этой малышке?

– Заклинательница Солнца не нуждается в моей помощи, – сказала девушка с самовольной улыбкой.

Я настороженно следила за ней. Не знаю, почему она так возненавидела меня, но на сегодня с меня было достаточно. Мы встали в боевые стойки, и Боткин дал сигнал начинать. Мне удалось заблокировать первый удар Зои, но не второй. Он пришелся в челюсть, и моя голова откинулась назад. Я попыталась быстро оправиться. Зоя протанцевала вперед и нацелила удар мне по ребрам, но, видимо, тренировки Боткина были не совсем напрасными. Я уклонилась вправо, и ее кулак едва меня задел.

Она согнула руки в локтях и начала меня обходить. Краем глаза я заметила, что остальные заклинатели бросили спарринг и наблюдали за нами. Не стоило мне отвлекаться. Следующий удар Зои с силой влетел в мой живот. Пока я пыталась вдохнуть, она ткнула меня локтем. Мне удалось увернуться больше из удачи, нежели из-за своих навыков.

Девушка попыталась увеличить свое преимущество и бросилась вперед. Это было ее ошибкой. Я была слабой и медленной, но Боткин учил меня использовать силу оппонента. Я сделала шаг вбок, и стоило ей приблизиться, поддела ногой ее лодыжку. Зоя с размаху грохнулась на пол. Другие заклинатели начали аплодировать. Но, прежде чем у меня появился шанс отметить свою победу, Зоя села и с яростным выражением рубанула рукой по воздуху.

Я почувствовала, как отрываюсь от земли и плыву, а затем врезалась в деревянную стену тренировочного зала. Что-то хрустнуло, из меня вышел весь воздух, и я осела на пол.

– Зоя! – взревел Боткин. – Нельзя использовать силу. Не в этом зале. Никогда!

Я смутно осознала, что другие заклинатели собираются вокруг меня, а Боткин зовет целителя.

«Я в порядке», – хотелось мне сказать, но не хватало воздуха. Я валялась в грязи и тяжело дышала. Каждый раз, когда я пыталась сделать вдох, мою левую сторону пронзала боль. Прибежавшие слуги и подняли меня на носилки. Тут я потеряла сознание.

О дальнейшем мне рассказали Мария и Надя, когда пришли проводить меня в лазарете. Целитель замедлил мое сердцебиение, пока я не впала в глубокий сон, а затем позаботился о сломанном ребре и синяках, которые оставила на мне Зоя.

– Боткин был в ярости! – заявила Мария. – Никогда не видела его таким злым. Он вышвырнул Зою из зала. Я думала, он сам ее ударит!

– Иво сказал, что видел, как Иван вел ее в зал совета Дарклинга, и вышла она оттуда в слезах.

«Вот и хорошо», – довольно отметила я. Но затем вспомнила себя, лежащую комочком в грязи, и почувствовала обжигающую волну стыда.

– Зачем она это сделала? – спросила я, пытаюсь приподняться и сесть. Многие люди игнорировали меня или смотрели свысока. Но Зоя, похоже, испытывала ко мне искреннюю ненависть. Мария и Надя уставились на меня так, будто у меня травма головы, а не перелом ребра.

– Потому что она завидует! – сказала Надя.

– Мне? – недоверчиво спросила я.

Мария закатила глаза.

– Ей невыносима мысль о любимице Дарклинга.

Я рассмеялась, а затем скривилась от укола боли в боку.

– Едва ли я его любимица.

– Ну конечно, любимица! Зоя сильная, но она простая шквальная. А ты – заклинательница Солнца! – щеки девушки покраснели при этих словах, и я поняла, что действительно слышала нотки зависти в ее голосе. Вопрос, насколько глубокой она была? Мария и Надя говорили так, будто ненавидели Зою, но улыбались ей в лицо. *«Что они говорят обо мне, когда меня нет поблизости?»*

– Может, он лишит ее звания! – взвизгнула Мария.

– Или отправит в Цибею! – воскликнула Надя.

Из тени вышел целитель, шикнул на девушек и отправил их восвояси. Они пообещали навестить меня на следующий день. Должно быть, я снова заснула, поскольку, когда очнулась несколькими часами позже, в лазарете было темно и пугающе тихо, слышалось только тиканье часов. Остальные постели были свободны. Я села. У меня все еще болело тело, но было трудно поверить, что всего пару часов назад мне сломали ребро. Во рту пересохло, начинала болеть голова.

Я вытащила себя из постели и налила стакан воды из кувшина на тумбочке. Затем распахнула окно и глубоко вдохнула ночной воздух.

– Алина Старкова.

Я подпрыгнула и повернулась.

– Кто здесь? – выдохнула я.

Из длинных теней у двери вышел Апрат.

– Я напугал тебя?

– Немного, – призналась я. Как давно он там стоял? Неужели наблюдал за мной, пока я спала?

Мужчина бесшумно пересек комнату, его потрепанная мантия волочилась по полу палаты. Я невольно отступила.

– Меня очень расстроила новость о твоей травме. Дарклингу стоит лучше следить за своими подопечными.

– Я в порядке.

– Так ли это? – он осмотрел меня в лунном свете. – Выглядишь неважно, Алина Старкова. Нам необходимо, чтобы ты была в добром здравии.

– Просто немного устала.

Он подступил ближе. Повеяло его специфическим запахом, странным сочетанием ладана и плесени, а также сырой земли. Мне вспомнилось кладбище в Керамзине, кривоватые надгробия, крестьянские женщины, сгорбившиеся над свежими могилами.

Внезапно я остро осознала пустынность лазарета. Был ли целитель-корпориа́л все еще поблизости? Или он пошел искать кружку кваса и теплый кров?

– Ты знала, что в некоторых приграничных деревушках тебе выстраивают алтари? – проормотал Апрат.

– Что?!

– О да. Люди изнемогают без надежды, но благодаря тебе у иконописцев процветает бизнес.

– Я не святая!

– Это дар, Алина Старкова. Благословение, – он сделал еще один шаг в мою сторону. Я могла разглядеть темные спутанные волоски его бороды, желтые и кривые зубы. – С каждым днем ты становишься все опаснее.

– Я? Для кого?!

– Есть кое-что посильнее любой армии. Достаточно сильное, чтобы свергнуть короля и даже Дарклинга. Знаешь, что это? – я покачала головой, пятась от него. – Вера.

Он потянулся за мной. Я нащупала тумбочку и сбила стакан воды на пол. Тот разбился. По коридору послышался топот приближающихся шагов. Апарат отступил, растворяясь в тени. Дверь отворилась, и вбежал целитель, его красный кафтан развевался позади.

– Ты в порядке?

Я открыла рот, не зная, что сказать. Но Апарат уже бесшумно выскользнул за дверь.

– Я... простите. Я разбила стакан.

Целитель позвал слугу, чтобы тот прибрался. Затем уложил меня в кровать и предложил отдохнуть. Но стоило ему уйти, как я села и зажгла лампу у кровати. Мои руки тряслись. Я хотела отмахнуться от бредовой болтовни Апарта, но не могла. Неужели люди и вправду молились заклинательнице Солнца, ожидая, что я спасу их?

Вспомнились слова Дарклинга под дырявой крышей сарая. «Эпоха гришей подходит к концу». Я подумала о волькрах, жизнях, утерянных в Тенистом Каньоне. «Разделенная Равка не переживет новую эпоху». Я подводила не только Дарклинга, Багру или себя. Я подводила всю страну.

* * *

Когда Женя зашла ко мне следующим утром, я рассказала ей о визите Апарта, но ее, похоже, не обеспокоили его слова или странное поведение.

– Он страшноват, – признала она. – Но безобиден.

– Сомневаюсь. Видела бы ты его! Он будто совсем свихнулся.

– Он простой священник.

– Зачем он вообще сюда приходил?

Женя пожала плечами.

– Может, король попросил его помолиться за тебя.

– Больше я здесь не останусь. Хочу спать в своей комнате. С запертой дверью.

Женя принялась и осмотрела пустую палату.

– Ну, с этим, по крайней мере, я могу согласиться. Я бы тоже не захотела здесь оставаться, – затем она присмотрелась ко мне. – Ты ужасно выглядишь, – констатировала девушка с присущей ей тактичностью. – Почему бы тебе не дать мне немного поправить твое лицо?

– Нет.

– Ну хотя бы убрать мешки под глазами?

– Нет! – упрямо стояла я на своем. – Но ты можешь сделать мне одолжение.

– Принести косметичку? – нетерпеливо поинтересовалась она.

Я нахмурилась.

– Не такое одолжение. Моего друга ранили в Каньоне. Я... я писала ему, но не уверена, что до него дошли мои письма, – я почувствовала, как краснеют щеки, и поспешила продолжить: – Ты не могла бы узнать, в порядке ли он, и куда его перенаправили? Мне больше некого просить, а поскольку ты всегда в Большом дворце, я подумала, что ты могла бы помочь.

– Конечно, но... ты просматривала список пострадавших?

Я кивнула, в горле образовался комок. Женя ушла за бумагой с пером, чтобы я записала все необходимые сведения о Мале. Вздохнув, я потеряла глаза – не знала, какой вывод делать

из его молчания. Каждую неделю я проверяла список пострадавших, мое сердце колотилось, а живот сводило от страха, что найду там его имя. И каждую неделю я благодарила всех святых, что Мал жив и цел, даже если он не считал нужным мне написать. Что было на самом деле? Мое сердце больно сжалось в груди. Может, Мал радовался, что я исчезла, что он освободился от нашей дружбы и обязательств. *«Или он лежит где-то в госпитале, а ты ведешь себя, как маленькая соплячка»*, – упрекала порой я себя.

Женя вернулась, и я записала его имя, полк и номер подразделения. Она сложила бумагу и спрятала ее в рукав кафтана.

– Спасибо, – хрипло поблагодарила я.

– Уверена, он в порядке, – она слегка сжала мою руку. – Теперь ложись, чтобы я могла убрать твои темные круги под глазами.

– Женя!

– Ложись или забудь о своей маленькой просьбе.

У меня открылся рот.

– Ты отвратительна!

– Я удивительна!

Окинув девушку сердитым взглядом и плюхнувшись на подушку, я, наконец, сдалась. После ее ухода я приняла меры, чтобы вернуться в свою опочивальню. Целитель был недоволен, но я настаивала. У меня уже почти не ломило тело, и я ни за что не согласилась бы провести еще одну ночь в этой палате. Вернувшись в свою комнату, я приняла ванну и попыталась прочесть одну из книг по теории. Но сосредоточиться не удавалось.

Я боялась возвращаться на занятия, боялась очередного провального урока с Багрой. Слухи обо мне поутихли, люди уже так не пялились, как когда я только приехала во дворец. Но я не сомневалась, что драка с Зоей снова эти слухи возродит.

Встав и потянувшись, я мельком увидела свое отражение в зеркале над туалетным столиком, поэтому пересекла комнату и уже более тщательно осмотрела свое лицо. Синяки под глазами исчезли, но я знала, что они вернутся через пару дней. Да и мало что они меняли. Я выглядела как обычно: усталой, тощей, больной. Совсем не как настоящие гриши. Сила была где-то внутри меня, но я не могла достать ее и не знала, почему так происходит. Почему я другая? Почему нужно так много времени, чтобы моя сила проявила себя? И почему я не могу самостоятельно вызывать к ней?

В отражении я видела плотные золотые занавески на окнах, искусно разрисованные стены, огонь очага, пускающий блики на плитки. Зоя ужасна, но при этом она права. Я не была частью этого прекрасного мира и если не найду способ использовать свою силу, то никогда и не стану.

Глава 12

Следующее утро выдалось не таким плохим, как я ожидала. Зоя уже была в купольном зале, когда я вошла. Она сидела в одиночестве в конце стола заклинателей и молча завтракала. Девушка не подняла головы, когда Мария и Надя поздоровались со мной, а я, в свою очередь, изо всех сил старалась игнорировать ее.

Я смаковала каждый шаг по пути к озеру. Солнце было ярким, воздух приятно охлаждал щеки, и я совсем не торопилась в душную хижину Багры, в которой даже окон не было. Но когда я взбиралась по ступенькам к ее двери, то услышала разговор, ведущийся на повышенных тонах.

Я замешкала, но затем тихо постучала. Голоса резко оборвались, выждав мгновение, я открыла дверь и заглянула внутрь. Дарклинг стоял около печи Багры, его лицо излучало ярость.

– Простите, – сказала я и попятилась. Но женщина просто рявкнула:

– Зайди, девчонка. Не выпускай тепло.

Когда я прикрыла дверь, Дарклинг коротко поклонился.

– Как поживаешь, Алина?

– Хорошо, – удалось выдавить мне.

– Хорошо ей! – проревела Багра. – Ей хорошо! Она и коридор осветить не может, но у нее все хорошо!

Я скривилась и пожалела, что не могла уменьшиться и спрятаться в своих ботинках. К моему удивлению, Дарклинг сказал:

– Оставь ее в покое.

Женщина прищурилась.

– Тебе бы этого хотелось, не так ли?

Он вздохнул и раздраженно пробежал рукой по темным волосам. Когда парень вновь на меня посмотрел, на его губах обозначилась печальная улыбка, а волосы растрепались.

– У Багры свои взгляды на решение проблем.

– Не говори обо мне свысока, мальчишка! – ее голос был, как удар хлыста.

Как ни забавно, но я заметила, как Дарклинг выпрямился, а затем нахмурился, будто опомнившись.

– Не брани меня, старуха, – сказал он низким, угрожающим голосом. Гневная энергия затрещала по комнате. Во что я влезла?

Я подумывала выскользнуть за дверь и оставить их заканчивать прерванный спор, когда снова раздался голос Багры:

– Мальчишка подумывает достать тебе усилитель. Что скажешь, девочка?

Было так странно слышать, как Дарклинга называют «мальчишкой», что у меня ушло несколько секунд, чтобы осознать, кого она имела в виду. Но затем меня охватило облегчение и чувство надежды. Усилитель! Почему я не подумала об этом раньше? Почему *они* не подумали об этом раньше?

Багра и Дарклинг могли помочь мне воззвать к силе, потому что были живыми усилителями. Так почему бы не достать мне собственный усилитель, как медвежьи когти Ивана или тюлений зуб, который я видела на шее Марии?

– Это гениально! – вскрикнула я громче, чем намеревалась.

Багра издала звук отвращения. Дарклинг резко на нее посмотрел, но затем повернулся ко мне.

– Алина, ты когда-нибудь слышала о стаде Морозова?

– Ну конечно, слышала. А также о единорогах и шуханских драконах, – перебила Багра с издевкой.

На его лице мелькнуло сердитое выражение, но затем он взял себя в руки.

– Алина, можно с тобой поговорить? – вежливо поинтересовался он.

– К-конечно, – запнулась я.

Багра снова фыркнула, но Дарклинг проигнорировал ее и, ухватив меня под локоть, вывел из хижины и плотно закрыл за собой дверь.

Когда мы немного отошли от тропинки, он тяжело вздохнул и снова пробежал рукой по волосам.

– Ох уж эта женщина, – пробормотал он.

Было трудно не рассмеяться.

– Что? – настороженно поинтересовался он.

– Просто никогда не видела тебя в таком... смятении.

– Багра умеет производить впечатление.

– Она и твоим учителем была?

Его лицо помрачнело.

– Да. Так что ты знаешь о стаде Морозова?

Я закусила губу.

– Только... ну...

Он вздохнул.

– Детские сказки?

Я виновато пожала плечами.

– Все нормально. Что ты помнишь из этих сказок?

Я вернулась в детство, припоминая голос Аны Куи, эхом разносившийся вечером в общей спальне.

– Это стадо белых оленей, волшебных существ, которые являются лишь в сумерках.

– Они не более волшебны, чем мы. Но эти существа древние и очень могущественные.

– Они существуют? – недоверчиво спросила я и не стала упоминать, что в последнее время не чувствовала себя ни волшебной, ни могущественной.

– Я думаю, что да.

– Но Багра – нет.

– Она часто находит мои идеи глупыми. Что еще ты помнишь?

– Ну-у, – протянула я со смешком. – По рассказам Аны Куи, они могли говорить, и если охотник ловил их и щадил, они исполняли желания.

Тут он рассмеялся. Я впервые услышала его смех: милый, раскатистый звук.

– Эта часть определенно неправда.

– А остальное?

– Короли и Дарклинги столетиями искали стадо Морозова. Мои охотники заявляют, что видели их следы, но не самих животных.

– И ты им веришь?

Его аспидные глаза излучали спокойствие и уверенность.

– Мои люди не лгут.

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Зная, на что был способен Дарклинг, я бы тоже не захотела ему врать.

– Хорошо, – встревоженно ответила я.

– Если поймать оленя Морозова, из его рогов можно сделать усилитель, – он протянул руку и дотронулся до моей ключицы – даже этого легкого прикосновения было достаточно, чтобы послать по моему телу разряд уверенности.

– Ожерелье? – спросила я, пытаясь представить украшение и все еще чувствуя пальцы Дарклинга у основания шеи. Парень кивнул.

– Самый могущественный усилитель в мире.

У меня отвисла челюсть.

– И ты хочешь дать его мне?

Дарклинг снова кивнул.

– Разве не легче достать мне коготь, клык или, даже не знаю, да что угодно?

Он покачал головой.

– Если и есть надежда уничтожить Каньон, то нам понадобится мощь оленя.

– Но, может, если бы мне было с чем попрактиковаться...

– Ты же знаешь, твоя сила работает иначе.

– Да?

Он нахмурился.

– Ты разве не читала теорию?

Я многозначительно посмотрела на Дарклинга и ответила:

– Там много теории.

Он удивил меня, улыбнувшись.

– Постоянно забываю, что для тебя это все в новинку.

– Ну а мне трудно об этом забыть, – буркнула я.

– Все так плохо?

К своему стыду я почувствовала комок в горле.

– Наверное, Багра рассказывала тебе, что я даже луч не могу призвать самостоятельно.

– Все мое время, Алина. Я не волнуюсь.

– Не волнуешься?

– Нет. А даже если и да, стоит нам схватить оленя, как все это не будет иметь значения.

Я почувствовала раздражение. Если усилитель мог сделать из меня настоящего гриша, то я не хотела ждать какого-то мифического рога. Я хотела настоящий усилитель. Прямо сейчас.

– Если за все это время никому не удалось найти стадо Морозова, то с чего ты взял, что сможешь найти его теперь?

– Потому что этому суждено случиться. Олень предназначен для тебя, Алина. Я чувствую, – Дарклинг посмотрел на меня. Его волосы были в беспорядке, и в свете утреннего солнца он выглядел более красивым и человечным, чем когда-либо. – Я прошу тебя довериться мне.

Что я должна была ответить? Не то чтобы у меня был выбор. Если Дарклинг хотел, чтобы я была терпеливой, то я должна быть терпеливой.

– Хорошо, – ответила я наконец. – Но поспеши.

Он снова рассмеялся, и я почувствовала, как довольный румянец прокрадывается на мои щеки. Затем его лицо стало серьезным.

– Я долго ждал тебя, Алина. Мы с тобой изменим мир.

Я нервно хохотнула.

– Не уверена, что готова менять мир.

– Просто подожди, – тихо продолжил он и посмотрел на меня своими серо-кварцевыми глазами, так что мое сердце слабо екнуло. Я думала, он еще что-то скажет, но Дарклинг резко отступил, и на его лице проступило встревоженное выражение.

– Удачи на занятиях.

Он коротко поклонился, повернулся на каблуках и начал было спуск по тропинке к берегу озера, но тут обернулся.

– Алина, насчет оленя...

– Да?

– Пожалуйста, оставь эту информацию при себе. Большинство считают это лишь детскими сказками, а я ненавижу выглядеть дураком в чужих глазах.

– Я никому не скажу, – пообещала я.

Он снова кивнул и удалился, а я смотрела ему вслед и чувствовала легкое головокружение, сама не знаю почему. Когда же я подняла голову, Багра стояла на пороге своей хижины и наблюдала за мной. По какой-то причине я покраснела.

– Пф-ф, – фыркнула она, а затем тоже повернулась ко мне спиной.

* * *

После разговора с Дарклингом я впервые воспользовалась возможностью заглянуть в библиотеку. Ни в одной из моих книг по теории ничего не говорилось об олене, но я все же нашла одно упоминание об Илье Морозове – одном из первых и самых могущественных гришей. Там также было много информации об усилителях. В книге четко было сказано, что у гриша за жизнь мог быть только один усилитель, и как только он становится его счастливым обладателем – другого уже выбрать нельзя.

«Не только гриши становятся хозяином усилителя, но и усилитель – хозяином гриша. Стоит заявить на него свои права, как пути обратно нет. Подобное притягивает подобное, и узлы скреплены».

Причина этому была не до конца ясна, но, похоже, это имело какое-то отношение к ограничениям сил гришей. *«Лошадь славится скоростью. Медведь – силой. Птица – крыльями. Ни одно существо не может обладать всеми дарами одновременно, так мир поддерживает баланс. Усилители – часть этого баланса, а не средство его подрыва. Всем гришам стоит это хорошо запомнить и не рисковать».*

Еще один философ написал: *«Почему гриши могут обладать лишь одним усилителем? Вместо ответа я задам вам вопрос: что в жизни бесконечно? Вселенная да человеческая жадность».*

Сидя под стеклянным сводом библиотеки, я подумала о Черном Еретике. Дарклинг сказал, что Тенистый Каньон был результатом жадности его предка. Это ли имел в виду философ, говоря о риске?

Впервые мне пришла в голову мысль, что Каньон – единственное место, где Дарклинг беспомощен, где его сила ничего не значит. Из-за амбиций Черного Еретика страдали его потомки. И все же я не могла отделаться от впечатления, что это Равка расплачивалась кровью за те деяния.

* * *

Осень перешла в зиму, и холодные ветра оголили ветки дворцовых садов. Наш стол все еще в изобилии был заставлен свежими фруктами и цветами, выращенными в теплицах гришей, где они могли подстраивать погоду под себя. Но даже сочные сливы и темный виноград не улучшили мой аппетит.

Почему-то я думала, что разговор с Дарклингом поможет что-то изменить во мне. Тогда, стоя у берега озера, я почти поверила ему. Но ничего не изменилось. Я все еще не могла призвать свет без помощи Багры. Все еще не была настоящим гришем.

В то же время я уже не так убивалась по этому поводу. Дарклинг просил довериться ему, и если он считал, что олень поможет, то мне оставалось только надеяться на его правоту. Я продолжала избегать тренировок с остальными заклинателями, но позволила Марии и Наде пару раз затянуть меня в баню и на балет в Большом дворце. И даже разрешила Жене прижать румянец моим щекам. Мое новое отношение взбесило Багру:

– Ты даже пытаться перестала! – кричала она. – Ждешь, что какой-то волшебный олень спасет тебя? Надеешься на симпатичное ожерелье? С тем же успехом можешь ждать, когда единорог положит голову тебе на колени, глупое создание!

Я просто пожимала плечами. Женщина была права. Я устала от безуспешных стараний. Я не такая, как другие гриши, пришло время с этим смириться. Кроме того, моя мятежная сторона наслаждалась ее раздраженным брюзжанием.

Не знаю, какое Зоя получила наказание, но она продолжала меня игнорировать. Ей было запрещено появляться в тренировочном зале, и, как я слышала, после зимнего праздника девушка вернется в Крибирск. Периодически я ловила ее злобные взгляды или видела, как она хихикала, прикрыв рот ладонью, со своей маленькой группкой друзей-заклинателей, но старалась не принимать это на свой счет.

И все же я не могла избавиться от чувства собственного провала. Когда выпал первый снег, я проснулась и обнаружила новый кафтан на двери. Он был сделан из темно-синего шерстяного полотна, с капюшоном, отделанным густым золотистым мехом. Конечно, я надела его, но было сложно не чувствовать себя обманщицей.

Поелизив вилкой по тарелке с завтраком, я отправилась по уже родной тропинке к хижине Багры. Гравийные дорожки, очищенные от снега силой инфернов, мерцали под слабым зимним солнцем. Я почти дошла до озера, когда меня нагнала служанка. Она вручила мне сложенный листок бумаги и присела в реверансе, прежде чем поспешить обратно. Я узнала почерк Жени.

Подразделение Мальена Оретцева было размещено на заставе Черноты в северной Цибее шесть недель тому назад. В списке значится, что он здоров. Можешь отправить письмо его полку.

Послы из Керчи заваливают королеву подарками. Устрицами и куликами, упакованными в сухой лед (мерзость), и миндальными конфетами! Вечером принесу. Ж.

Мал был в Цибее. В безопасности, живой, далеко от битв. Скорее всего, в этот момент он принимал участие в охоте на зимних играх. Я должна радоваться. «Можешь отправить письмо его полку». Я *месяцами* отправляла письма его полку! Мне вспомнилось последнее: «*Дорогой Мал, – писала я. – Что-то я давненько не слышала от тебя вестей. Предполагаю, что ты женился на волькре и теперь весело поживаешь в Тенистом Каньоне, где нет ни света, ни бумаги, чтобы написать мне. Или, что вероятней, твоя новая невеста откусила тебе руки*».

В письме я описала Боткина, сопящую собаку королевы и любопытное увлечение гришей крестьянскими обычаями. Повела о красавице Жене и о павильонах у озера, а также о шикарном стеклянном своде в библиотеке. Рассказала о загадочной Багре, орхидеях в теплице и птицах, нарисованных над моей кроватью. Но не упомянула об олене Морозова или о том, что из меня вышел ужасный гриш, и что я все еще скучаю по нему каждый день. Когда я закончила, то замешкала и быстро нацарапала внизу: «*Не знаю, пришли ли тебе остальные письма. Это место прекраснее, чем я могу описать, но я бы все отдала, чтобы провести день с тобой, бросая камешки в Тривский пруд. Пожалуйста, ответь*».

Но ему дошли все мои письма. Что он с ними делал? Хватило ли ему заботы их прочесть? Вздыхал ли он от стыда, когда пришло пятое, шестое, седьмое? Я скривилась. Пожалуйста, напиши, Мал. Пожалуйста, не забывай меня, Мал.

«*Жалкое зрелище*», – подумала я, смахивая слезы злости. Затем посмотрела на озеро – оно подмерзло. Подумала о ручье, бегущем через поместье князя Керамзова. Каждую зиму мы ждали, когда он заледенеет, чтобы покататься.

Я смяла Женину записку в кулаке. Мне больше не хотелось думать о Мале. Жаль, нельзя стереть из памяти все воспоминания о приюте. Больше всего мне хотелось вернуться в комнату и хорошенько выплакаться. Но я не могла. Мне нужно провести очередное бессмысленно-жалкое утро с Багрой.

Я тянула время, спускаясь по тропинке к озеру, затем протопала вверх по ступенькам хижины и постучала в дверь. Как обычно, женщина сидела у огня, грея свое костлявое тело. Я рухнула на стул напротив нее и стала ждать. Багра коротко рассмеялась.

– Сегодня ты злишься, девочка? Что же тебя так рассердило? Тошнит от ожиданий своего волшебного белого оленя?

Я скрестила руки на груди и ничего не ответила.

– Ну, говори же, девочка.

В любой другой день я бы солгала, сказав, что со мной все нормально, просто устала. Но, видимо, у меня наступил переломный момент, поскольку я рявкнула на нее:

– Надоело мне все это! Надоело есть рожь и селедку на завтрак. Надоело носить этот дурацкий кафтан. Надоело служить Боткину грушей для избиений, надоели вы!

Я думала, она рассвирепеет, но вместо этого женщина просто посмотрела на меня. Со склоненной вбок головой и сверкающими в свете огня черными глазами она выглядела, как очень злобный воробушек.

– Нет, – медленно произнесла она. – Нет. Дело не в этом. Что-то другое. Что? Бедная маленькая девочка скучает по дому?

Я фыркнула: – По чему там скучать?

– Ты мне скажи. Что такого плохого в твоей жизни здесь? Новая одежда, мягкая постель, горячая еда три раза в день, шанс быть зверушкой Дарклинга.

– Я не его зверушка.

– Но хочешь ей быть, – издевалась она. – Не утруждайся врать мне. Ты не отличаешься от других. Я видела, как ты на него смотрела, – мои щеки загорелись, и я подумала о том, чтобы стукнуть Багру по голове ее же палкой. – Тысячи девушек продали бы собственных матерей, чтобы оказаться на твоём месте, но вы только гляньте на нее – жалкую, ноющую, как дитя. Так скажи же мне, девочка, о чем или ком тоскует твое маленькое сердечко?

Конечно, она была права. Я хорошо понимала, что соскучилась по лучшему другу. Но не собиралась в этом признаваться.

Я встала, с грохотом отодвигая стул.

– Это пустая трата времени.

– Разве? Чем еще тебе заниматься? Рисовать карты? Готовить чернила для какого-нибудь старого картографа?

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть картографом.

– Конечно, нет. И в том, чтобы быть ящерицей, тоже. Только не в том случае, если ты рождена ястребом.

– С меня довольно, – прорычала я и повернулась к ней спиной.

Я была готова разрыдаться, но отказывалась плакать в присутствии этой злобной старухи.

– Куда собралась? – крикнула она с издевкой в голосе. – Что тебя там ждет?

– Ничего! – прокричала я. – Никто!

Стоило это сказать, как правдивость слов осенила меня с такой силой, что аж дыхание перехватило. Я схватилась за ручку двери, чувствуя внезапное головокружение. В этот момент на меня нахлынуло воспоминание об экзаменаторах-гришах.

Я в гостиной Керамзина. В камине пылает огонь. Грузный мужчина в синем кафтане держит меня на расстоянии от Мала. Я чувствую, как пальцы друга выskalзывают, когда руку мальчика выдирают из моей. Юноша в фиолетовом кафтане поднимает Мала и тащит его в библиотеку, захлопывая за собой дверь. Я бьюсь и пинаюсь. Слышу, как Мал зовет меня. Но меня держит второй мужчина. Женщина в красном хватает меня за запястье. Я чувствую неожиданный поток искренней уверенности. Перестану бороться. Во мне раздаётся зов. Что-то внутри поднимается в ответ. Не могу дышать. Кажется, будто я отталкиваюсь от дна озера, до поверхности остается пара сантиметров, мои легкие требуют воздуха. Женщина внимательно наблюдает за мной, прищурив глаза. Я слышу голос Мала сквозь дверь библиотеки: «Алина, Алина!». Тут я и понимаю. Понимаю, что мы с ним разные. Ужасно, необратимо разные. «Алина, Алина!» Я делаю выбор. Стальной хваткой цепляюсь за это

нечто внутри меня и опускаю его обратно. «Мал!» – кричу я и снова начинаю брыкаться. Женищина в красном пытается держать мое запястье, но я извиваюсь и воплю, пока она не отпускает.

Я прислонилась к двери хижины Багры, дрожа. Женщина в красном была усилителем. Вот почему зов Дарклинга показался мне знакомым. Каким-то образом мне удалось оказать ей сопротивление. Наконец я поняла.

До знакомства с Малом Керамзин был домом ужасов и долгих ночей, проводимых за рыданием в темноте. Старшие дети игнорировали меня, комнаты были холодными и пустыми. Но затем привезли его и все изменилось. Мрачные коридоры стали местом для таких игр, как прятки. Безлюдный лес стал пространством для исследований. Керамзин превратился в наш дворец, наше королевство, и я больше не боялась. Экзаменаторы забрали бы меня оттуда. Забрали от Мала, а тот был единственным счастьем в моем мире.

Поэтому я сделала выбор. Я подавила свою силу и держала ее внутри каждый день, со всей своей энергией и волей, даже сама того не понимая. Я использовала каждую частицу себя, чтобы сохранить этот секрет. Помню, как стояла у окна с Малом, наблюдая за отъезжающей тройкой лошадей с гришами, какой усталой себя чувствовала. Следующим утром я проснулась с темными кругами под глазами. С тех пор они со мной и оставались.

«А теперь?» – спросила я себя, прижимаясь лбом к прохладному дереву, все тело била дрожь. Теперь Мал меня бросил. Единственный человек в мире, который знал меня настоящей, решил, что я не стоила усилий или даже пары строчек.

Но я все равно держалась. Несмотря на роскошь Малого дворца, несмотря на новообретенные силы, несмотря на его молчание, я держалась. Багра была права. Мне казалось, что я прилагаю все усилия, но в глубине души знала, что часть меня просто хотела вернуться домой к Малу. Часть меня надеялась, что все это было ошибкой, что Дарклинг осознает свой промах и пошлет меня обратно в полк, что Мал поймет, как ему меня не хватало, что мы останемся вместе и постареем на нашем лугу.

Но парень двинулся дальше, а я все еще стояла, окаменевшая от страха, перед тремя загадочными фигурами, крепко держась за его руку. Настало время отпустить. В тот день в Тенистом Каньоне Мал спас мне жизнь, а я спасла его. Может, этому было суждено стать нашим концом. Мысль наполнила меня грустью, скорбью по разделенным с ним мечтам, по моей любви, по полной надежд девочке, которой я уже никогда не стану.

Эта грусть прокатилась по мне волной, развязывая узел внутри, о существовании которого я даже не подозревала. Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы катятся по щекам, и потянулась к своей силе, скрывавшейся слишком долго.

«Прости, – прошептала я ей. – Прости, что так долго держала тебя в темноте. Прости, но теперь я готова».

Свет откликнулся на мой зов. Я почувствовала, как он спешил ко мне со всех сторон, скользя над озерами, несясь мимо золотых куполов Малого дворца, просачиваясь под дверь и сквозь стены хижины. Я чувствовала его повсюду. Затем разжала ладони и свет засиял прямо из меня, наполняя комнату, освещая каменные стены, старую печку и каждую морщину на лице Багры. Он окружил меня, пылая жаром, более мощный и чистый, чем когда-либо раньше, потому что был весь мой. Я хотела смеяться, петь, кричать! Наконец-то у меня появилось то, что целиком и полностью принадлежало мне.

– Хорошо, – сказала Багра, шурясь от света. – А теперь за работу.

Глава 13

В тот же день я присоединилась к остальным эфиреалам у озера и впервые воззвала к силам вместе с ними. Послала пелену света над водой, позволяя ей накрыть волны, которые призвал Иво. Я пока не обладала тем же контролем, что и остальные, но справилась неплохо. На самом деле было даже легко.

Внезапно многое показалось очень легким. Я не устала за день и не чувствовала себя измотанной после подъема по лестнице. Каждую ночь спала крепко, без сновидений, а просыпалась с новыми силами. Еда стала для меня открытием: каша с сахаром и сливками, жаренные в масле скаты, спелые сливы и тепличные персики, освежающий и горьковатый вкус кваса. Впечатление, будто то мгновение в хижине Багры было моим первым полным вдохом и я очнулась в новой жизни.

Поскольку остальные гриши были не в курсе моих проблем с вызыванием к силе, все они были немного озадачены изменениями во мне. Я никак это не комментировала, а Женья просветила меня о самых забавных слухах:

– Мария и Иво рассуждали, не заразили ли тебя фьерданцы какой-нибудь болезнью.

– Я думала, гриши не болеют.

– Именно! Оттого эти слухи такие и зловещие. Но, судя по всему, Дарклинг исцелил тебя своей кровью и экстрактом из алмазов.

– Это отвратительно! – залилась смехом я.

– Это еще что! Зоя вообще пыталась всех уверить, что ты одержима.

Я засмеялась еще громче. Уроки с Багрой не стали легче и удовольствия так и не принесли. Но я радовалась любой возможности использовать силу и чувствовала, что прогресс был.

Поначалу я боялась взывать к свету, потому что тот мог не явиться, и тогда я вернусь к тому, с чего начала.

– Это часть тебя! – рявкнула Багра. – Это не животное, убегающее при твоём приближении или выбирающее, стоит ли откликаться на твой зов. Ты просишь свое сердце биться, легкие – дышать? Твоя сила служит тебе потому, что это ее предназначение, *она не может иначе*.

Иногда мне виделась некая тень на словах Багры, будто она придавала им двойное значение. Но ее задания были до того сложными, что у меня не оставалось сил решать шарады старой гримзы. Она меня не жалела, заставляя развивать самоконтроль и диапазон силы. Научила, как ее сосредотачивать и создавать короткие вспышки света, пронизывающие лучи, обжигающие жаром, и долго поддерживаемые каскады. Принуждала взывать к свету снова и снова, пока я вовсе не перестала прилагать усилия, чтобы добиться эффекта.

Старуха заставила меня приходить на ночные занятия, чтобы я была лишена источников света. Когда я наконец с гордостью призвала слабенький луч, она стукнула своей тростью об землю и закричала:

– Этого недостаточно!

– Я стараюсь изо всех сил, – недовольно буркнула я.

– Тьфу! – сплюнула она. – Думаешь, миру не все равно, если ты стараешься? Повтори и сделай все правильно!

Настоящим сюрпризом стали занятия с Боткином. Будучи маленькой девочкой, я бегала и играла с Малом в лесу и в поле, но никогда не могла его догнать. Всегда была слишком болезненной и хилой, слишком легко выматывалась. Теперь же я впервые в жизни регулярно ела и высыпалась, и все изменилось.

Боткин отправлял меня на суровую боевую подготовку и бесконечные пробежки по окрестностям дворца, но некоторыми испытаниями я даже наслаждалась. Мне нравилось узна-

вать, на что способно это новое сильное тело. Я сомневалась, что когда-либо смогу надрать задницу старому наемнику, но фабрикатеры помогли мне сравнять счет.

Они изготовили пару кожаных перчаток без пальцев и оснастили их маленькими зеркалами – загадочными стеклянными дисками, которые показывал мне Давид в первый день в мастерской. Взмах руки – и зеркальце уже у меня между пальцев. С разрешения Боткина я тренировалась отражать свет в глаза оппонента и работала с ними, пока те не стали дополнением моих рук, продолжением пальцев.

Боткин оставался таким же ворчливым и критичным и пользовался каждой возможностью, чтобы упрекнуть меня в бесполезности, но периодически я замечала намек на одобрение на его обветренном лице. В конце зимы, после очередного долгого занятия, на котором мне даже удалось нанести удар по его ребрам (и получить «благодарность» в качестве сильного удара в челюсть), он отвел меня в сторону.

– Вот, – мужчина вручил мне тяжелый стальной нож в ножнах из кожи. – Всегда носи с собой.

Я с удивлением отметила, что нож был необычным, клинок был сделан из стали гришей.

– Спасибо, – удалось выдавить мне.

– Не стоит, – он ткнул на жуткий шрам на своем горле. – Сталь нужно заслужить.

Зима для меня теперь проходила иначе, чем когда-либо раньше. В солнечные дни я каталась на коньках по озеру или на санках по дворцовой территории с другими заклинателями. Вьюжные вечера мы проводили в купольном зале, собравшись вокруг изразцовых печек с квасом в руках, и нагуливали жирок, поедая сладости.

День Святого Николая мы отпраздновали с огромными мисками супа с клецками и кутьей с медом и маком. Некоторые гриши покинули дворец, чтобы покататься на санях и собачьих упряжках по укрытым снегом загородным просторам, окружающим Ос Альту, но мне – из соображений безопасности – все еще было запрещено выходить за дворцовую территорию.

Я не возражала. Теперь мне было куда уютней со заклинателями, хоть я и сомневалась, что когда-нибудь смогу по-настоящему порадоваться общению с Марией и Надей. Гораздо больше по душе мне было сидеть в своей комнате с Женей у камина, попивая чай и беседуя. Мне нравилось слушать дворцовые сплетни, а еще больше о роскошных балах в Большом дворце. Моей любимой была история о том, как граф подарил королю огромный пирог и из него выскочил карлик, вручивший королеве букет незабудок.

В конце зимы король и королева по традиции организовывали последний зимний праздник, на который должны были явиться все гриши. Женя утверждала, что это будет самая грандиозная вечеринка в мире. Там будут все знатные семьи, дворцовые офицеры, герои войны, заграничные гости и даже королевич – старший сын царя и наследник престола. Я однажды видела, как кронпринц ездил в окрестностях дворца верхом на белом мерине размером с дом. Его можно было назвать красивым, но у него был отцовский маленький подбородок и глаза с такими тяжелыми веками, что сразу не поймешь, устал он или безмерно скучает.

– Скорее всего, он был пьян, – сказала Женя, размешивая сахар в чае. – Все свое время он посвящает охоте, лошадям и пьянкам. Это сводит королеву с ума.

– Но Равка воюет! Ему бы стоило больше волноваться о состоянии дел.

– О, им плевать на это. Королева просто хочет, чтобы принц нашел жену, а не колесил по миру, тратя тонны золота на лошадок.

– Что насчет другого? – спросила я, так как знала, что у короля и королевы был второй сын, но никогда его не видела.

– Ты про щенка?

– Нельзя называть принца щенком, – рассмеялась я.

– Все его так зовут, – девушка заговорила тише. – Ходят слухи, что кровь его не совсем королевская.

Я чуть не подавилась чаем.

– Да ты что?!

– Только королева знает правду. Как бы там ни было, он все равно белая ворона. Сначала настоял на отработке военной службы в морской пехоте, затем стал учеником оружейника.

– И он никогда не появляется во дворце?

– Не появлялся годами! Думаю, уехал учиться кораблестроению или чему-то столь же скучному. Наверное, они бы сдружились с Давидом, – сухо добавила она.

– Кстати, о чем вы с ним разговариваете? – распырало меня любопытство. Я так и не могла понять увлечение Жени фабрикатом.

Девушка вздохнула.

– Ни о чем особенном. О жизни. О любви. О температуре плавления железной руды, – она намотала рыжий локон себе на палец, и ее щеки мило порозовели. – На самом деле он довольно забавный, когда позволяет себе таким быть.

– Правда?

Женя пожала плечами.

– *Мне* так кажется.

Я обнадеживающе похлопала ее по руке.

– Он исправится. Давид просто стеснительный.

– Может, мне стоит лечь на стол в мастерской и подождать, не вплавит ли он что-нибудь в меня?

– Уверена, так и начинаются все великие романы.

Она хихикнула, и я почувствовала внезапный укол вины. Женя с такой легкостью говорила о Давиде, а я до сих пор не рассказала ей о Мале. *«Это потому, что рассказывать нечего»*, – грубо напомнила я себе и добавила еще сахара в чай.

* * *

Одним тихим днем, когда остальные гриши уехали в Ос Альту, Женя убедила меня проникнуть в Большой дворец. Мы провели не один час, копаясь в нарядах королевы. Женя настояла, чтобы я примерила бледно-розовое шелковое платье, усеянное жемчугом, и когда она зашнуровала корсет и подвела меня к огромному зеркалу в позолоченной раме, я обомлела. Признаться, я старалась избегать зеркал. Они никогда не показывали то, что мне хотелось бы увидеть. Но девушка, стоящая рядом с Женей в отражении, была незнакомкой. У нее были румяные щеки, блестящие волосы и... привлекательная фигура. Я могла бы любоваться ею часами. Внезапно захотелось, чтобы меня сейчас увидел старый добрый Михаил.

«Плоскодонка, ага, конечно», – самодовольно подумала я. Женя поймала мой взгляд в зеркале и ухмыльнулась.

– За этим ты меня сюда притащила? – спросила я с нотками подозрения.

– Что ты имеешь в виду?

– Сама знаешь.

– Я просто подумала, что ты хотела бы посмотреть на себя, вот и все.

Я сглотнула позорный комок в горле и, поддавшись порыву, обняла ее.

– Спасибо, – прошептала я. Затем легонько пихнула подругу. – А теперь уйди с дороги. Невозможно чувствовать себя красивой, стоя рядом с тобой.

Оставшуюся часть дня мы примеряли наряды и кривлялись перед зеркалом – два занятия, которые я раньше ненавидела, кто бы мог подумать! Мы потеряли счет времени, и Жене пришлось помочь мне выбираться из аквамаринового бального платья и влезать обратно в кафтан, чтобы поспеть к озеру на вечернее занятие с Багрой.

Всю дорогу я бежала, но все равно опоздала, и женщина была в ярости. Уроки с ней всегда сложные, но в этот вечер она была особо жестока.

– Контролируй его! – рявкнула она, когда слабый лучик света мелькнул на берегу озера. – О чем ты думаешь?!

«Об ужине», – подумала я, но не осмелилась сказать.

Мы с Женей так увлеклись гардеробом королевы, что забыли поесть, и у меня урчало в животе. Я сосредоточилась, и свет полился ярче, простираясь над заледеневшим озером.

– Лучше, – сказала она. – Позволь свету работать за тебя. Подобное притягивает подобное.

Я попыталась расслабиться и позволить свету самому воззвать к себе. К моему удивлению, он нахлынул на лед, освещая маленький остров посреди озера.

– Больше! – требовала Багра. – Что тебя останавливает?

Я копнула глубже, и круг света зашел за границы острова, окуная в сияние все озеро и школу на противоположном берегу.

Хоть земля была покрыта снегом, воздух вокруг нас мерцал от летней жары. Мое тело вибрировало от силы. Это опьяняло, но я чувствовала, что начинаю уставать, дойдя до границы собственных возможностей.

– Больше! – кричала Багра.

– Не могу! – воспротивилась я.

– Больше! – повторила женщина, и в ее голосе послышалась такая настойчивость, что я насторожилась, и мое внимание переключилось. Луч света замигал и выскользнул из моей хватки. Я потянулась за ним, но тот умчался из виду, погружая школу, а затем и остров, в кромешную тьму.

– Этого недостаточно.

Я вздрогнула от его голоса. Дарклинг вышел из теней на освещенную фонарем тропинку.

– Не факт, – сказала Багра. – Ты видишь, какая она сильная. Я даже не помогала ей. Дай ей усилитель и увидишь, на что она способна.

Дарклинг покачал головой.

– У нее будет олень.

Багра нахмурилась.

– Глупец!

– Меня называли и похуже. Ты – чаще всего.

– Это бред. Ты должен пересмотреть свое решение.

Лицо Дарклинга окаменело.

– *Должен?* Ты больше не смеешь мне приказывать, старуха! Я знаю, что нужно делать.

– Я могу вас удивить, – вставила я.

Дарклинг и Багра повернулись ко мне, будто вспомнив, что я тоже здесь.

– Багра права. Я знаю, что способна на большее. Нужно лишь приложить усилия.

– Ты была в Тенистом Каньоне, Алина. Ты знаешь, чему мы противостоям.

Я почувствовала внезапное упрямство.

– С каждым днем я становлюсь сильнее. Если дадите мне шанс...

Дарклинг вновь покачал головой.

– Я не могу распоряжаться таким шансом. Не с будущим Равки на кону.

– Понимаю, – сухо ответила я.

– Правда?

– Да. Без оленя Морозова я бесполезна.

– Ах, а она не так глупа, как кажется, – усмехнулась Багра.

– Оставь нас, – сказал Дарклинг с поразительной жесткостью.

– Мы все страдаем от твоей гордыни, мальчик.

– Дважды я просить не буду.

Багра окинула его презрительным взглядом, затем развернулась на каблуках и промаршировала по дорожке в свою хижину. Когда дверь за ней захлопнулась, Дарклинг посмотрел на меня.

– Хорошо выглядишь.

– Спасибо, – пробормотала я, отводя взгляд. Может, Женя научит меня принимать комплименты?

– Если ты готова возвращаться в Малый дворец, я провожу тебя.

Какое-то время мы молча брели по берегу мимо покинутых каменных павильонов. В другой части озера виднелись огни школы. Наконец, я не выдержала:

– Есть какие-нибудь новости? Насчет оленя?

Он поджал губы.

– Нет. Мои люди считают, что стадо пересекло границы Фьерды.

– О, – попыталась я скрыть разочарование. Дарклинг резко остановился.

– Я не считаю тебя бесполезной, Алина.

– Знаю, – я вперилась взглядом в свои ботинки. – Не бесполезная. Просто малополезная.

– Ни один гриш не силен настолько, чтобы противостоять Каньону. Даже я.

– Понимаю.

– Но тебе это не нравится.

– А должно? Если я не могу помочь уничтожить Каньон, то какой от меня прок? Могу освещать полуночные пикники? Согревать ноги зимой?

Уголки его губ приподнялись в улыбке.

– Полуночные пикники?

Я же не могла выдавить улыбку.

– Боткин сказал мне, что стать гришей нужно заслужить. Не то чтобы я была неблагодарна за все, что вы мне даете. Еще как! Но я не чувствую, что достойна всего этого.

Парень вздохнул.

– Прости, Алина. Я попросил тебя довериться мне, но не дал ничего взамен, – он выглядел таким усталым, что мне тут же стало стыдно.

– Дело не в этом...

– Это правда, – он снова вздохнул и провел рукой по шее. – Возможно, Багра права, как бы мне ни претило это признавать.

Я склонила голову вбок.

– Ты всегда кажешься таким непоколебимым. Почему ты позволяешь ей докучать себе?

– Не знаю.

– Ну, мне кажется, она хорошо на тебя влияет.

Дарклинг выглядел удивленным.

– Это почему?

– Потому что она здесь единственная, кто тебя не боится и не пытается впечатлить.

– А ты пытаешься меня впечатлить?

– Естественно! – рассмеялась я.

– Ты всегда говоришь то, что думаешь?

– Меньше чем в половине случаев.

Тут он тоже рассмеялся, и я вспомнила, как же сильно мне нравился этот звук.

– В таком случае буду считать себя счастливчиком.

– А в чем сила Багры? – спросила я, впервые задумавшись об этом. Как и Дарклинг, она была усилителем, но у него была и другая сила.

– Не уверен, – ответил он. – Мне кажется, она была проливной. Здесь нет никого достаточно старого, чтобы знать наверняка, – Дарклинг посмотрел на меня. Прохладный воздух

вызвал румянец на щеках, а фонари освещали его серые глаза. – Алина, если я скажу, что все равно верю, что мы найдем оленя, ты считаешь меня сумасшедшим?

– Какая тебе разница, что я думаю?

Он выглядел искренне озадаченным.

– Не знаю. Но мне не все равно.

А затем он поцеловал меня. Это было так неожиданно, что у меня едва хватило времени среагировать. Только что я смотрела в его сланцевые глаза, а в следующую секунду его губы уже были прижаты к моим. Я ощутила знакомое чувство уверенности, растекающееся по телу, запевшему от внезапного жара; мое сердце заплясало в быстром танце. Затем, так же внезапно, он отпрянул. Дарклинг выглядел таким же удивленным, как и я.

– Я не хотел... – в это мгновение мы услышали приближающиеся шаги, и из-за угла вышел Иван. Он поклонился Дарклингу, затем мне, но я заметила легкую ухмылку на его губах.

– Апат теряет терпение.

– Одно из его наименее привлекательных качеств, – невозмутимо произнес Дарклинг. Удивление стерлось с его лица. Он поклонился мне, предельно собранный, и, не оглядываясь, ушел вместе с Иваном, оставив меня стоять под падающим снегом.

Я постояла так некоторое время, а затем на автомате вернулась в Малый дворец. *«Что только что произошло? – я прикоснулась к своим губам. – Дарклинг действительно меня поцеловал?»*

Я сторонилась купольного зала и пошла напрямик в свою комнату, но, оказавшись там, не знала, чем заняться. Вызвала слуг, чтобы принесли поднос с едой, и начала размазывать ее по тарелке. Мне отчаянно хотелось поговорить с Женей, но она спала в Большом дворце, а мне не хватало смелости, чтобы отправиться на ее поиски.

Наконец я сдалась и решила все-таки спуститься в зал. Мария и Надя вернулись с поездки на санях и сидели у огня, попивая чай. Я удивилась, увидев Сергея рядом с Марией, их руки были переплетены. *«Запахло жареным»*, – развеселилась я про себя.

Я села пить с ними чай, расспрашивая, как прошла поездка, но едва могла сосредоточиться на ответах. Мои мысли постоянно возвращались к ощущениям от поцелуя Дарклинга, как он стоял под фонарем с удивленным выражением, а его дыхание поднималось в холодный воздух белым паром.

Я знала, что заснуть не удастся, поэтому, когда Мария предложила пойти в баню, решила присоединиться. Ана Куя всегда говорила, что баня – это варварство, повод для крестьян пить квас и бессмысленно проводить время. Но я давно подозревала, что старушка Ана была снобом.

Я сидела в парной так долго, как только могла, а затем с визгом погрузилась в снег вместе с другими, прежде чем забежать в помещение и повторить все заново. Я задержалась там до поздней ночи, смеясь и вдыхая морозный воздух и пытаясь прояснить голову. Вернувшись к себе, я тут же рухнула на кровать; моя распаренная кожа порозовела, а мокрые волосы спутались в колтуны. Было чувство, будто из меня вытащили все косточки и сварили, но мой мозг продолжал работать. Я сосредоточилась и вызвала теплые лучи света, пустив их танцевать на разукрашенном потолке, позволяя уверенному потоку силы успокоить нервы. Затем воспоминание о поцелуе Дарклинга вновь нахлынуло на меня и сбilo с толку, путая мысли и заставив мое сердце воспарять и падать, словно птица, которую швыряло из стороны в сторону в ненадежных воздушных потоках. Свет исчез, оставляя меня во мраке.

Глава 14

Чем ближе был конец зимы, тем больше стало разговоров о королевском пиршестве в Большом дворце. От заклинателей ожидалась демонстрация способностей, и большую часть времени они обсуждали, кто будет выступать и чье представление вызовет больше восторга при дворе.

– Только не называй это «выступлением», – предупредила Женья. – Дарклинг терпеть этого не может. Он считает пиршество напрасной тратой времени.

Я была с ним солидарна. В мастерской субстанциалов днем и ночью кипела работа – они выполняли дворцовые заказы, начиная с драгоценных тканей и заканчивая фейерверками. Заклинатели проводили бесконечные часы в каменных павильонах, доводя до совершенства свои «демонстрации». Учитывая, что в Равке уже столетие идет война, это казалось немного легкомысленным.

Тем не менее вечеринки были для меня в новинку, поэтому мне было трудно не заразиться радостью, слушая разговоры про шелка, танцы и цветы. Багра теряла терпение. Стоило мне на секунду отвлечься, как она тыкала меня тростью и приговаривала:

– Мечтаешь о танцах со своим темным принцем?

Я не обращала на это внимания, но она была права. Как бы я ни старалась, мои мысли возвращались к Дарклингу. Он снова куда-то исчез; по словам Жени, на север. Другие гриши спорили, почит ли он своим присутствием зимний пир, но никто не знал наверняка. Я снова и снова искала повод, чтобы рассказать Жене о поцелуе, но всегда останавливалась прежде, чем слова сорвутся с уст.

«Не будь глупой, – ругала я себя. – Поцелуй ничего не значил. Дарклинг наверняка целовался со многими гришами. Да и зачем ему ты, когда рядом такие девушки, как Женья и Зоя?» Но даже если это было правдой – мне знать не хотелось. Пока я держу рот на замке, поцелуй будет нашей тайной, и пускай так оно и останется. Вместе с тем иногда мне приходилось призывать всю свою волю, чтобы не встать посреди завтрака и не прокричать: «Дарклинг поцеловал меня!»

Разочарование Багры в моих способностях не шло ни в какое сравнение с моим собственным. Как бы я ни старалась, с каждым днем лимит моей силы становился все более очевидным. В конце каждого занятия у меня в ушах раздавалось эхо слов Дарклинга: «Этого недостаточно», – и он был прав. Он хотел уничтожить Каньон до основания и вернуть берег Неморя, но мне не хватало сил для его целей. Я прочитала достаточно книг, чтобы понимать – это нормально. У всех гришей были свои ограничения, даже у Дарклинга. Но он сказал, что я изменю мир, и было трудно смириться с тем, что мне не справиться с этой задачей.

Дарклинг исчез, зато Апрат преследовал меня повсюду. Он бродил по коридорам и караулил у дорожки к озеру. Я подозревала, что он пытается снова поговорить со мной наедине, но не хотела выслушивать его болтовню о вере и страданиях, поэтому всегда была настороже и не позволяла ему застать себя врасплох.

В день зимнего пира меня освободили от занятий, но я все равно пошла к Боткину. Уж слишком меня взволновала моя часть демонстрации и перспектива предстать с ней перед Дарклингом. В комнате не сиделось. Находиться с другими гришами не было сил. Мария и Надя постоянно болтали о новых шелковых кафтанах и своих украшениях, а Давид и другие фабрикатеры не упускали шанса обсудить со мной детали демонстрации. Поэтому я прошла мимо купольного зала и отправилась в тренировочный зал у конюшен.

Боткин прогнал меня по основным заданиям и заставил упражняться с зеркалами. Без них я была так же беспомощна против него, как и раньше, но с перчатками я почти могла защитить себя. По крайней мере, так мне казалось.

Когда урок закончился, Боткин признался, что сдерживался.

– Нельзя бить девушку по лицу перед вечеринкой, – пожал он плечами. – Завтра Боткин будет драться по-честному.

Я застонала от этой мысли.

Быстро поужинав в купольном зале, я поспешила незаметно удалиться в комнату, мечтая о прекрасной и теплой ванне. Мне нравилась баня, но групповых обмываний мне хватило еще в армии. Личное пространство оказалось для меня в новинку.

После долгого, роскошного купания я села у окна сушить волосы и наблюдала за наступлением вечера над озером. Вскоре зажгутся фонарики вдоль дороги к дворцу и начнут прибывать дворяне в своих шикарных каретах – каждая изысканней предыдущей.

Я почувствовала легкий прилив восторга. Месяц назад подобная ночь привела бы меня в ужас: выступление, необходимость наряжаться и присутствовать среди сотней щегольски одетых людей. Я все равно нервничала, но при этом считала, что, может быть... будет весело.

Я взглянула на маленькие часы на каминной полке и нахмурилась. Служанка должна была принести мой новый шелковый кафтан, но если она не явится в ближайшее время, мне придется надеть старый шерстяной или позаимствовать что-нибудь у Марии.

Стоило об этом подумать, как в дверь постучали. Но это оказалась Женья, ее стройное тело было закутано в кремовые шелка, украшенные золотой вышивкой, а рыжие волосы забраны наверх, чтобы подчеркнуть огромные бриллианты, украшающие ее ушки, а также грациозность изгиба шеи.

– Ну? – она покрутилась так и этак.

– Ненавижу тебя, – улыбнулась я.

– Да, я и впрямь замечательно выгляжу, – сказала она, красуясь перед зеркалом над медным умывальником.

– Ты бы выглядела еще лучше с большей долей скромности.

– Сомневаюсь. А ты почему еще не одета? – спросила она, делая перерыв в самолюбовании и заметив, что я в халате.

– Мне так и не принесли кафтан.

– О, ну, фабрикатеры были немного заняты заданием королевы. Уверена, его принесут с минуты на минуту. А пока садись перед зеркалом, я сделаю тебе прическу.

Я чуть не завизжала от радости, но все же смогла сдержаться. Надеюсь, что Женья предложит, но не хотела просить.

– Я думала, ты должна помогать королеве, – сказала я, когда Женья заработала своими умелыми руками. Она закатила свои янтарные глаза.

– Мои способности ограничены. Ее Величество решила не идти на сегодняшний бал. У нее мигрень. Ха! Ведь это я целый час убирала ее морщины!

– Так она не появится?

– Конечно, появится! Она просто хочет, чтобы ее леди подольше сустились над ней, от этого она чувствует себя еще более важной персоной. Это главное событие зимы. Она ни за что его не пропустит.

Главное событие зимы. Я содрогнулась и громко выдохнула.

– Нервничаешь? – спросила Женья.

– Немного. Сама не знаю, почему.

– Может, потому, что около сотни придворных ждут своего часа, чтобы впервые поглазеть на тебя?

– Спасибо. Ты очень помогла.

– Всегда пожалуйста! – она потянула меня за волосы. – Могла бы уже привыкнуть, что на тебя постоянно пялятся.

– Как видишь, не привыкла.

– Ну, если будет совсем худо, подай мне знак. Я заберусь на банкетный стол, задеру юбку на голову и пушусь в пляс. Вряд ли после этого на тебя хоть кто-то обратит внимание.

Я засмеялась и слегка расслабилась. Придя в себя, поинтересовалась подчеркнуто равнодушным голосом:

– Дарклинг уже вернулся?

– О да, еще вчера. Видела его экипаж.

Мое сердце ухнуло вниз. Он был во дворце целый день, но не навестил меня и не позвал к себе.

– Он наверняка очень занят, – пояснила Женя.

– Конечно.

Через секунду она тихо произнесла:

– Знаешь, мы все это чувствуем.

– Ты о чем?

– О притяжении к Дарклингу. Но он не такой, как мы, Алина.

Я напряглась. Женя старательно сосредоточилась на колтунах в моих волосах.

– Что ты имеешь в виду? – даже мне мой голос казался неестественно высоким.

– Он обладает мощной притягательной силой. Нужно быть слепым или сумасшедшим, чтобы не заметить этого.

Мне не хотелось спрашивать, но я ничего не могла с собой поделать:

– Он когда-нибудь...? В смысле, вы с ним...?

– Нет! Никогда! – на ее губах заиграла озорная улыбка. – Но я бы не отказалась.

– Правда?

– А кто бы удержался? – она встретила со мной взглядом в зеркале. – Но я бы никогда не позволила себе проникнуться к нему чувствами.

Я максимально равнодушно пожала плечами.

– Естественно.

Женя подняла безупречную бровь и с силой потянула меня за локон.

– Ай! – вскрикнула я. – А Давид сегодня будет?

Девушка вздохнула.

– Нет, он не любит вечеринки. Но, так сложилось, что я оказалась рядом с мастерской, дабы дать ему взглянуть на то, что он упускает. И что ты думаешь? Он едва посмотрел на меня.

– Не могу в это поверить! – попыталась я ее успокоить. Женя закрутила последний локон и закрепила его золотой шпилькой.

– Вот! – воскликнула она с триумфом. Затем вручила мне зеркальце и развернула, чтобы я могла оценить ее работу. Подруга собрала половину моих волос в замысловатый пучок. Вторая половина каскадом опускалась мне на плечи сверкающими волнами. Я улыбнулась и обняла ее.

– Спасибо! Ты великолепна.

– А что толку, – проворчала она. Как так получилось, что Женя влюбилась в кого-то столь серьезного, тихого и явно не замечающего ее красоту? Или это и есть причина, по которой ей приглянулся Давид? От этих мыслей меня отвлек стук в дверь. Я практически побежала открывать ее. Меня накрыла волна облегчения, когда я обнаружила на пороге двух служанок с коробками в руках. До этого момента я не осознавала, как сильно меня волновало, когда мне принесут мой кафтан. Я положила самую большую коробку на кровать и сняла крышку.

Женя взвизгнула, а я просто застыла при виде содержимого. Увидев, что я не могу пошевелиться, девушка потянулась к коробке и достала струящийся черный шелк. Рукава и ворот были обшиты тончайшим золотом и блестели от крошечных угольных бисеринок.

– Черный, – прошептала Женя.

Его цвет. Что бы это значило?

– Смотри! – ахнула она.

Вырез мантии был пронизан черной бархатной лентой, с которой свисал маленький золотой кулон: солнце в затмении, символ Дарклинга. Я прикусила губу. На этот раз он решил выделить меня из толпы, и я ничего не могла с этим поделать.

Я почувствовала легкую обиду, но она быстро сменилась радостью. Интересно, он выбрал для меня этот цвет после ночи у озера или раньше? Пожалеет ли он, увидев меня в нем сегодня? Не время думать об этом. У меня не было особого выбора, если, конечно, я не хотела пойти на бал голой.

Я зашла за ширму и надела новый кафтан. Шелк приятно охлаждал кожу, пока я пыталась застегнуть крошечные пуговицы. Когда же я вышла, Женя расплылась в улыбке.

– Ох, так и знала, что тебе пойдет черный, – она схватила меня за руку. – Пошли!

– Я даже не обута!

– Просто пошли!

Она протащила меня по коридору и распахнула какую-то дверь без стука. Зоя вскрикнула. Девушка стояла с расческой в руке посреди своей спальни, на ней был синий шелковый кафтан.

– Простите! – воскликнула Женя. – Но нам нужна эта комната. Приказ Дарклинга!

Прекрасные глаза Зои угрожающе сузились.

– Если ты думаешь... – начала она, но тут заметила меня. Ее лицо побледнело, а рот широко открылся.

– Вон! – скомандовала Женя.

Девушка закрыла рот и, к моему удивлению, покинула комнату без дальнейших препираний.

Женя захлопнула за ней дверь.

– Что ты делаешь? – оторопело спросила я.

– Я подумала, что тебе неплохо было бы посмотреть на себя в нормальном зеркале, а не в том бесполезном на твоём столике. Ну, а если говорить откровенно, я просто хотела полюбоваться выражением лица этой стервы, когда она увидит тебя в цвете Дарклинга.

Я не могла сдержать ухмылки.

– Это было чудесно.

– Не так ли? – мечтательно протянула Женя.

Я повернулась к зеркалу, но Женя схватила меня и посадила за столик Зои, после чего начала копаться в разных ящиках.

– Женя!

– Да погоди ты... ага! Так и знала, что она красит ресницы! – девушка достала маленькую баночку с черной сурьмой. – Можешь призвать немного света, чтобы я могла работать?

Я вызвала теплое сияние, чтобы Женя лучше видела, и пыталась быть терпеливой, пока она заставляла меня поднимать, опускать глаза, смотреть влево, вправо.

– Идеально! – сказала она по окончании. – Ох, Алина, ты выглядишь той еще соблазнительницей!

– Ну да, – я выхватила у нее зеркало и улыбнулась. Грустная больная девочка с впалыми щеками и костлявыми плечами исчезла, а ее место заняла девушка-гриш с блеском в глазах и волнистыми бронзовыми локонами. Черный шелк обтягивал мои новоприобретенные формы и двигался, как сшитые вместе тени. Женя сотворила чудо с моими глазами: они выглядели темными и даже немного кошачьими.

– Украшения! – воскликнула девушка, и мы побежали в мою комнату мимо кипящей Зои.

– Вы закончили? – рявкнула она.

– Перерыв на минуту, – сердито ответила я, а Женя очень не по-девичьи фыркнула. В других коробках мы нашли золотые шелковые туфли, мерцающие бусы, золотые серьги и муфту

из густого меха. Когда я была готова, то окинула себя взглядом в маленьком зеркале над умывальником. Я выглядела экзотично и загадочно, будто надела одежду какой-то другой, куда более стильной девушки.

Я повернулась к Жене и заметила обеспокоенное выражение на ее лице.

– Что такое? – спросила я, внезапно почувствовав неуверенность.

– Ничего, – улыбнулась она. – Ты прекрасно выглядишь. Правда. Но... – ее улыбка дрогнула. Она потянулась и подняла золотой кулон на моем вырезе. – Алина, Дарклинг мало кого замечает из нас. Мы всего лишь мгновения в его долгой жизни, о которых он вскоре забудет. Не думаю, что это так уж плохо. Просто... остерегайся.

Я удивленно уставилась на нее.

– Чего?

– Властных мужчин.

– Женья, – я решила задать вопрос, пока мне хватало на то смелости, – что произошло между тобой и королем?

Она потупила взгляд в носки своих атласных туфель.

– Короля связывают тесные отношения со многими служанками, – она пожала плечами. – Я, по крайней мере, заработала на этом парочку драгоценностей.

– Ты же не всерьез...

– Нет, – она задергала себя за сережку. – Самое печальное, что об этом все знают.

Я приобняла ее рукой.

– Это не имеет значения. Ты лучше их всех вместе взятых.

Она вяло симитировала свою уверенную улыбку.

– О, я в курсе.

– Дарклинг должен был что-то сделать, – продолжила я. – Он должен был тебя защитить.

– Он это и сделал, Алина. Больше, чем ты думаешь. Кроме того, он такой же раб прихотей короля, как и все мы. По крайней мере, пока.

– Пока?

Она быстро сжала мою руку.

– Давай не будем обсуждать сегодня столь опасные темы. Пойдем, – ее необыкновенное лицо осветилось умопомрачительной улыбкой. – Я отчаянно нуждаюсь в шампанском!

И с этим она грациозно выскользнула из комнаты. Я хотела рассказать ей больше. Я хотела расспросить, что она имела в виду, говоря о Дарклинге. Я хотела ударить короля молотком по голове. Но Женья была права – все проблемы можно решить завтра, поэтому я последний раз взглянула в зеркало и поспешила в коридор, оставляя свои тревоги и предупреждения Жени позади.

* * *

Мой черный кафтан вызвал большой переполох в купольном зале. Мария, Надя и другие эфиреалки, одетые в синие шелка и бархат, окружили нас с Женей. Та попыталась ускользнуть, как обычно, но я быстро вцепилась в ее руку. Если на мне цвета Дарклинга, я собиралась воспользоваться этим и держать подругу поблизости.

– Ты же знаешь, я не могу зайти в бальный зал с тобой. У королевы будет припадок, – прошептала она мне на ухо.

– Ладно, но ты все равно должна быть поблизости.

Женья улыбнулась.

Когда мы шли по гравийной дорожке лесного туннеля, я с удивлением заметила, что Сергей и пара других сердцеебитов нас догоняют. Похоже, они нас охраняли – ну, скорее всего, меня. Что в принципе вполне логично, учитывая количество незнакомцев на празднике, но это

все равно вызвало у меня замешательство, а также послужило хорошим напоминанием, что в мире полно людей, желающих мне навредить.

Территория вокруг Большого дворца была украшена фонариками, освещающими сцены с актерами и акробатами, выступающими перед гостями. Вдоль дорожек расположились музыканты в масках. Мимо как ни в чем не бывало прошествовал мужчина с обезьянкой на плече, а за ним проследовали еще двое, с головы до ног покрытые сусальным золотом и верхом на зебрах. Каждому встречному они вручали цветы из драгоценностей. Среди деревьев пели ряженые. В фонтане с двуглавым орлом плескались три рыжие танцовщицы, едва одетые лишь в ракушки и кораллы. Они предлагали гостям подносы с устрицами.

Мы только начали подниматься по мраморной лестнице, как к нам уже подлетел слуга с запиской для Жени. Она прочитала ее и вздохнула.

– Мигрень королевы чудесным образом прошла, и она решила все-таки осчастливить бал своим присутствием, – девушка обняла меня и пообещала разыскать перед началом демонстрации, а затем убежала.

Весна только начала подавать свои признаки, но в Большом дворце в это было невозможно поверить: музыка оглашала мраморные залы. Нагретый воздух был напоен ароматом тысяч белых цветов, выращенных в теплицах гришей. Они густо украшали столы и гроздьями свешивались с балюстрад.

Я, Мария и Надя бродили между группами придворных, которые делали вид, что не замечают нас, но шептались у нас за спинами с нашими стражами-корпоралиами. Я высоко задрала подбородок и даже улыбнулась одному из юных аристократов, стоявшему у входа в балльный зал. К моему удивлению, он густо покраснел и потупил взгляд.

Я повернулась к девушкам, чтобы спросить, заметили ли они, но те были поглощены обсуждением блюд, которые подавали на ужин придворным – жареная рысь, соленые персики, запеченный лебедь с шафраном. Хорошо, что мы уже поели.

Балльный зал оказался даже больше и величественней, чем тронный: освещенный рядами мерцающих канделябров, он был полон гостей, танцующих под аккомпанемент музыкантов в масках, сидящих вдоль дальней стены.

Платья, украшения, кристаллы, свисающие с люстр, даже пол под ногами, казалось, блестел, и я призадумалась, что из этого было работой фабрикаторов. Сами гриши смешались с гостями и кружились вместе с другими танцующими, но их было легко приметить по ярким цветам: фиолетовому, красному и синему, – они сияли, как экзотические бутоны, распустившиеся в поблекшем саду.

Следующий час я провела как в тумане. Меня представили бесчисленным дворянам, высокопоставленным военным, придворным и даже некоторым гришам из почтенных семейств, также в качестве гостей приглашенным на бал. Вскоре я поняла, что запоминать все имена бесполезно, и просто улыбалась, кивала и кланялась. А также изо всех сил сдерживалась, чтобы не начать высматривать в толпе черный кафтан Дарклинга. Мне впервые довелось попробовать шампанское, оказавшееся куда приятней на вкус, чем квас. В какой-то момент я оказалась лицом к лицу с уставшим дворянином, опирающимся на трость.

– Князь Керамзов! – воскликнула я. На нем была старая офицерская униформа с россыпью медалей на груди.

Старик посмотрел на меня с проблеском интереса, явно недоумевая, откуда мне известно его имя.

– Это я. Алина Старкова, помните?

– Да... да. Конечно! – он слабо улыбнулся. Я вгляделась в его глаза. Он ни капельки меня не помнил. Да и с чего бы? Я была очередной сироткой, еще и легко забываемой. Тем не менее, это меня задело. Мы вежливо поболтали, и при первой же возможности я сбежала. Отойдя в сторонку, я прислонилась к колонне и подхватила очередной бокал шампанского

у проходящего мимо официанта. В помещении становилось душно. Я огляделась и внезапно почувствовала себя очень одиноко. Это навело меня на мысли о Мале, и впервые за неделю мое сердце знакомо екнуло. Хотела бы я, чтобы он был здесь. Хотела бы я, чтобы он увидел мой шелковый кафтан и золотые украшения. Но больше всего мне хотелось, чтобы он просто был рядом. Я отмахнулась от этих мыслей и уверенно пригубила шампанское. Ну и что, что какой-то пьяный старик меня не узнал? Я рада, что он не признал во мне ту тощую и несчастную девочку.

Сквозь толпу ко мне пробиралась Женя. Князья, герцоги и богатые купцы оборачивались и пялились ей вслед, но она всех игнорировала. *«Не тратьте свое время, – хотелось мне сказать. – Ее сердце принадлежит долговязому фабрикатору, который не любит вечеринки»*.

– Время представления... в смысле демонстрации, – сказала она, подойдя ко мне. – Почему ты одна?

– Мне захотелось сделать небольшой перерыв.

– Перепила шампанского?

– Возможно.

– Глупышка! – она взяла меня под руку. – Шампанского много не бывает. Хотя завтра твоя голова попытается доказать обратное.

Она повела меня через зал, ловко уворачиваясь от людей, желающих познакомиться со мной или поглазеть на нее. Мы зашли за сцену, установленную у дальней стены, и встали рядом с оркестром, наблюдая за мужчиной в красивом серебряном наряде с микрофоном в руке – он представлял участников действия. Оркестр выдал драматичный аккорд, и вскоре гости охали и аплодировали inferну, выстреливающему дугами пламени над толпой. Затем шквальным, сотворившим маленькие ураганы из блесток. К ним присоединилась большая группа проливных, которые, не без помощи шквальных, наслали огромную волну на балкон, замершую в паре сантиметров над головами зрителей. Те вытянули руки, чтобы коснуться сверкающей воды. Затем inferны вступили в дело, и волна с шипением превратилась в густой туман.

Спрятавшись сбоку от сцены, я почувствовала внезапное вдохновение и послала каскады лучей сквозь туман, отчего в воздухе возникла мерцающая радуга.

– Алина.

Я подпрыгнула. Свет мигнул, и радуга исчезла. Рядом со мной стоял Дарклинг. На нем, как обычно, был черный кафтан, но он был сшит из грубого шелка и бархата. Его темные волосы блестели в свете свечей. Я сглотнула и осмотрелась, но Женя куда-то пропала.

– Привет, – выдавила я.

– Ты готова?

Я кивнула, и он повел меня к ступеням лестницы на сцену. Пока зрители аплодировали, а гриши покидали подмости, один из них, Иво, поймал мою руку.

– Милый фокус, Алина! Радуга была просто восхитительной.

Я поблагодарила его и снова сосредоточилась на толпе, почувствовав клубок нервов в животе. Заметила нетерпеливые лица гостей, скучающее выражение королевы, окруженной своими дамами. Рядом с ней на троне раскачивался король, явно принявший на грудь недюжинную дозу алкоголя. Сбоку от него стоял Апат. Если принцы и решились явиться на праздник, то сделали это незаметно.

Через мгновение я поняла, что Апат смотрит прямо на меня, и быстро отвела взгляд. Мы дождались, пока оркестр заиграет тревожную барабанную дробь, и мужчина в серебряном вновь поднялся на сцену, чтобы представить нас. Внезапно рядом оказался Иван и прошептал что-то Дарклингу на ухо. Я услышала, как тот ответил:

– Отведи их в штаб. Я скоро буду.

Иван ринулся прочь, даже не взглянув в мою сторону. Когда Дарклинг повернулся ко мне, на его лице играла улыбка, а глаза ожили от радости. Ему явно доложили хорошие новости.

Всплеск аплодисментов напомнил, что нам пора выходить на сцену. Он взял меня за руку и сказал:

– Давай дадим людям то, чего они хотят.

Я кивнула, но в горле пересохло. Он провел меня по ступенькам и вывел в центр помоста. Я услышала оживленный гул толпы и взглянула на их любопытные лица. Дарклинг быстро кивнул мне. После короткой прелюдии он хлопнул в ладоши, и в комнате загредел гром, а гостей накрыла вуаль тьмы.

Он ждал, позволяя нарастать их нетерпению. Может, Дарклингу и не нравился этот цирк, но он определенно умел устраивать представления. Когда зал уже буквально вибрировал от напряжения, парень наклонился и прошептал так тихо, чтобы услышала только я:

– Сейчас.

С дрожью в сердце я вытянула руку вверх, сделала глубокий вдох и призвала чувство уверенности, чувство света, которое уже спешило навстречу ко мне и сквозь меня – все это было теперь сосредоточено в моей ладони, из которой устремился яркий луч, засияв во тьме бального зала. Зрители ахнули, кто-то прокричал: «Так это правда!»

Я слегка повернула ладонь к нужному месту на балконе, которое мне заранее описал Давид (по крайней мере, я надеялась, что это оно). «Просто целься ввысь, а мы подстроимся», – сказал он мне. Я поняла, что сделала все правильно, когда луч из моей руки зигзагом отразился от зеркал фабрикаторов, расставленных по всему залу. Вскоре темная комната оказалась расчерчена пересекающимися полосами света. Толпа забормотала от восторга.

Я сжала ладонь, и луч исчез. А затем вспыхнул уже рядом со мной, и я позволила свету заключить нас с Дарклингом в мерцающую золотую сферу. Он посмотрел на меня и протянул руку, из которой поползли черные темные ленты, похожие на живых змей, пронизывающих сферу. Я позволила свечению вокруг нас шириться и нарастать, наслаждаясь собственной силой, заставляя лучи плясать на кончиках моих пальцев, пока Дарклинг метал чернильные щупальца тьмы. Это был танец мрака и света.

Гости зааплодировали, и Дарклинг тихо прошептал:

– А теперь *покажи им*.

Я ухмыльнулась и сделала то, чему меня учили, – широко развела руки, чувствуя, как раскрываюсь, а затем резко свела ладони вместе, и зал затрясся от громкого гула. В мгновение ока комнату затопило ослепительным светом, от которого зрители дружно ахнули и зажмурились, пытаясь руками защититься от яркого сияния. Я продержала их в таком состоянии несколько секунд, а затем опустила ладони и позволила свету померкнуть.

Гости разразились оглушительными аплодисментами и яростно затопали ногами. Мы поклонились несколько раз под музыку оркестра, и аплодисменты перешли в возбужденную болтовню.

Дарклинг потащил меня к краю сцены и проговорил:

– Слышишь их? Видишь, как они танцуют и обнимаются? Теперь они знают, что слухи – правда, и вскоре все изменится.

Мой восторг пошел на убыль, сменяясь неуверенностью.

– Но разве мы не даем им ложную надежду?

– Нет, Алина. Я уже говорил, что ты – мой ответ. И это правда.

– Но, после случившегося у озера... – я покраснела и поспешила объяснить. – В смысле, ты сказал, что я недостаточно сильная.

Губы Дарклинга изогнулись в намеке на улыбку, но глаза оставались серьезными.

– Ты действительно думала, что я уже закончил с тобой?

По мне прокатилась волна дрожи. Он наблюдал за мной, его полуулыбка постепенно исчезла. Затем он резко схватил меня за руку и потащил со сцены. Люди выкрикивали поздравления, тянули руки, чтобы прикоснуться ко мне, но Дарклинг окутал нас в струящийся кокон

из тьмы, прозмеившийся сквозь толпу и исчезнувший, как только мы вышли. Я почти чувствовала себя невидимкой. Мне слышались обрывки разговоров, когда мы проходили между группами гостей:

- Не могу поверить...
- ... чудо!
- ... никогда ему не верил, но...
- Все кончено! Все кончено!

Они смеялись и плакали. Меня вновь скрутило от беспокойства. Они верили, что я смогу их спасти. Что они подумают, узнав, что я способна лишь на развлекательные трюки? Но эти мысли были лишь тусклыми проблесками разума. Было трудно думать о чем-либо еще, кроме того факта, что после многих недель полного игнорирования, Дарклинг держал меня за руку и тянул через неприметную узкую дверь и дальше по пустому коридору.

С моих губ сорвался легкомысленный смешок, когда мы скользнули в комнату, освещенную лишь лунным светом из окон. У меня едва хватило времени признать в ней гостиную, в которой я однажды познакомилась с королевой, поскольку стоило двери закрыться, как Дарклинг поцеловал меня, и все здравые мысли улетучились. Меня и раньше целовали, неумело и неуклюже – ошибки по пьяни. У тех поцелуев не было ничего общего с нынешним. Этот был уверенным, властным, пробуждающим мое тело.

Я чувствовала свое быстро бьющееся сердце, скольжение шелка по коже, силу обхвативших меня рук – одна закопалась в волосах, другая обнимает за спину, прижимая ближе. В ту секунду, как наши губы встретились, между нами произошел контакт и меня наполнила сила Дарклинга. Я ощутила, как сильно он меня хочет, но за этим желанием крылось что-то еще, что-то похожее на злость. Я удивленно отпрянула.

- Ты не хочешь этого делать.
 - Это единственное, чего я хочу, – прорычал он со смесью горечи и желания в голосе.
 - И тебе это ненавистно, – сказала я с внезапным озарением.
- Парень вздохнул и прижался ко мне, убирая волосы с шеи.
- Возможно, – пробормотал он, трогая губами мое ухо, горло, ключицу.

Я вздрогнула и откинула голову назад, но все же спросила:

– Почему?

– Почему? – повторил он, все еще лаская губами мою кожу. Его пальцы водили по лентам на вырезе. – Алина, знаешь, что сказал мне Иван перед тем, как мы вышли на сцену? Сегодня мы получили известие, что мои люди заметили стадо Морозова. Ключ к уничтожению Тенистого Каньона находится на расстоянии вытянутой руки, и сейчас я должен быть в штабе, выслушивать их отчет. Я должен планировать наше выступление на север. Но я этого не делаю, не так ли?

Мой разум отказывался работать, отдаваясь охватившему меня наслаждению и предвкушению следующего поцелуя.

– Не так ли? – повторил он и легонько куснул меня за шею. Я ахнула и покачала головой, не в состоянии придумать ответ. Он прислонил меня к двери и прижался ко мне бедрами.

– Беда вожеления в том, – прошептал Дарклинг, проводя губами по моему подбородку, пока не замер в миллиметре от моих губ, – что оно делает нас слабыми.

А затем, когда я подумала, что больше не выдержу, он наконец поцеловал меня. На сей раз поцелуй выдался более страстным и смешанным с гневом, который я ощущала внутри него. Мне было плевать. Плевать, что он игнорировал меня, запутывал, плевать на смутные предупреждения Жени. Он нашел оленя. Он был прав насчет меня. И насчет всего остального.

Его рука опустилась к моему бедру. Я почувствовала легкий укол паники, когда моя юбка задралась выше и пальцы Дарклинга коснулись голой кожи, но, вместо того чтобы ото-

двинуться, я прижалась ближе. Не знаю, что бы случилось дальше, но в этот момент мы услышали громкий хор голосов из коридора.

Группа очень шумных и пьяных мужчин плелась своей дорогой, и один из них тяжело врезался в дверь, дергая за ручку. Мы замерли. Дарклинг прижался к ней плечом, чтобы та не открылась, и толпа двинулась дальше с криками и смехом.

В наступившей тишине мы уставились друг на друга. Затем он вздохнул и опустил руку, позволяя шелковой юбке прикрыть мою ногу.

– Мне нужно идти, – пробормотал Дарклинг. – Иван и остальные ждут меня.

Я кивнула, не находя в себе сил на ответ, и отошла в сторону. Он открыл дверь и осмотрел коридор, убеждаясь, что там пусто.

– Я не вернусь на вечеринку, но тебе было бы неплохо еще хоть немного погулять.

Я снова кивнула. До меня внезапно дошло, что я стою в темной комнате с почти незнакомым мужчиной и всего пару минут назад была готова задрать перед ним юбку. В голове всплыло строгое лицо Аны Куи, читающей лекции о глупых ошибках молодых крестьянок, и я покраснела от стыда.

Дарклинг скользнул за дверь, но в последний момент обернулся:

– Алина, – я видела, как он внутренне боролся с собой, – можно я зайду к тебе вечером?

Я замешкалась. Если отвечу «да», обратного пути не будет. Кожа все еще горела от его прикосновений, но возбуждение улетучивалось, сменяясь здравомыслием. Я больше не была уверена в своих желаниях, как и в чем-либо вообще. Я медлила слишком долго. Мы вновь услышали голоса. Дарклинг закрыл дверь, ступая в коридор, а я отпрянула во тьму.

Я нервно выжидала, пыталась придумать оправдание своему нахождению в пустой комнате. Голоса затихли, и я с дрожью выдохнула. Я упустила возможность ответить Дарклингу. Значило ли это, что он все равно придет? Хотела ли я этого? В голове все спуталось.

Нужно привести себя в нормальный вид и вернуться на вечеринку. Дарклинг мог просто исчезнуть, но у меня не было права на такую роскошь. Я выглянула в коридор и поспешила в бальный зал, задержавшись перед позолоченным зеркалом, чтобы осмотреть себя. Все оказалось не так плохо, как я опасалась. Мои щеки пылали, губы припухли, но с этим я ничего не могла поделать. Я поправила прическу и разгладила кафтан. И только собралась войти в зал, как в другом конце коридора открылась дверь. Ко мне спешил Апрат, его коричневая мантия развевалась на ходу. *«О нет, только не сейчас!»*

– Алина! – позвал он.

– Мне нужно возвращаться на бал, – бодро ответила я и отвернулась.

– Я хочу поговорить с тобой! Все развивается гораздо быстрее, чем...

Я проскользнула в зал с натянутым, но все же безмятежным выражением на лице. Почти в ту же секунду меня окружили дворяне, желающие познакомиться и поздравить меня с демонстрацией. Сергей и другие стражи-сердцебиты поспешили ко мне, бормоча извинения, что потеряли меня из виду.

Оглянувшись, я с облегчением отметила, что Апрата поглотила толпа. Гости задавали вопросы, а я вежливо отвечала и пыталась изо всех сил вести светскую беседу. Одна женщина даже заплакала и попросила меня благословить ее. Я понятия не имела, что делать, потому что просто обнадеживающе похлопала ее по руке.

Больше всего мне хотелось побыть одной и разобраться в своем вихре эмоций. Шампанское не помогало. Одну группу гостей сменяла другая, и в какой-то момент я узнала вытянутое, меланхоличное лицо корпорала, ехавшего со мной и Иваном в экипаже Дарклинга и помогавшего отбиться от фьерданских наемников. Я порылась в памяти, пытаясь вспомнить его имя. Он решил мне помочь и низко поклонился:

– Федор Каминский.

– Прости. Долгая ночь.

– Могу представить.

«Надеюсь, нет», – подумала я с легким смущением.

– Похоже, Дарклинг оказался прав, – сказал он с улыбкой.

– Что, прости? – выдавила я.

– Ты была так уверена, что ты не гриш.

Я ухмыльнулась в ответ.

– Есть у меня привычка безнадежно ошибаться.

У Федора едва хватило времени рассказать мне о новом задании у южной границы, как его оттеснила новая волна нетерпеливых гостей, ожидающих своей очереди познакомиться с заклинательницей Солнца. Я даже не поблагодарила его за то, что он спас мою жизнь в той долине.

Еще с час я болтала и улыбалась людям, но как только выдалась свободная минутка, объявила страже, что хочу уйти, и кинулась к выходу. Стоило выйти из зала, как я почувствовала себя лучше.

Ночной воздух приятно охлаждал кожу, звезды ярко светили в небе. Я сделала глубокий вдох, ощущая себя взволнованной и усталой, мои мысли металась от восторга к отчаянию и обратно. Если Дарклинг навестит меня ночью, что это будет значить? Мысль о том, чтобы отдаться ему, пронзила меня словно электричеством. Я не думала, что он влюблен меня, и толком не понимала собственных чувств к нему, но он хотел меня и, возможно, этого достаточно.

Я встряхнула головой, пытаясь разложить все по полочкам. Люди Дарклинга обнаружили стадо. Я должна думать об этом, о своем предназначении, о том, что мне придется убить древнее существо, о власти, которой оно меня наделит, об ответственности, которая придет с этой властью. Но думалось мне лишь о его руках на моих бедрах, о губах на моей шее, о стройном и крепком теле в темноте. Я сделала еще один глоток свежего воздуха. Разумным решением было бы запереться у себя в комнате и лечь спать. Но мне не особо хотелось быть разумной.

Проводив меня до Малого дворца, Сергей и другие вернулись на бал. В купольном зале царила тишина, в печках потрескивал огонь, лампы отсвечивали тусклым золотым сиянием.

Только я собралась пройти к главной лестнице, как резная дверь за столом Дарклинга открылась. Я спешно отступила в тень. Не хотела, чтобы Дарклинг знал, что я рано ушла с вечеринки, пока я не буду готова с ним увидеться. Но это оказалась всего лишь группка солдат, идущих через главный зал к выходу из дворца. Интересно, они ли доложили о местонахождении стада?

Свет лампы упал на последнего солдата, и мое сердце замерло.

– Мал!

Когда он обернулся, я увидела его родное лицо, и чуть не растаяла от счастья. Какой-то частью сознания я отметила его угрюмое выражение, но все это затмил восторг от встречи. Я кинулась через зал и обхватила его за шею, чуть не сбив с ног. Он восстановил равновесие и убрал мои руки, оглянувшись на наблюдающих за нами солдат. Наверное, я смутила его, но мне было плевать.

Я прыгала на носочках, чуть ли не танцуя от счастья.

– Идите, я догоню, – крикнул он им.

Некоторые подняли брови, но все же оставили нас одних, исчезнув в парадных дверях. Я открыла было рот, но не знала, с чего начать, потому сказала первое, что пришло на ум:

– Что ты здесь делаешь?

– Черт его знает, – устало ответил он, чем несказанно удивил меня. – Я должен был отчитаться перед твоим господином.

– Моим... кем? – тут до меня дошло, и я расплылась в широкой улыбке. – Это ты нашел стадо Морозова! Мне стоило догадаться.

Он не ответил на мою улыбку. Он даже не смотрел на меня. Просто отвернулся и сказал:

– Мне пора.

Я пораженно уставилась на него, мой восторг таял на глазах. Значит, я была права. Мал забыл обо мне. Вся злость и неуверенность, которые я чувствовала последние пару месяцев, накатили с новой силой.

– Прости, – холодно сказала я. – Мне жаль, что потратила твое драгоценное время.

– Я этого не говорил.

– Нет-нет, я понимаю. Ты даже на мои письма не отвечал. С чего бы тебе болтать со мной, когда тебя ждут настоящие друзья?

Он нахмурился.

– Я не получал никаких писем.

– Ну, конечно, – сердите бросила я. Он вздохнул и потер лицо.

– Нам приходится постоянно перемещаться, чтобы выследить стадо. Мое подразделение почти не контактирует с полком.

В его голосе слышалась жуткая усталость. Я присмотрелась к нему и увидела, как сильно он изменился. Под его голубыми глазами обозначились темные круги. Вдоль небритого подбородка появился длинный шрам. Он все еще был Малом, но в нем появилась незнакомая мне прежде жесточенность.

– Ты не получал мои письма?

Он покачал головой все с тем же далеким выражением на лице. Я не знала, что и думать. Мал никогда мне не врал, и как бы я сейчас ни злилась, сомневалась, что он лжет. Я помедлила.

– Мал, я... ты можешь остаться, хоть ненадолго? – в моем тоне слышалась мольба, и я ненавидела себя за это, но мысль о его отъезде претила мне гораздо больше. – Ты даже не представляешь, каково мне здесь.

Он грубо хохотнул.

– Мне и не нужно представлять. Я видел твою маленькую демонстрацию в бальном зале. Очень впечатляюще.

– Ты видел меня?

– Именно, – резко ответил он. – Ты хоть понимаешь, как сильно я о тебе беспокоился? Никто не знал, что с тобой случилось, что с тобой сделали. До тебя было невозможно добраться. Ходили слухи, что тебя пытали. Когда капитану понадобились солдаты для отчета Дарклингу, я, как идиот, вызвался, чтобы получить шанс увидеться с тобой.

– Правда? – в это было сложно поверить, ведь я приучила себя к мысли, что Мал равнодушен ко мне.

– Да, – прошипел он. – И что я обнаруживаю? Ты в целости и сохранности, танцуешь и флиртуешь, как какая-нибудь маленькая принцесска!

– Я вижу, ты разочарован! – прорычала я. – Уверена, Дарклинг может организовать для меня розги и раскаленные угли, если тебе станет лучше от этого.

Мал нахмурился и отпрянул от меня. Слезы раздражения обжигали мне глаза. Почему мы ссорились? В порыве отчаяния я положила ладонь на его руку. Его мышцы напряглись, но он не сбросил ее.

– Мал, я ничего не могу поделать с тем, как все сложилось. Я не просила об этом.

Он посмотрел на меня и быстро отвернулся. Я почувствовала, как он чуть расслабился.

– Я знаю, – и снова в его голосе прозвучала ужасная усталость.

– Что с тобой произошло? – прошептала я.

Он не ответил, уставившись в темноту коридора. Я подняла руку и прикоснулась к его небритой щеке, ласково поворачивая его лицом к себе.

– Расскажи мне.

Мал закрыл глаза.

– Не могу.

Я провела пальцами по шраму на подбородке.

– Женья могла бы убрать его. Она может... – я тут же поняла, что сказала что-то неправильное. Его глаза распахнулись.

– Меня не нужно исправлять, – резко ответил он.

– Я не это имела в виду...

Он отвел мою руку со своего лица, крепко сжал ее и впился в меня взглядом своих голубых глаз.

– Алина, ты счастлива здесь?

Вопрос сбил меня с толку.

– Я... не знаю. Иногда.

– Ты счастлива *с ним*?

Не нужно было уточнять, кого Мал имел в виду. Я открыла рот, но не знала, что ответить.

– На тебе его эмблема, – подметил парень, мельком взглянув на золотой кулон на моем вырезе. – И его цвет.

– Это просто одежда.

Его губы изогнулись в циничной ухмылке, настолько отличавшейся от знакомой и любимой улыбки, что я почти отшатнулась.

– Ты сама в это не веришь.

– Какая разница, что я ношу?

– Одежда, драгоценности, даже твой вид. *На тебе его клеймо.*

Слова подействовали на меня, как пощечина. На щеки прокрался проклятый румянец. Я выдернула пальцы из его ладони и скрестила руки на груди.

– Все не так, – прошептала я, но не осмелилась встретиться с ним взглядом. Казалось, Мал видит меня насквозь, читает все лихорадочные мысли о Дарклинге, которые когда-либо приходили мне в голову. Но по пятам за стыдом последовала ярость. Ну и что, если он знает? Какое право он имеет судить меня? Скольких девушек он зажимал в темноте?

– Я видел, как он смотрит на тебя.

– Мне *нравится*, как он смотрит на меня! – почти крикнула я.

Парень покачал головой с горькой улыбкой на губах. Мне хотелось стереть ее с его лица.

– Просто признай это, – прошипел он. – Ты в его власти.

– И ты тоже, Мал, – набросилась я в ответ. – Мы все в его власти!

Это заставило его перестать ухмыляться.

– Неправда, – яро ответил парень. – Не я. Никогда.

– О, неужели? Разве тебе не надо сейчас где-то быть, Мал? Разве тебе не дали новые приказания?

Он выпрямился, его выражение ожесточилось.

– Да. Именно так, – он резко развернулся и вышел.

С минуту я просто стояла на месте, дрожа от гнева, а затем побежала к дверному проему. Я добежала до последней ступеньки лестницы и только тогда смогла остановиться. По щекам текли слезы. Я хотела догнать его, забрать свои слова назад, умолять остаться. Но я всю жизнь бегала за Малом. А сейчас я замерла в темноте и позволила ему уйти.

Глава 15

Лишь оказавшись в своей комнате и заперев дверь на замок, я дала волю рыданиям. Скользнула на пол, прижавшись спиной к кровати, и обхватила руками колени, пытаюсь не впасть в истерику. К этому моменту Мал наверняка уже покинул дворец и ехал обратно в Цибею, чтобы присоединиться к остальным охотникам на стадо Морозова. Расстояние, увеличивающееся между нами, казалось осязаемым.

Я почувствовала, что мы отдаляемся еще больше, чем за все одинокие месяцы до этой встречи, и потеряла шрам на ладони.

– Вернись, – прошептала я, мое тело сотрясало от новых всхлипов. – Вернись.

Но он не станет. Я практически приказала ему уехать. Наверное, мы уже никогда не увидимся, и от этого было невыносимо больно. Не знаю, сколько я просидела так в темноте. В какой-то момент послышался тихий стук в дверь. Я выпрямилась, пытаюсь приглушить свои рыдания. Что, если это Дарклинг? Я не хотела его видеть, объяснять свои слезы, но что-то делать надо было, поэтому я поднялась на ноги и открыла дверь. В мое запястье мертвой хваткой вцепилась костлявая рука.

– Багра? – спросила я, вглядываясь в женщину за дверью.

– Пошли, – она потянула меня за руку и оглянулась через плечо.

– Оставьте меня в покое, – я попыталась вывернуться, но она оказалась поразительно сильной.

– Девчонка, сейчас же иди за мной! – сплюнула она. – Быстро!

Может, дело было в ее напряженном взгляде или страхе в глазах, или я просто привыкла следовать ее указаниям, но я последовала за ней из комнаты. Она закрыла за нами дверь, продолжая цепляться за мою руку.

– Что такое? Куда мы идем?

– Молчать!

Вместо того чтобы повернуть направо к главной лестнице, она потащила меня в противоположную сторону коридора. Нажала на панель в стене и открыла потайную дверь, толкнув меня внутрь. У меня не было сил с ней бороться, поэтому я, спотыкаясь, поплелась по спиральной лестнице вниз.

Каждый раз, когда я оглядывалась, она подталкивала меня. Дойдя до последней ступеньки, Багра шагнула вперед и повела меня по узкому коридору с каменным полом и гладкими деревянными стенами. Он выглядел почти голым на фоне других коридоров Малого дворца, так что я решила, что мы воспользовались служебной лестницей.

Багра снова схватила меня за руку и втянула в темную пустую комнату. Зажгла единственную свечу, заперла дверь и задвинула засов, затем пересекла комнату и встала на цыпочки, чтобы задернуть шторы на крошечном подвальном оконце.

Комната была скудно обставлена: узкая кровать, простой стул и умывальник.

– Держи, – она кинула мне стопку одежды. – Переоденься.

– Я слишком устала для занятий, Багра.

– Больше не будет занятий. Ты должна покинуть дворец. Сегодня.

Я заморгала.

– О чем вы?

– Я пытаюсь спасти тебя от рабства. Быстро переодевайся!

– Багра, что происходит? Зачем вы привели меня сюда?

– У нас мало времени. Скоро Дарклинг найдет стадо Морозова. Он найдет оленя.

– Я знаю, – сказала я и подумала о Мале. Мое сердце заныло, но я не могла побороть легкое самодовольство. – Я думала, вы не верите в стадо Морозова.

Она отмахнулась от моих слов.

– Это я ему так сказала. Надеюсь, что он забросит поиски оленя, если посчитает это просто деревенской небылицей. Но если Дарклинг доберется до него, его уже ничто не остановит.

Я раздраженно всплеснула руками.

– От чего не остановит?

– От использования Каньона в своих корыстных целях.

– Ясно. Может, он и летний домик планирует там построить?

Багра дернула меня за запястье.

– Это не шутка! – в ее голосе слышались знакомые нотки отчаяния, а хватка на моей руке причиняла боль. Что с ней такое?

– Багра, может, вам стоит сходить в лазарет...

– Я не больна и не безумна! – рявкнула женщина. – Ты должна выслушать меня.

– Так начните нормально изъясняться! Как можно использовать Каньон в своих целях?

Она склонилась ко мне, ее костлявые пальцы впились мне в кожу.

– Сделав его больше.

– Ну да, – протянула я, пытаясь вырваться из ее хватки.

– Земля, которую охватывает Неморе, была когда-то зеленой, богатой и плодородной. Теперь она мертвая и бесплодная, кишачая монстрами. Дарклинг раздвинет ее границы на север к Фьерде и на юг к Шухану. Те, кто не преклонится перед ним, будут наблюдать, как их королевство превращается в безлюдную пустошь, а подданных пожирают хищные волькры.

Я в ужасе уставилась на нее, шокированная подобной фантазией. Старуха явно лишилась разума!

– Багра, – ласково начала я, – по-моему, у вас жар. – *«Или вы полностью съехали с катушек»*. – Если мы найдем оленя, то все будет хорошо. Я помогу Дарклингу уничтожить Каньон.

– Нет! – вскрикнула она, едва не взыв от злости. – Он никогда не планировал его уничтожать! Каньон – его детище.

Я вздохнула. Ну почему она выбрала именно сегодняшний вечер, чтобы потерять рассудок?

– Каньон сотворил Черный Еретик сотни лет назад. Дарклинг...

– Он и *есть* Черный Еретик! – яростно выпалила она в миллиметре от моего лица.

– Ну, конечно, – я с некоторым усилием освободилась от ее пальцев и прошла к двери. –

Я найду вам целителя, а затем пойду спать.

– Посмотри на меня, девочка.

Я сделала глубокий вдох и повернулась, начиная терять терпение. Мне было жаль ее, но это уж слишком.

– Багра... – слова умерли в зачатке.

Из ладоней женщины струилась тьма, в воздухе плавали мотки чернильного мрака.

– Ты не знаешь его, Алина, – она впервые назвала меня по имени. – Но я знаю.

Я наблюдала, как темные спирали раскручиваются вокруг нее, и пыталась осознать, что происходит перед моими глазами. Вглядевшись в странное лицо Багры, я увидела объяснение своим вопросам. Я увидела тень однажды красивой женщины, родившей столь же прекрасного сына.

– Вы – его мать, – прошептала я.

Она кивнула.

– Я не сумасшедшая. Я единственная знаю, какой он настоящий и что замышляет на самом деле. Говорю тебе, ты должна бежать.

Дарклинг заявлял, что не знает силу Багры. Он солгал? Я потрясла головой, пытаюсь прочистить мысли, разобраться во всем этом бреде.

– Это невозможно. Черный Еретик жил сотни лет назад.

– Он служил бесчисленному количеству королей, имитировал множество смертей, ждал своего часа *и тебя*. После того, как он захватит Каньон, никто не сможет ему противостоять.

Меня пронзила дрожь.

– Нет. Он сказал, что Каньон был ошибкой. Он считает Черного Еретика сущим злом.

– Каньон не был ошибкой, – Багра опустила руки, и роящаяся вокруг нее тьма растворилась. – Единственной ошибкой были волькры. Он не предвидел их появления, не задумывался, что энергия такого масштаба может сделать с простым человеком.

У меня скрутило живот.

– Волькры были людьми?

– О да. Столетие назад. Фермеры, их жены и дети. Я предупреждала, что будут последствия, но он не слушал. Его ослепила жажда власти. Как ослепляет сейчас.

– Вы ошибаетесь, – я потеряла руки, пытаюсь отделаться от пронизывающего холода, зарождающегося во мне. – Вы лжете.

– Только волькры сдерживают Дарклинга от использования Каньона против его врагов. Они – наказание, живое свидетельство его высокомерия. Но ты это изменишь. Чудища не терпят солнечного света. Как только Дарклинг использует твою силу, чтобы приструнить волькр, он сможет безопасно проникать в Каньон. Он наконец добьется желаемого. Его сила станет безгранична.

Я покачала головой.

– Он не станет этого делать. Ни за что, – я вспомнила ночь, когда мы общались у костра в разрушенном сарае, стыд и грусть в его голосе. *«Я провел всю свою жизнь в поисках выхода из этой ситуации. Ты – мой первый проблеск надежды за очень долгое время»*.

– Он сказал, что хочет воссоединить Равку. Он сказал...

– Хватит повторять его слова! – прорычала женщина. – Он *древний*. У него было полно времени, чтобы научиться врать одиноким наивным девчонкам! – она надвинулась на меня, ее черные глаза горели. – Думай, Алина. Если Равка воссоединится, во Второй армии больше не будет нужды. Дарклинг станет просто очередным прислужником короля. О таком будущем он мечтает?

Меня начало трусить.

– Пожалуйста, перестаньте.

– Но если он овладеет Каньоном, то воцарится хаос. Он опустошит мир, и ему никогда больше не придется поклоняться королю.

– Нет.

– Все благодаря тебе.

– Нет! – прокричала я. – Я бы никогда так не поступила! Даже если вы говорите правду, я ни за что не стану ему помогать.

– У тебя не будет выбора. Сила оленя принадлежит тому, кто убьет его.

– Но он не может использовать усилитель, – слабо возразила я.

– Он может использовать *тебя*, – тихо ответила Багра. – Олень Морозова необычный усилитель. Он найдет его. И убьет. Стоит Дарклингу надеть тебе на шею его рога, как ты полностью окажешься в его власти. Ты будешь самым сильным гришом в истории, и вся эта обретенная мощь будет подчиняться его команде. Он навеки свяжет тебя с собой, и ты не сможешь воспротивиться.

Жалость в ее голосе добила меня окончательно. Жалость женщины, ни разу не позволившей мне дать слабину или отдохнуть. У меня подкосились ноги, и я рухнула на пол. Прикрыла голову руками, пытаюсь заглушить голос Багры, но слова Дарклинга эхом всплывали в памяти:

«Все мы кому-то служим. Король – ребенок. Мы с тобой изменим мир». Он соврал мне о Багре. О Черном Еретике. Может, и об олене тоже? *«Я прошу тебя довериться мне».*

Багра молила его дать мне другой усилитель, но он настоял на рогах оленя. Ожерелье – нет, ошейник из кости. И когда я оттолкнула его, он поцеловал меня и заставил забыть об олене, усилителе... да обо всем! Я вспомнила его идеальное лицо в свете фонаря, удивленное выражение, взъерошенные волосы. Все это было преднамеренно?

Поцелуй на берегу озера, обида, промелькнувшая на его лице вечером в сарае, каждый добрый жест, каждый нашептанный комплимент, даже произошедшее между нами сегодня? Я съезжилась от одной только мысли. Я все еще чувствовала его теплое дыхание на своей шее, его тихое нашептывание на ухо: *«Беда возжеления в том, что оно делает нас слабыми».* Как же он был прав! Я так отчаянно хотела найти свое место. Мне так хотелось угодить ему. Как же я гордилась, что он доверил мне свои тайны! Но я никогда не задавалась вопросом, что ему нужно на самом деле, каковы его истинные мотивы. Была слишком занята тем, что воображала себя рядом с ним, спасительницей Равки, самой заветной, самой желанной, как какая-нибудь королева!

Я облегчила ему задачу. *«Мы с тобой изменим мир. Просто подожди».* Надень симпатичное платице и жди следующего поцелуя, следующего комплимента. Жди оленя. Жди ошейника. Жди, пока я из тебя сделаю убийцу и рабыню. Дарклинг предупреждал, что век гришей подходит к концу. Стоило бы догадаться, что он не позволит этому случиться.

Я глубоко вдохнула и попыталась побороть дрожь. Подумала о бедном Алексее и всех других, кого оставили умирать в черных просторах Каньона. О пепельном песке, который когда-то был мягким грунтом. О волькрах – первых жертвах алчности Черного Еретика.

«Ты действительно думала, что я уже закончил с тобой?»

Дарклинг хотел меня использовать. Забрать единственное, что по праву принадлежало мне, мою единственную силу.

Я поднялась на ноги. Больше я не стану облегчать ему задачу.

– Хорошо, – я потянулась к кучке одежды, принесенной Багрой. – Что я должна делать?

Глава 16

Облегчение Багры можно было заметить невооруженным глазом, но она не тратила времени попусту.

– Можешь проскочить сегодня вместе с артистами. Двигайся на запад. Когда доберешься до Ос Керво, найди «Ферлорен»¹. Это керчийское торговое судно. Твой проезд уже оплачен.

Мои пальцы замерли на пуговицах кафтана.

– Вы хотите отправить меня в Западную Равку? Чтобы я пересекла Каньон в одиночку?

– Я хочу, чтобы ты исчезла, девочка. Теперь ты достаточно сильная, чтобы самой перейти Каньон. Для тебя это должно быть легко. Зачем я, по-твоему, так долго тебя тренировала?

Еще один вопрос, который я не потрудилась задать. Дарклинг приказал Багре оставить меня в покое. Я думала, что тем самым он защищал меня, но, возможно, ему просто хотелось, чтобы я оставалась слабой.

Я сбросила кафтан и натянула на голову грубую шерстяную тунику.

– Вы знали, что он задумал. С чего вы решили открыть мне правду? Почему сегодня?

– Больше некуда оттягивать. Я никогда не думала, что он найдет стадо Морозова. Это неуловимые существа, они часть изначального знания, лежащего в основе сотворения мира. Но я недооценила его людей.

«Нет, – подумала я, натягивая кожаные бриджи и ботинки. – Вы недооценили Мала».

Мала, который умел выслеживать и охотиться, как никто другой. Мала, который мог найти кролика даже под камнем. Мала, который мог отыскать оленя и, сам того не понимая, поработить меня и нас всех.

Багра протянула мне коричневый дорожный китель, отделанный мехом, объемную меховую шапку и широкий ремень. Подпоясываясь, я обнаружила притороченный к ремню кошелек с монетами и кисет с моим ножом и кожаными перчатками с зеркалами внутри.

Багра вывела меня через узкую дверь и вручила дорожный рюкзак, который я тут же закинула на плечи. Она указала на фонари Большого дворца, мелькающие вдалеке. До нас доносились звуки музыки. Меня вдруг осенило, что вечеринка была в самом разгаре. Казалось, прошли годы с тех пор, как я покинула бальный зал, но на деле прошло не больше часа.

– Ступай к садовому лабиринту и сверни налево. Не ходи по освещенным тропинкам. Часть артистов уже отбывают. Спрячься в одной из повозок. Их обыскивают только по пути во дворец, потому, по идее, все должно пройти гладко.

– По идее?

Багра меня проигнорировала.

– Когда доберешься до Ос Альты, постарайся избегать главных дорог, – она вручила мне запечатанный конверт. – Ты крепостной плотник, направляющийся в Западную Равку на встречу с новым господином. Все ясно?

– Да, – я кивнула, и мое сердце забилось в груди. – Зачем вы мне помогаете? – выпалила я. – Почему предаете собственного сына?

Она натянулась, как струна, и долго молчала, стоя в тени Малого дворца. Затем повернулась ко мне, и я испугано шагнула назад, потому что увидела ее, так ясно, как если бы сама стояла на краю – это пропасть: бездонная, черная, зияющая, бесконечная пустота жизни, длящейся слишком долго.

– Много лет назад, – тихо начала она. – Еще до того, как он придумал Вторую армию, до того, как он отрекся от своего имени и стал Дарклингом, он был просто гениальным, талантливым мальчиком. Я сделала его честолюбивым. Я сделала его гордым. Когда пришло время,

¹ В переводе с немецкого языка «пропавший».

я должна была стать той, кто остановит его, – ее лицо омрачилось такой болезненной и грустной улыбкой, что мне стало трудно смотреть. – Ты считаешь, что я не люблю сына. Люблю, и именно поэтому я не дам ему совершить непростительное.

Багра оглянулась на дворец.

– Утром я приставлю к твоей двери слугу, который подтвердит, что ты больна. Попытаюсь выиграть для тебя время.

Я прикусила губу.

– Нужно приставить слугу сегодня. Дарклинг может... проведать меня.

Я ожидала, что Багра начнет насмехаться надо мной, но она просто покачала головой и тихо сказала:

– Глупая девчонка.

Лучше бы она меня презирала.

Оглянувшись на окружающие земли, я задумалась, что же ждет меня впереди. Действительно ли я собиралась это сделать? Пришлось подавить нарастающую панику.

– Спасибо, Багра, – сглотнула я. – За все.

Та лишь хмыкнула.

– Иди, девочка. Поспеш и будь осторожна.

Я повернулась к ней спиной и побежала. Бесконечные тренировки с Боткиным помогли мне изучить территорию. Я была благодарна за каждую пробежку до седьмого пота, пока мчалась по газонам между деревьев. Багра послала мне вслед густые щупальца тьмы, чтобы скрывали меня от чужих глаз, пока я направлялась на задворки Большого дворца. Интересно, Мария и Надя все еще танцуют там? Гадает ли Женя, куда я подевалась? Пришлось выкинуть эти мысли из головы. Я боялась слишком много думать о происходящем – о том, что я оставляла позади.

Театральная труппа грузила в вагончик реквизит и костюмы, а их возница хватался за поводья и кричал, чтобы поторапливались. Один из артистов запрыгнул на козлы, а другие устроились в маленькой тележке с пони, отъезжающей под звон колокольчиков.

Я кинулась к повозке и пролезла между частями реквизита, укрывшись мешковатым куском ткани. Пока мы спускались по длинной гравийной дорожке и проезжали через ворота дворца, я задержала дыхание. Меня не отпускало чувство, что в любой момент кто-то поднимет тревогу и нас остановят. А затем меня с позором вытащат из вагончика.

Но колеса катились вперед, и мы загрохотали по мощеным улицам Ос Альты. Я пыталась вспомнить путь, по которому мы ехали через город с Дарклингом много месяцев назад. Но тогда я была такой усталой и напуганной, что моя память сохранила только бесполезный набор размытых образов усадеб и пыльных закоулков. Из моего укрытия было мало что видно, а выглядывать я не осмеливалась. С моей удачей в этот момент обязательно кто-нибудь будет проезжать мимо и увидит меня. Оставалось надеяться, что мое отсутствие во дворце заметят, когда я буду уже далеко. Не знаю, как долго Багра сможет поддерживать этот фарс, потому мысленно подгоняла возницу. Когда мы переехали через мост и въехали на рыночную площадь, я наконец позволила себе выдохнуть с облегчением.

Сквозь деревянные рейки вагончика поддувало, и я не могла нарадоваться утепленному кителю от Багры. Мое тело затекло от неудобной позы, но эти ощущения не шли ни в какое сравнение с испытываемым мною страхом. Я сбежала от самого могущественного мужчины в Равке! По моему следу отправят всех гришей, Первую армию и, возможно, даже Мала с его следопытами.

Каковы шансы, что я успею добраться до Каньона? И даже если смогу каким-то чудом прибыть в Западную Равку и сесть на «Ферлорен», что потом? Я останусь одна, в чужих землях, где разговаривали на неведомом мне языке, где у меня не было ни одного знакомого! Глаза защипало от слез, но я яростно вытерла их. Если начну плакать, то уже не смогу остановиться.

В предрассветные часы мы миновали мощеные улочки Ос Альты и выехали на широкую грунтовую полосу Ви. Рассвет пришел и ушел. Я периодически засыпала, но большую часть поездки страх и неудобство мешали моей дреме.

Когда солнце поднялось в зенит, а я начала обливаться потом в моем толстом пальто, вагончик вдруг остановился. Я рискнула выглянуть. Мы стояли за чем-то похожим на таверну или гостиницу, потому я осмелилась вытянуть затекшие ноги и скривилась, когда кровь прилила к пальцам. Затем дождалась, пока возница и другие члены трупы зайдут внутрь, и вышла из своего укрытия. Посчитав, что привлеку куда больше внимания, если буду пытаться красться тайком, я выпрямилась и быстро обошла здание, присоединяясь к суетливой толпе на центральной улице деревни.

Пришлось подслушать пару разговоров, но вскоре я узнала, что нахожусь в Балакирёве – маленьком городке на западе Ос Альты. Мне повезло, я двигалась в нужном направлении. Во время поездки я посчитала деньги, которые дала мне Багра, и попыталась продумать план. Быстрее всего путешествовать было бы на лошади, но одинокая девушка с достаточным количеством монет, чтобы купить жеребца, привлечет много внимания. Можно украсть лошадь, но я понятия не имела, как это проверить. В итоге решила просто идти дальше.

На выходе из города я остановилась у рыночных прилавков и купила твердый сыр, хлеб и вяленое мясо.

– Кто-то проголодался? – спросил старый беззубый торговец, внимательно меня разглядывая, пока я засовывала еду в рюкзак.

– Мой брат. Ест, как свинья, – я притворилась, что машу кому-то в толпе, и крикнула: – Уже иду!

Оставалось надеяться, что он запомнит меня как девушку, путешествующую с семьей, или же вообще не запомнит. Ночь я провела на чистеньком сеновале неподалеку от Ви. Это, конечно, не сравнить с моей прекрасной кроватью в Малом дворце, но я была благодарна за уют и успокаивающие звуки окружавших меня животных. Тихое мычание и шорох коров не давали мне почувствовать себя одинокой, пока я лежала на боку, используя рюкзак и меховую шапку в качестве подушки.

«Что, если Багра ошиблась? – беспокоилась я. – Вдруг она солгала? Или просто сделала неправильные выводы? Я могла бы вернуться во дворец. Спать в своей кровати, ходить на тренировки с Боткиным и болтать с Женей».

Какие соблазнительные мысли... Если вернусь, простит ли меня Дарклинг? Хотя, да что это со мной?! Он хотел нацепить на меня ошейник и сделать своей рабыней, а я мечтала о его прощении?

Я перекатилась на другой бок, злясь на саму себя. В глубине души я знала, что Багра права. Вспомнились слова, брошенные Малу: «Мы все в его власти!» Сказано это было в порыве злости, необдуманно, мне просто хотелось задеть его гордость. Но на деле я была так же права, как Багра. Дарклинг безжалостен и опасен, но все это было мной проигнорировано, поскольку я была рада поверить в свою якобы великую судьбу и в то, что он хотел меня. *«Почему бы тебе просто не признать, что ты хотела ему принадлежать?»* – ерничал голос в моей голове. – *Почему бы не признать, что часть тебя все еще этого хочет?»*

Я отказывалась думать об этом. Попыталась представить, что мне принесет следующий день и какой путь на запад был бы самым безопасным. Старалась думать о чем угодно, кроме его серых, как штормовые тучи, глаз.

* * *

Следующий день и ночь я путешествовала по Ви, прячась в повозках, идущих в сторону Ос Альты. Но я знала, что Багра не сможет долго сдерживать Дарклинга – двигаться по

основной дороге становилось слишком рискованно. И дальше я придерживалась лесов и полей, шагая по охотничьим путикам и торным тропам скота.

Пешком я передвигалась слишком медленно. Ноги болели, на пальцах появились мозоли, но я продолжала свой путь на запад, следуя траектории солнца в небе.

В очередную ночь я натянула шапку на уши и завернулась в китель, прислушиваясь к урчанию живота и мысленно рисуя в голове карту, вспоминая те маршруты, над которыми я когда-то работала в уютной палатке. Я прочертила свой медленный путь из Ос Альты в Балакирёв, обогнув по дороге маленькие деревни – Черницын, Керский и Полвость – и стараясь не потерять надежду. До Каньона предстоял долгий путь, но все, что я могла сделать – продолжать идти и надеяться на удачу.

– Ты все еще жива, – прошептала я себе в темноте. – Все еще свободна.

Время от времени мне встречались фермеры и другие путники. Я надевала перчатки и держалась рукой за нож на случай беды, но на меня не обращали внимания. Еще я постоянно испытывала голод. Охотник из меня никудышный, потому приходилось довольствоваться той скудной едой, которую я купила в Балакирёве, водой из ручейков, а иногда даже яйцами или яблоками, украденными с одиноких ферм.

Я понятия не имела, что ждет меня в будущем и в конце этого изнурительного путешествия, но не чувствовала себя несчастной. Всю жизнь я была одиночкой, при этом умудряясь никогда не оставаться одна. Как оказалось, это совсем не так страшно, как я себе представляла.

В то же время, когда как-то утром я набрела на небольшую беленую церквушку, то не смогла удержаться и проскользнула внутрь, чтобы послушать мессу священника. По окончании он предложил помолиться за прихожан: за сына одной из женщин, раненного в бою, за больного ребенка и за здоровье Алины Старковой. Тут я вздрогнула.

– Пусть святые защитят заклинательницу Солнца, – произнес священник. – Ту, что была нам послана, дабы спасти от зла Тенистого Каньона и воссоединить всю нашу нацию.

Я с трудом сглотнула и быстро сбежала из церкви. *«Пока они молятся за тебя, – не покидали меня мрачные мысли. – Но если все пойдет по плану Дарклинга, то ты станешь объектом их ненависти»*. Возможно, я этого заслуживала. Разве не я бросила Равку и народ, который в меня верил? Только моя сила могла уничтожить Каньон, а я кинулась в бег.

Я тряхнула головой. Не время думать об этом. Я предательница и изгнанница. Когда освобожусь от пут Дарклинга, тогда и побеспокоюсь о будущем Равки.

Я поспешно взобралась по тропинке в лес, преследуемая звоном колоколов. Представив карту, поняла, что скоро окажусь в Раевости, так что самое время решать, как лучше всего добираться до Тенистого Каньона. Можно пойти вдоль реки или штурмовать Петразой – каменную гряду, лежащую на северо-западе. Держаться реки было бы проще, но тогда придется проходить мимо густонаселенных мест. Путь через горы вел напрямик, но пройти его было значительно сложнее. Я колебалась до тех пор, пока не дошла до перекрестка в Шуре – где выбрала маршрут через горы. Придется сделать остановку в Раевости, прежде чем направиться к предгорьям. Это самый большой из речных городов, и попадаться там на глаза было большим риском, но я понимала, что не смогу перейти Петразой без дополнительной пищи и какой-нибудь палатки или спального мешка.

После стольких дней, проведенных наедине с собой, шум и гам людных улиц и каналов Раевости казались мне странными. Я держала голову опущенной и натянула шапку на глаза, ожидая увидеть плакаты со своим лицом на каждом фонарном столбе или витрине. Но по мере продвижения по городу я все больше расслаблялась. Может, новость о моем исчезновении еще не успела распространиться так далеко.

От запаха жареного ягненка и свежего хлеба потекли слюнки, и я наградила себя яблоком, обновив запасы твердого сыра и вяленого мяса. Затем привязала новый спальный мешок к рюкзаку и попыталась понять, каково мне будет подниматься в гору с такой тяжестью. Погру-

жившись в эти мысли, я повернула за угол и чуть не врезалась в группу солдат. Мое сердце зашлось галопом при виде их длинных оливковых плащей и ружей за спинами. Хотелось развернуться и припустить в противоположную сторону, но я опустила голову и через силу пошла обычным шагом. Миновав их, рискнула оглянуться. Они не смотрели мне вслед с подозрением. Сказать по правде, они вообще ничего не делали. Просто болтали и шутили, один даже свистнул девушке, развешивающей стирание белье.

Я свернула в переулок и перевела дыхание. Что происходит? Я сбежала из дворца около недели назад. К этому времени уже должны были поднять тревогу. Я была уверена, что Дарклинг отправит всадников в каждый полк каждого города. Меня должны искать все члены Первой и Второй армий!

Покидая Раевость, я встретила еще солдат. Некоторые были в увольнении, другие при исполнении, но ни один не искал меня. Не знаю, какие из этого можно сделать выводы. Может, надо благодарить за это Багру? Вдруг ей удалось убедить Дарклинга, что меня украли или даже убили фьерданцы? Или он думал, что я уже продвинулась дальше на запад. Я решила не испытывать судьбу и поспешила найти дорогу из города. Времени ушло больше, чем ожидалось, и до западной окраины я добралась только к ночи. Темные улицы пустовали, не считая парочки сомнительных таверн и старого пьяницы, прислонившегося к зданию и тихо напевающего себе под нос.

Когда я проходила мимо шумной гостиницы, дверь распахнулась и тучный мужчина вывалился наружу под громкие звуки музыки и вспышки яркого света. Он схватился за мой китель и прижал ближе к себе.

– Привет, красавица! Пришла, чтобы согреть меня? – я попыталась вырваться. – А ты сильная для такой хрупкой девушки!

Я почувствовала смрад прокисшего пива в его дыхании.

– Отпустите, – строго сказала я.

– Не будь такой суровой, лапушка, – у него заплетался язык. – Мы с тобой могли бы повеселиться...

– Я сказала, отпустите! – и толкнула его в грудь.

– Пока рано, – ухмыльнулся он, потащив меня в темную алею у таверны. – Хочу кое-что тебе показать.

Я взмахнула запястьем и почувствовала приятный вес зеркала, проскользнувшего между пальцами. Затем выставила ладонь, и свет быстрой вспышкой отразился в его зрачках. Мужчина временно ослеп и тяжело закряхтел, закрывая глаза руками. Освободившись, я решила применить метод Боткина: со всей силы пнула его под колено и поддела ногой за лодыжку, – он потерял равновесие и с глухим звуком рухнул на землю.

В этот момент боковая дверь таверны открылась. Появился солдат в униформе – в одной он нес кружку кваса, а другой поддерживал полураздетую женщину. Я с ужасом отметила, что на нем чернильная униформа стража Дарклинга. Он обвел мутным взглядом сцену: мужчину на земле и меня над ним.

– Что здесь происходит? – проямлил он. Девушка крепче схватилась за его руку.

– Я ослеп! – завопил мужчина. – Она ослепила меня!

Опричник перевел взгляд с него на меня. Мы встретились глазами, и на его лице отразилось узнавание. Удача от меня отвернулась. Может, никто другой меня и не искал, но это точно не касалось стражей Дарклинга.

– Ты... – прошептал он.

Я побежала, кинувшись по переулку в лабиринт узких улочек. Сердце скакало в груди. Миновав последние постройки Раевости, я прыгнула в придорожные кусты. Ветки хлестали меня по щекам и лбу, пока я углублялась все дальше в лесную чащу. Позади слышались звуки погони: мужчины перекрикивались между собой, с глухим гулом прочесывая лес. Мне хоте-

лось бежать вслепую, но я все же заставила себя остановиться и прислушаться. Они были к востоку от меня и искали у дороги. Трудно было сказать, сколько всего их собралось. Я задержала дыхание и неожиданно услышала журчание воды. Поблизости должен был находиться ручей, приток реки. Если доберусь до него, то смогу замести следы, а в темноте меня отыскать станет практически невозможно. Я пошла на шум, периодически останавливаясь, чтобы проверить курс. Затем поползла по очень крутому холму, подтягиваясь с помощью веток и вылезших корней деревьев.

– Вон она! – крикнул голос внизу. Оглянувшись через плечо, я увидела, как через лес к основанию холма движутся светлые зайчики-фонарики. Я буквально впилась в ведущую вверх тропу, земля скользила между пальцами. Каждый вдох обжигал легкие. Добравшись до вершины, я подтянулась к краю обрыва и глянула вниз. Приметив блеск луны на поверхности ручья, я почувствовала прилив надежды. Затем съехала по крутому склону, отклоняясь назад, чтобы хоть как-то удержать равновесие и двигаться максимально быстро. Из-за спины доносились крики, и, оглядываясь, я видела силуэты своих преследователей на фоне ночного неба. Они добрались до вершины холма.

Меня охватила паника, и я бросилась бежать вниз по склону; галька градом осыпалась в ручей. Склон оказался слишком крутым. Я оступилась и полетела вперед, разбив обе ладони при жестком приземлении. Мне не удалось остановиться, и я кувыркнулась в ледяную воду.

На долю секунды показалось, что мое сердце остановилось. Холод ледяной рукой сжал мое тело в безжалостной хватке. Затем я вынырнула на поверхность и вдохнула драгоценный воздух, прежде чем течение снова потянуло меня на дно. Не знаю, как далеко меня унесло. Все мои мысли были заняты мечтой о следующем вдохе и тем, что мои конечности онемели. Наконец, когда я уже подумала, что никогда не вынырну, течение вынесло меня в спокойную тихую заводь. Я уцепилась за камень и вытащила себя на отмель. Встала на ноги, скользя подошвами по гладким речным камням и горбясь под весом промокшего кителя. Не знаю, как мне это удалось, но я продолжила путь в лес и успела затащить себя в заросли кустарника, прежде чем рухнуть на землю, дрожа от холода и откашливая речную воду.

Эта ночь была достойна звания худшей в моей жизни! Китель насквозь промок. Ноги окоченели в ботинках. Я вздрагивала от любого звука, боясь, что меня найдут. Меховая шапка, рюкзак с едой и новый спальный мешок затерялись где-то в ручье, так что моя провальная экскурсия в Раевость прошла впустую. Мешочек с деньгами пропал. Хоть нож все еще был прикреплен к бедру!

Где-то к рассвету я позволила себе призвать немного света, чтобы высушить ботинки и согреть озябшие руки. После этого задремала и видела сон о Багре, приставившей мой нож к моему же горлу, ее хриплый смех эхом раздавался в ушах.

Проснувшись я от собственного сердцебиения и шороха неподалеку. Засыпала я в укрытии, прижавшись к стволу дерева за кустами. С моего места никого не было видно, но вдалеке слышались голоса. Я замешкала и замерла на месте, не зная, что делать дальше. Если шевельнусь, то рискую выдать свое местоположение, а если затихну, то меня все равно найдут – это всего лишь вопрос времени.

Мое сердце забилось быстрее, когда звуки раздались совсем рядом. Сквозь листву я разглядела коренастого бородатого солдата. В его руках было зажато ружье, но я знала, что меня ни за что не убьют. Я была слишком важна. Это давало мне преимущество. *«Тебя не схватят, – пришла мне в голову мысль с внезапной уверенностью. – Ты не вернешься назад»*. Я крутанула запястьем, и в мою левую руку скользнуло зеркальце. Другой рукой достала нож, ощутив вес стали гришей в моей ладони. Тихо присев на корточки, я стала выжидать, прислушиваясь. Я была напугана, но с удивлением поняла, что часть меня сгорает от нетерпения.

Я наблюдала сквозь листву, как бородатый наматывает круги, пока не останавливается буквально в шаге от меня. По шее солдата текла капля пота, солнечный свет блестел на дуле

ружья, и на секунду мне показалось, что он смотрит прямо на меня. Но тут из глубины леса раздался клич, на который солдат ответил:

– Ничего!

А затем, к моему восторгу, развернулся и ушел.

Я прислушивалась к звукам удаляющихся шагов, голосов, шума. Неужели я настолько везучая? Может, они каким-то чудом спутали след животного или другого путника с моим? Или это какой-то трюк? Я ждала, дрожа всем телом, пока из всех звуков осталась только привычная тишина леса, нарушаемая лишь криками животных и птиц и шорохом ветра в деревьях.

Наконец я спрятала зеркальце обратно в перчатку и сделала глубокий вдох. Убрав нож в ножны, я медленно распрямилась. Потянулась за влажным кителем, валяющимся на земле, и замерла при безошибочном звуке тихих шагов позади. Я развернулась с выбивающимся из груди сердцем и увидела человека, частично скрытого за ветками, всего в паре шагов от меня. Я так сосредоточилась на бородаче, что не додумалась поискать кого-то у себя за спиной. В тот же момент нож вновь оказался у меня в руке, а зеркало было поднято над головой. Мужчина бесшумно вышел из-за деревьев. Я уставилась на него во все глаза. Должно быть, у меня галлюцинации, но это был... Мал!

Я открыла было рот, но он предостерегающе прижал палец к губам и припечатал меня взглядом. Затем замер, прислушался и жестом показал мне следовать за ним, растворяясь в зарослях. Я схватила китель и поспешила вдогонку, изо всех сил пытаюсь не отставать. Задача не из легких, между прочим! Он двигался без единого шороха, тенью проскальзывая между веток, будто видел тропы, недоступные чужому взгляду. Он вывел меня обратно к ручью, на мелководье, где мы смогли спокойно его перейти. Я скривилась, когда ледяная вода вновь проникла в мои ботинки. Выйдя на другой стороне, мы начали ходить кругами, чтобы спутать следы.

Меня распирало от вопросов, а мысли путались, скача с одной догадки на другую. Как Мал нашел меня? Искал ли он меня с другими солдатами? Он помогал мне, но что это значило? Мне хотелось прикоснуться к нему, чтобы убедиться, что он настоящий. Обвить его руками и выпалить слова благодарности. Засветить ему фингал под глазом за все, что он наговорил мне той ночью в Малом дворце.

Несколько часов мы бродили в полной тишине. Время от времени он делал мне знак остановиться и я ждала, пока он скрывался в кустах, чтобы замести наши следы. Где-то после полудня мы начали взбираться по скалистой тропе. Я не знала точно, куда принесло меня течением, но была практически уверена, что Мал ведет меня в Петразой.

Каждый шаг отдавался болью. Ботинки еще не высохли, и на ступнях начали появляться новые мозоли. Ночь, проведенная в лесу, оставила о себе память в виде пульсирующей головной боли, тело ослабло от недоедания, но я не собиралась жаловаться. Я молча шла сначала по горной тропе, а когда та закончилась, стала карабкаться по скалам, пока ноги не задрожали от усталости, а в горле не пересохло от жажды.

Когда Мал наконец объявил привал, мы были уже высоко в горах, скрытые от глаз в огромной каменной расщелине среди нескольких чахлах сосен.

– Здесь, – сказал он, роняя рюкзак на землю. Затем ловко скользнул обратно вниз по скале, чтобы скрыть следы, оставленные моим неуклюжим восхождением.

Я благодарно осела на землю и закрыла глаза. Ноги гудели от напряжения, но я боялась, что, если разуюсь, то уже никогда не обуюсь снова. Я опустила голову, но не могла позволить себе заснуть. Еще рано. В моем мозгу роились тысячи вопросов, но лишь один не мог подождать до утра.

Уже смеркалось, когда Мал вернулся, неслышно ступая по земле. Он сел напротив меня и достал флягу из рюкзака. Сделав глоток, вытер рот ладонью и передал мне воду. Я жадно стала глотать.

– Помедленней. Это все, что у нас осталось до завтра.
– Прости, – я вернула флягу.
– Сегодня слишком рискованно разводить костер, – он всмотрелся в сгущающуюся темноту. – Может, завтра.

Я кивнула. Китель успел высохнуть, пока мы взбирались на гору, только рукава все еще оставались немного влажными. Я чувствовала себя помятой, грязной и замерзшей. Но более всего меня занимало чудо, сидящее прямо передо мной. Впрочем, и это сейчас было не главное. Я боялась услышать ответ, но не могла не спросить:

– Мал, – подождала, пока он обратит на меня внимание. – Ты нашел стадо? Ты поймал оленя Морозова?

Он похлопал рукой по колену.

– Почему это так важно?

– Долгая история. Мне нужно знать, олень у него?

– Нет.

– Но они близки к поимке?

Он кивнул.

– Но...

– Но что?

Мал помедлил с ответом. В остатках дневного света я увидела тень его дерзкой улыбки, знакомой мне с самого детства.

– Я не думаю, что они найдут его без меня.

Я подняла бровь.

– Потому что ты настолько хорош?

– Нет, – он снова посерьезнел. – А, может, и да. Не пойми меня превратно. Они хорошие следопыты, лучшие в Первой армии, но... нужно особое чутье, чтобы отследить стадо. Это необычные животные.

«А ты необычный следопыт», – подумала я, наблюдая за ним. Вспомнились слова Дарклинга о том, что, бывает, мы сами не осознаем свой дар. Может ли быть так, что талант Мала – не просто результат удачи и практики? Он определенно никогда не страдал от недостатка уверенности, но вряд ли тут дело в тщеславии.

– Надеюсь, ты прав, – пробормотала я.

– Теперь ты ответь на мой вопрос, – в его голосе появилась суровость. – Почему ты сбежала?

Тут меня впервые осенило, что Мал понятия не имел, зачем я покинула Малый дворец и почему меня искал Дарклинг. При нашей последней встрече я, по сути, приказала ему сгинуть с моих глаз, но он все равно все бросил и пришел за мной. Он заслуживал объяснений, но я не знала, с чего начать. Вздохнула и провела рукой по лицу. Во что я нас втянула?

– Если я скажу, что пытаюсь спасти мир, ты мневеришь?

Он окинул меня тяжелым взглядом.

– Так это не какая-нибудь любовная ссора, после которой ты решила демонстративно сбежать, чтобы вернуться через некоторое время?

– Нет! – удивленно воскликнула я. – Все совсем не... мы не... – у меня пропал дар речи, и я просто рассмеялась. – К сожалению, все не так просто.

Мал замолчал на долгое время. Затем, словно приняв какое-то решение, произнес:

– Хорошо, – встал, потянулся и повесил ружье на плечо. Достал плотный шерстяной плед из рюкзака и кинул его мне. – Тебе стоит отдохнуть. Я покараулю первым.

Затем повернулся ко мне спиной, вглядываясь в луну, взошедшую над оставленной позади долиной. Я свернулась калачиком на твердой земле, подоткнув одеяло вокруг себя,

чтобы согреться. Несмотря на неудобства, мои веки тут же отяжелели, а изнеможение потянуло меня в мир грез.

– Мал, – прошептала я в ночь.

– Что?

– Спасибо, что нашел меня.

Не уверена, что мне это не привиделось, но откуда-то из темноты послышался ответный шепот:

– Я всегда тебя найду.

И тут я провалилась в сон.

Глава 17

Мал позволил мне отоспаться и караулил всю ночь. Утром он вручил мне кусочек вяленого мяса и просто сказал:

– Выкладывай.

Я не знала, с чего начать, потому сразу перешла к худшей части:

– Дарклинг собирается превратить Тенистый Каньон в свое оружие.

Парень даже не моргнул.

– Как?

– Распространив его по всей Равке, Фьерде и другим странам, которые окажут сопротивление. Но он не сможет сделать это без моей помощи: больше некому сдерживать волькр. Как много тебе известно об олене Морозова?

– Немного. Просто, что он очень ценен, – он окинул взглядом долину. – И что он предназначен для тебя. Мы должны были найти стадо и поймать оленя, но ни в коем случае не убивать его.

Я кивнула и попыталась объяснить то небольшое, что я знала о функциях усилителей, как Иван убил шерборнского медведя, а Мария – северного тюленя.

– Гриш должен сам добыть усилитель, – закончила я. – Та же ситуация с оленем, но он никогда не предназначался мне.

– Давай пройдемся, – неожиданно предложил Мал. – Можешь рассказать мне все остальное по дороге. Я хочу забраться повыше в горы.

Он засунул плед в рюкзак и сделал все возможное, чтобы скрыть признаки нашего пребывания здесь. Затем повел меня по крутой скалистой тропе. Его лук был привязан к рюкзаку, но ружье он держал в руках на изготовку. Мои ноги ныли при каждом шаге, но я покорно следовала за Малом, пытаясь как можно подробнее изложить свою историю. Повела ему все, что узнала от Багры: об истоках Каньона, об ошейнике Дарклинга, который помог бы ему управлять моей силой и, наконец, о корабле, ожидающем в Ос Керво.

– Не стоило тебе слушать Багру, – сказал он, когда я закончила рассказ.

– Как ты можешь так говорить? – воскликнула я. Мал внезапно повернулся, и я едва не врезалась в него.

– Что, по-твоему, произойдет, если ты доберешься до Каньона? Если сядешь на этот корабль? Думаешь, его сила распространяется лишь до берега Истиноморя?

– Нет, но...

– Это всего-навсего вопрос времени, когда он найдет тебя и нацепит ошейник на шею, – он повернулся и зашагал по тропинке, оставляя меня в ступоре позади.

Я заставила себя сдвинуться с места и спешно догнала друга. Может, в плане Багры было много недочетов, но разве у нас были другие варианты? Я вспомнила ее крепкую хватку, страх во взволнованных глазах. Она никак не ожидала, что Дарклинг найдет стадо Морозова. В ночь зимнего бала она запаниковала, но все равно попыталась мне помочь. Будь она столь беспощадной, как ее сын, то обошлась бы без риска и перерезала бы мне глотку.

«И тогда, наверное, нам всем было бы лучше», – посетили меня мрачные мысли.

Долгое время мы шли молча, поднимаясь все выше в горы. В некоторых местах тропа становилась такой узкой, что я распластывалась по скале, цепляясь за незаметные уступы и делала крошечные шажки, надеясь на благоволение святых. Около полудня мы спустились по первому склону и начали взбираться на второй – к несчастью, он оказался более крутым и высоким, чем предыдущий. Я смотрела на тропу прямо перед собой, переставляла ноги одну за другой и пыталась избавиться от ощущения безнадежности.

Чем больше об этом думала, тем больше беспокоилась, что Мал прав. Меня преследовало чувство, что я обрекла нас обоих. Я нужна Дарклингу живой, но что он сделает с ним? И так, сосредоточившись на своих страхах и своем будущем, я вдруг задумалась, на что Малу пришлось пойти и от чего отказаться. Теперь ему никогда не вернуться в армию, к друзьям, к должности следопыта. Более того, его обвинят в дезертирстве, может, даже в измене, а наказание за это – смерть.

К вечеру мы забрались так высоко, что даже редкие чахлые деревья исчезли, а земля местами была покрыта зимней изморозью. Наш скромный ужин состоял из твердого сыра и тягучей вяленой говядины. Мал все еще считал, что разводить костер небезопасно, потому мы молча укутались в плед, сгрудившись плотно плечом к плечу. Я почти уснула, когда Мал внезапно произнес:

– Завтра я отведу нас на север.

Мои глаза распахнулись.

– На север?

– В Цибею.

– Ты хочешь отправиться за оленем?! – я не верила своим ушам.

– Я знаю, что смогу его найти.

– Если Дарклинг еще не нашел!

– Нет, – парень покачал головой. – Он все еще на свободе. Я чувствую.

Это до ужаса напомнило мне слова Дарклинга, сказанные по пути в хижину Багры: «Олень предназначен для тебя, Алина. Я чувствую».

– А вдруг Дарклинг найдет нас первым?

– Ты не можешь провести остаток жизни в бегах, Алина. Ты сама сказала, что олень сделает тебя сильной. Хватит ли этой силы, чтобы побороть его?

– Возможно.

– Тогда мы просто обязаны это сделать.

– Если нас поймают – тебя убьют.

– Знаю.

– Ради Святых, Мал! Зачем ты пошел за мной? О чем ты думал?

Он вздохнул и провел рукой по коротким волосам.

– Ни о чем не думал. Мы были на полпути обратно в Цибею, когда пришел приказ вернуться и выследить *тебя*. Я это и сделал. Тяжелее всего было сбить остальных с твоего следа, особенно после того, как ты фактически объявила о своем присутствии в Раевости.

– И теперь ты дезертир.

– Да.

– Из-за меня.

– Да.

Мое горло жгло от сдерживаемых слез, но голос не дрожал:

– Я не хотела, чтобы так случилось.

– Я не боюсь умереть, Алина, – сказал он суровым и уверенным голосом, показавшимся мне незнакомым. – Но мне хотелось бы дать нам шанс в этой борьбе. Мы должны найти оленя.

Долгое время я обдумывала его слова и, в конце концов, согласилась:

– Хорошо.

В ответ мне донесся лишь храп. Мал уже заснул.

* * *

Следующие пару дней мы двигались в быстром темпе, но моя гордость и, возможно, страх, не позволяли просить Мала замедлить шаг. То и дело нам встречались козы, спускаю-

щиеся вниз по уступам, а одну ночь мы провели у завораживающе синего горного озера, но это были редкие перерывы в монотонности мрачных скал и свинцового неба.

Угрюмое молчание Мала тоже никак не помогало. Мне хотелось разузнать, как так вышло, что его наняли отслеживать оленя для Дарклинга, и какой была его жизнь последние пять месяцев, но на все вопросы он отвечал неоднозначно и коротко, если вообще их не игнорировал.

Когда я вконец выбивалась из сил или чувствовала сильный голод, то обиженно смотрела ему в спину и размышляла, не дать ли ему хорошенький подзатыльник – может, хоть так обращаю на себя внимание. Но большую часть времени я просто беспокоилась. Беспокоилась, что Мал жалел о своем решении пойти за мной. Беспокоилась, что найти оленя на просторах Цибеи окажется невозможным. Больше всего меня волновало, что Дарклинг сделает с Малом, если нас поймают.

Когда мы начали спускаться по северо-западному склону Петразоя, я не могла нарадоваться, что наконец покидаю пустынные горы и их холодные ветра. Мое сердце екнуло, когда мы добрались до линии деревьев и зашли в приветливый лес. После нескольких дней ходьбы по твердым камням было приятно почувствовать мягкую подстилку из сосновых иголок под ногами, услышать шорох животных в подлеске и вдохнуть воздух, насыщенный ароматом хвои.

Мы сделали привал у бурлящего ручья, и, когда Мал отправился за ветками для костра, мне хотелось запеть от радости. Я призвала крошечный концентрированный луч света, чтобы разжечь огонь, но моего друга это не особо впечатлило. Он исчез за деревьями и вернулся с кроликом, которого мы освежали и пожарили на ужин. С хмурым выражением Мал наблюдал, как я уплетаю свою порцию, а затем, так и не наевшись, вздыхаю.

– Тебя было бы куда легче прокормить, не нагулай ты аппетит во дворце, – проворчал он, доедая остатки и вытягиваясь на спине, заложив руку под голову. Я промолчала. Впервые с момента, как я покинула дворец, мне было тепло, и ничто не могло испортить эту благодать. Даже его храп.

* * *

Нам необходимо было пополнить запасы, прежде чем мы направимся на север в Цибею, но у нас ушло полтора дня, чтобы найти охотничью тропу, которая привела к одной из деревень, расположенных на северо-западе от Петразоя. Чем ближе мы были к цивилизации, тем больше нервничал Мал. То он надолго исчезал, обгоняя меня, чтобы исследовать территорию, то заставлял нас двигаться параллельно главному тракту. Где-то около полудня он вернулся облаченный в уродский коричневый плащ и шапку из беличьего меха.

– Где ты их взял? – спросила я.

Он виновато потупил взгляд.

– Двери дома были не заперты. Но я оставил пару монет! Должен признать, тут жутковато – все дома пусты. По дороге мне тоже никто не встретился.

– Может, сегодня воскресенье, – я потеряла счет дням еще с тех пор, как покинула Малый дворец. – И все пошли в церковь.

– Может, – согласился он. Но вид у него был обеспокоенный, когда он закапывал старый армейский китель и шляпу под деревом.

До деревни оставалось меньше мили, когда мы расслышали бой барабанов. Звук ударов становился громче по мере нашего приближения к дороге, а вскоре до нас донеслись и другие: колокольчики и скрипки, аплодисменты и смех. Мал залез на дерево, чтобы лучше видеть происходящее, и спустился уже менее озадаченный.

– Там повсюду люди! По дороге движется минимум сотня, и я разглядел двуколку!

– Масленица! – воскликнула я.

На неделе перед весенним постом каждый дворянин должен был проехаться по своей территории в двуколке, груженной сладостями, сырами и сдобой. Процессия обычно растягивалась от деревенской церкви до самой княжеской усадьбы, где крестьянам и крепостным позволялось бродить по залам, открытым для публики, и где их угощали блинами с чаем. Местные девушки надевали красные сарафаны и вплетали цветы в косы, чтобы отпраздновать наступление весны. Масленица была моим любимым праздником в детстве – в приюте отменяли половину уроков, чтобы мы могли прибраться дом и помочь с готовкой. Князь Керамзов всегда приурочивал свое возвращение из Ос Альты так, чтобы попасть на Масленицу. Мы все устраивались в его двуколке, а он останавливался на каждой ферме, чтобы выпить квас и раздать конфеты с блинами. Сидя рядом с князем и приветствуя селян, мы сами чувствовали себя дворянами.

– Мал, давай сходим посмотрим? – нетерпеливо попросила я.

Он нахмурился, и я знала, что осторожность в нем борется с одними из самых счастливых воспоминаний из Керамзина. Затем на его губах заиграла слабая улыбка.

– Ладно. Там достаточно людей, чтобы мы смогли затеряться.

Мы присоединились к толпе, текущей по дороге, проскальзывая между скрипачами, барабанщиками и девчушками, сжимающими перевязанные яркими лентами ветки. Пока мы двигались по главной улице деревни, лавочники стояли в дверях своих магазинов и звенели колокольчиками и хлопали в ладоши в такт музыкантам. Мал остановился, чтобы купить шкуры и пополнить наши запасы еды, но увидев, как он прячет кусок сыра в рюкзак, я высунула язык. Даже если я никогда больше не увижу сыр, меня все равно будет от него воротить.

Не успел Мал меня остановить, как я кинулась в толпу, протискиваясь между людьми, следующими за двуколкой с краснощеким мужиком на козлах, который покачивался из стороны в сторону, сжимая бутылку кваса в потной ладошке, напевал и раздавал хлеб толпящимся вокруг повозки крестьянам. Я вытянула руку и схватила теплую поджаристую булочку.

– Для тебя, красавица! – прокричал мужчина, чуть не сверзившись вниз.

От сладкой булочки пахло просто божественно, и я поблагодарила доброго человека, а затем поспешила вернуться к Малу, оставшись довольна собой. Он схватил меня за руку и потянул в грязный проход между двумя домами.

– Ты совсем с ума сошла?!

– Никто меня не видел. Он принял меня за очередную крестьянку.

– Нельзя так рисковать!

– Так ты не хочешь булочку?

Тут он замешкался.

– Такого я не говорил.

– Я собиралась угостить тебя, но раз ты не хочешь, придется съесть все самой...

Мал потянулся за булочкой, но я начала прыгать вправо и влево, чтобы он не достал. Я наблюдала его удивленное выражение, и мне это нравилось. Я уже не та растяпа, которой была раньше.

– Ах ты соплячка! – прорычал он, снова пытаясь отобрать еду.

– Может и так, зато у меня есть сладкая булочка.

Не знаю, кто из нас услышал это первым, но мы оба враз застыли, внезапно обнаружив непрошеную компанию. Двое мужчин подкрались к нам из-за спины в пустой подворотне. Не успел Мал развернуться, как один из них приставил нож к его шее, а второй прикрыл мне рот грязной ладонью.

– Заткнитесь оба, – прохрипел тот, что с ножом. – Или я перережу вам глотки.

У него были сальные волосы и до комичного вытянутое лицо. Я покосилась на клинок у шеи Мала и слабо кивнула. Второй мужчина крепко схватил меня за руку, но рот освободил.

– Деньги, – сказал Длиннолицый.

– Вы грабите нас?! – вспыхнула я.

– Именно, – прошипел тот, что держал меня, встряхивая меня за плечи.

Я ничего не могла с собой поделать. Меня охватило такое удивление и облегчение, что нас не поймали слуги Дарклинга, что у меня вырвался легкий смешок. Воры и Мал посмотрели на меня, как на сумасшедшую.

– Какая-то она у тебя недалекая, – сказал один.

– Да уж, – ответил Мал, пронзая меня взглядом, так и кричащим: «Заткнись!» – Есть немного.

– Доставайте монеты, – повторил Длиннолицый. – Сейчас же.

Мал осторожно полез в пальто и передал ему мешочек с деньгами. Длиннолицый хмыкнул и нахмурился от его малого веса.

– И это все? Что в рюкзаке?

– Ничего такого, только мех и еда.

– Покажи.

Мал медленно снял рюкзак и открыл его, позволяя ворах осмотреть содержимое. Сверху лежало его ружье, завернутое в шерстяное одеяло.

– Ага! – воскликнул Длиннолицый. – Какое замечательное ружье. Не так ли, Лев?

Державший меня мужчина крепко обхватил мое запястье, а второй рукой достал оружие.

– Действительно, замечательное, – прокричал он. – А рюкзак похож на армейский.

Мое сердце ухнуло в пятки.

– Итак, что мы имеем? – спросил Длиннолицый. – Риков рассказывал о пропавшем солдате из форпоста в Черноти. Поговаривают, что он отправился на юг и не вернулся. Похоже, мы поймали дезертира, – он окинул Мала оценивающим взглядом, будто уже мечтал о награде за его голову. Знал бы он правду... – Что скажешь, парень? Ты же не тот беглец, правда?

– Рюкзак моего брата, – не принужденно ответил он.

– Допустим. Мы предложим капитану Черноти посмотреть и на него, и на тебя.

Мал пожал плечами.

– Да пожалуйста. Я с радостью сообщу ему, что вы пытались нас ограбить.

Приятелю Длиннолицего похоже, эта мысль не особо понравилась.

– Давай просто заберем деньги и уйдем.

– Не-е, – протянул Длиннолицый, шурясь на Мала. – Либо он тот дезертир, либо украл рюкзак у какого-то недотепы. В любом случае, капитан хорошо заплатит за такие новости.

– А что с ней будем делать? – Второй вор снова меня встряхнул.

– От нее тоже жди неприятностей, раз она путешествует с этим типом. Скорее всего, еще одна беглянка. А если нет, то просто развлечет нас. Ведь так, конфетка?

– Не прикасайся к ней! – рявкнул Мал, делая шаг вперед.

Длиннолицый с размаху ударил Мала рукояткой ножа по голове. Тот споткнулся и припал на одно колено, а из виска пошла кровь.

– Нет! – вскрикнула я. Державший меня мужчина снова заткнул мне рот, но отпустил руку. Большого и не требовалось.

Я крутанула запястьем, и между пальцами проскользнули зеркала. Длиннолицый же навис над Малом с ножом в руке.

– Может, капитан заплатит, даже если он будет мертв, – а затем атаковал.

Я повернула зеркало и выстрелила ярким лучом ему в глаза. Мужчина замешкался, закрывая лицо руками. Мал воспользовался случаем. Он быстро встал, схватил вора и швырнул его на стену. Тот отпустил меня, чтобы взять ружье, но я развернулась, подняла зеркало и ослепила его.

– Какого... – проворчал он, шурясь. Не успел он опомниться, как я врезала коленом ему между ног. Он согнулся, а я взялась за его голову и хорошенько врезала коленом по лицу.

Послышался отвратительный хруст, и я отступила назад, а мужчина рухнул на землю, хватаясь за нос, между его пальцев лилась кровь.

– Есть! – победно воскликнула я. Жаль, Боткин этого не видел.

– Пошли! – отвлек меня Мал от ликования.

Я обернулась и увидела, что Длиннолицый валялся без сознания в грязи. Мал поднял рюкзак и побежал вглубь подворотни, подальше от шумного шествия. Второй вор стонал, но все еще держался за ружье. Я как следует пнула его в живот и кинулась за другом. Мы пробежали мимо пустых лавок и домов, снова по грязному главному тракту, а затем скрылись в лесу среди безопасных деревьев.

Мал шагал в очень быстром темпе, ведя нас через небольшой ручей, а потом и через горный хребет. Казалось, мы прошли сотни миль. Лично я не считала, что воры были в состоянии преследовать нас, но у меня уже просто не хватало воздуха, чтобы спорить.

Наконец Мал остановился, уперся руками в колени и попытался восстановить дыхание. Я упала наземь с выпрыгивающим из груди сердцем и перевернулась на спину. Кровь гудела в ушах, но это не мешало мне наслаждаться дневным светом, просачивающимся сквозь верхушки деревьев. Достаточно отдохнув, чтобы начать разговор, я поднялась на локти и спросила:

– Ты в порядке?

Мал осторожно коснулся раны на голове. Она уже не кровоточила, но он все равно скривился.

– В норме.

– Думаешь, они кому-нибудь расскажут о нас?

– Естественно. Попытаются заработать на информации.

– Ради всех святых! – выругалась я.

– Теперь ничего не поделаешь, – тут он, к моему удивлению, улыбнулся. – Где ты научилась так драться?

– Тренировки гришей, – театрально прошептала я. – На них учат древней технике удара в пах.

– Главное, что сработало.

Я захохотала.

– Боткин тоже так говорит. «Меньше показухи, больше боли», – сказала я, имитируя акцент наемника.

– Умный мужик.

– Дарклинг не считает, что гриши должны полагаться только на свою силу, – я тут же пожалела о сказанном. Улыбка Мала исчезла.

– Еще один умник, – сухо подметил он, глядя в лес, а через минуту продолжил: – Он узнает, что ты пошла не напрямик к Каньону, и поймет, что мы охотимся на оленя, – парень устал сел рядом со мной, его лицо было мрачным; в этой борьбе у нас было минимум преимуществ, и теперь мы лишились еще одного. – Не стоило мне вести нас в город.

Я толкнула его в плечо.

– Никто не мог предвидеть, что нас попытаются ограбить. Бывают же такие неудачники?!

– Это было глупо и рискованно. Мне стоило быть осмотрительнее, – он поднял ветку с земли и со злостью метнул ее вдаль.

– Зато булочка все еще у меня, – попыталась я разрядить обстановку, достав из кармана сплюснутый кусочек хлеба, завернутый в ткань. Ее слепили в форме птицы – дань возвращению стай из теплых краев, – но теперь она больше походила на скомканные носки.

Мал опустил голову, прикрыв ее руками, и облокотился на колени. Его плечи задрожали, и на долю секунды я испугалась, что он плачет, но быстро поняла, что он тихо смеялся. Все его тело содрогалось, воздух выходил резкими толчками, из глаз покатались слезы.

– Зато у нас есть булочка, – выдохнул он.

Я смотрела на него секунду, боясь, что он совсем слетел с катушек, а затем и сама залилась смехом. Пришлось прикрыть рот, чтобы приглушить звук, отчего я только сильнее зашлась. Казалось, что все напряжение и страх последних дней нашли разрядку. Мал прижал палец к губам и преувеличенно цыкнул, что вызвало у меня новую волну хохота.

– По-моему, ты сломала тому парню нос, – фыркнул он.

– Как грубо с моей стороны! Вот негодяйка!

– И не говори, – согласился он, не переставая смеяться.

– А помнишь, как сын фермера сломал тебе нос в Керамзине? – выдавила я между при-ступами смеха. – И ты решил никому не рассказывать, но заляпал кровью любимую скатерть Аны Куи?

– Ты все выдумала.

– Вовсе нет!

– Еще как да! Ты ломаешь людям носы и любишь врать!

Мы смеялись, пока не появилась одышка, пока не заболели бока, пока не закружилась голова. Не помню, когда последний раз так веселилась. Мы все-таки съели булочку. Она была посыпана сахарной пудрой и на вкус напоминала булочки из нашего детства. Когда закончили, Мал сказал:

– *Очень* вкусная булочка!

И вновь мы разразились хохотом. В конце концов он вздохнул, встал и протянул мне руку. Мы шли до наступления сумерек, а затем сделали привал у руин какого-то дома. Учитывая наш недавний прокол, Мал запретил разводить костер, поэтому ужинать пришлось запасами, купленными в деревне. Пока мы жевали вяленое мясо и этот чертов сыр, он расспрашивал меня о Боткине и других преподавателях в Малом дворце. Я не осознавала, как сильно мне хотелось поделиться с ним своими историями, пока не начала говорить.

Его было не так легко рассмешить, как раньше. Но когда Мал все же смеялся, его мрачная маска куда-то улетучивалась и он снова становился тем другом, которого я знала. Это давало надежду, что еще не все потеряно. Когда пришло время отдыхать, Мал обошел нашу стоянку по периметру, убедившись, что все спокойно, а я убрала остатки еды. В рюкзаке стало значительно просторней после потери ружья и пледа. Спасибо и на том, что лук остался.

Я подложила беличью шапку себе под голову и оставила Малу рюкзак в качестве подушки. Затем поплотнее обернулась в китель и накрылась новой шкурой. К моменту возвращения Мала я уже начала дремать, но все равно слышала, как он устроился рядом и прижался ко мне спиной. Погружаясь в сон, подумала, что до сих пор чувствую вкус сахарной булочки на языке и удовольствие от буйных взрывов веселья. Нас обокрали. Чуть не убили. Нас преследовал самый могущественный человек в Равке. Но мы снова вместе, и впервые за долгое время я засыпала с легкостью на сердце.

В какой-то момент меня разбудил храп Мала. Я пихнула его локтем в спину. Он перека-тился на бок, пробормотал что-то во сне и закинул на меня руку. Минутой позже храп возоб-новился, но на сей раз я парня не будила.

Глава 18

Нам все еще попадались на пути пучки свежей травы и даже иногда полевые цветы, но чем глубже мы заходили на север, к Цибее, тем меньше замечали признаков весны. Сосновый бор перешел в березовый лес, а затем потянулись степные просторы. Мал верил, что в этих диких землях мы сможем отыскать оленя.

Хоть Мал и жалел о нашем визите в деревню, вскоре ему пришлось признать, что это было необходимо. Ночи становились холоднее, но мы опасались разводять костер, так как поблизости была застава Черноты. Мы также не могли тратить время на ежедневную охоту, поэтому полностью положились на свои запасы и с тревогой наблюдали, как они убывают.

Что-то оттаяло между нами, и вместо того чтобы угрюмо молчать, как в Петразое, мы постоянно болтали. Малу было любопытно узнать о моей жизни в Малом дворце, о странном поведении придворных и даже теоретические основы науки гришей.

Его не удивило, что большинство гриш отзывались о короле с презрением. Судя по всему, следопыты тоже любили позубоскалить над его некомпетентностью.

– У всех фьерданцев есть казенные винтовки, которые делают двадцать восемь выстрелов в минуту. Наши солдаты тоже должны быть обеспечены ими. Если бы король был хоть каплю заинтересован в Первой армии, мы бы не зависели от гришей. Но этого никогда не будет, – пробормотал он. – Все мы знаем, кто по-настоящему правит страной.

Я ничего не ответила – пыталась избегать упоминаний о Дарклинге в разговорах. Когда же я спрашивала о времени, которое Мал провел, выслеживая оленя, он всегда находил способ перевести тему на меня. Я не давила на него. Мне было известно, что его полк пересекает границу Фьерды. Полагаю, им пришлось бороться, чтобы сбежать оттуда, и так Мал заработал свой шрам на подбородке. Но он отмалчивался.

Мы шли сквозь рощицу еще голых ив, тонкий лед хрустел под нашими ботинками, Мал указал на гнездо перепелятника, и мне внезапно захотелось просто идти так вечно. Как бы я ни жаждала горячей еды и теплой кровати, я боялась того, что случится, когда все закончится. Что, если мы найдем оленя и я заберу его рога? Как на меня повлияет столь мощный усилитель? Хватит ли мне сил, чтобы освободить нас от Дарклинга? Если бы только мы могли и дальше шагать бок о бок и спать в обнимку под звездами. Может, эти пустынные равнины и тихие рощи смогут приютить нас, как приютили стадо Морозова, и защитить от злых людей? Глупые мысли. Цибее – негостеприимное место, это дикий и пустой мир суровых зим и изнурительного лета. А мы – не странные древние существа, выходящие в мир с наступлением сумерек. Мы – Мал и Алина, и нам не удастся скрываться от наших преследователей вечно.

Мрачная мысль, крутившаяся у меня в голове на протяжении многих дней, наконец сформировалась. Я вздохнула, понимая, что слишком долго пыталась не обсуждать с Малом эту проблему. Это безответственно, и, учитывая, как сильно мы рискуем, дальше этот разговор откладывать нельзя.

Этой ночью Мал почти уснул, его дыхание выровнялось и успокоилось, прежде чем я набралась храбрости заговорить:

– Мал, – начала я. Парень тут же проснулся, все его тело напряглось, и он потянулся за ножом. – Нет, – я положила руку на его предплечье. – Все нормально. Но мне нужно кое-что с тобой обсудить.

– Сейчас? – проворчал он, падая обратно на землю и обхватывая меня рукой.

Я вздохнула. Мне хотелось просто лежать в темноте, прислушиваться к шороху травы от ветра и нежиться в ощущении безопасности, каким бы иллюзорным оно ни было. Но я знала, что это невозможно.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Парень фыркнул.

– В смысле, помимо того, чтоб дезертировать из армии, взобраться в горы и еженощно отмораживать задницу на холодной земле?

– Да.

– Хм-м, – уклончиво ответил он, и его дыхание снова стало глубоким, возвращаясь к ритму дремы.

– Мал, – громко позвала я, – если у нас ничего не выйдет... если нас поймают до того, как мы найдем оленя, ты не должен позволить *ему* схватить меня.

Он замер. Я почувствовала биение его сердца. Мал так долго молчал, что я забеспокоилась, как бы он опять не уснул.

– Ты не можешь просить меня об этом, – наконец отозвался он.

– У меня нет выбора.

Парень сел, отодвинувшись от меня, и провел рукой по лицу. Я тоже приподнялась, крепче укутываясь в шкуру и наблюдая за его силуэтом в свете луны.

– Нет.

– Ты не можешь просто отказаться.

– Ты спросила, я ответил. Нет, – он встал и отошел на пару шагов.

– Если он наденет на меня этот ошейник, ты знаешь, что будет, сколько людей умрет из-за меня! Я не могу позволить этому случиться. Я не хочу быть ответственной за их смерти.

– Нет.

– Ты должен был понимать, что это возможно, когда мы отправлялись на север.

Он повернулся, садясь передо мной на корточки, и взглянул мне в глаза.

– Я не убью тебя, Алина.

– Возможно, придется.

– Нет, – повторил Мал, качая головой и отворачиваясь. – Нет, нет, нет.

Я взяла его лицо в свои холодные ладони и повернула к себе.

– Да.

– Я не могу, Алина. Не могу!

– В ту ночь в Малом дворце ты сказал, что Дарклинг завладел мной.

Он слегка скривился.

– Я был зол. Это было не всерьез...

– Если он достанет рога, я действительно окажусь в его власти. Целиком и полностью. Он превратит меня в монстра. Прошу, Мал! Мне нужно знать, что ты не дашь этому случиться.

– Как ты можешь просить меня об этом?

– А кого еще?!

Его лицо было полно отчаяния, злости и чего-то еще, что я не смогла разобрать. Наконец он кивнул.

– Пообещай мне, Мал, – его губы поджались в тонкую линию, челюсть напряглась. Я не хотела причинять ему боль, но должна была удостовериться. – Поклянись.

– Клянусь, – ответил он хрипло.

Я глубоко вдохнула, чувствуя облегчение. Затем наклонилась, прижавшись к нему лбом, и закрыла глаза.

– Спасибо.

Мы долго так сидели, но потом Мал отклонился. Открыв глаза, я обнаружила, что он смотрит на меня. Его лицо было в паре сантиметров от моего, достаточно близко, чтобы я почувствовала тепло его дыхания. Я убрала руки с его щетинистых щек, внезапно смутившись нашей близости. Он смотрел на меня еще несколько секунд, а затем резко встал и ушел в темноту.

Я долго не могла заснуть. Мне было холодно, и я чувствовала себя такой несчастной, вглядываясь в ночь. Знала, что он где-то там, бесшумно ходит по свежей траве, неся на себе груз ответственности, которую я на него возложила. Мне было жаль, но я радовалась, что с этим покончено. Я ждала его возвращения, но, в конце концов, заснула под звездами в одиночестве.

* * *

Следующие пару дней мы провели неподалеку от Черноти, исследуя местность на признаки стада Морозова и пытаюсь не приближаться слишком близко к заставе. С каждым днем настроение Мала ухудшалось. Он ворочался во сне и практически не ел. Иногда я просыпалась от того, что он крутился и бормотал: «Где ты? Где ты?»

Парень видел следы других людей: надломанные ветки, раскиданные камешки, – то, что было невидимо моему глазу, пока он не указывал, куда смотреть, – но ни намек на оленя.

Однажды утром он разбудил меня перед рассветом.

– Вставай. Они близко, я чувствую! – он сдернул с меня покрывало и стал пихать его в рюкзак.

– Эй! – жалобно воскликнула я, едва протерев глаза и тщетно пытаюсь вернуть накидку обратно. – А как же завтрак?

Он кинул мне сухари.

– Съешь по дороге. Сегодня я хочу пойти по западному маршруту. У меня предчувствие.

– Но вчера ты хотел пойти на восток.

– Это было вчера, – Мал надел рюкзак и направился в сторону высокой травы. – Шевелись. Нужно найти оленя, чтобы не пришлось рубить тебе голову.

– Я не просила рубить мне голову, – проворчала я, протирая глаза и плетясь вслед за ним.

– Может, пронзить тебя мечом? Расстрелять?

– Я подумывала о чем-то менее кровавом, например, о сладенькой отраве.

– Ты сказала, что я должен тебя убить. Детали не прилагались.

Я показала язык ему в спину, но была рада видеть его таким воодушевленным. Наверное, это хороший знак, раз он может шутить на подобную тему. По крайней мере, я надеялась, что это шутки.

Западная тропа вела нас через рощи карликовых лиственниц и луга с дурманом и красным лишайником. Мал шел очень решительно и легко. Воздух казался влажным и прохладным, и я пару раз ловила парня на том, что он нервно поднимает взгляд в пасмурное небо, но все равно продолжает идти дальше. После полудня мы добрались до небольшого холма, плавно спускающегося к широкому плато, покрытому редкой травой. Мал зашагал по склону, направляясь то в западную сторону, то в восточную. Он поднимался и спускался, а затем снова поднимался и спускался, отчего я чуть не взвыла. Наконец он подвел нас к подветренной стороне большого скопления валунов, снял рюкзак и сказал:

– Привал.

Я кинула шкуру на промерзшую землю и присела, наблюдая, как Мал беспокойно ходит взад-вперед. В конце концов он сел рядом со мной, не сводя взгляда с плато, и опустил руку на лук. Я знала, что он представлял, как стадо вдруг появляется из-за горизонта, их белые силуэты светятся в сгущающемся сумраке, на морозе дыхание превращается в пар. Может, он просил у святых, чтобы они появились. Это место казалось подходящим для оленя – свежая трава, небольшие голубые озера, светящиеся, как монеты, в лучах заходящего солнца. Когда оно окончательно зашло, мы наблюдали, как плато постепенно окрашивается в синий цвет наступающего вечера.

Затем стали ждать, прислушиваясь к звуку собственного дыхания, стону ветра и шуму просторов Цибеи. Но солнце исчезло, а плато оставалось пустым. Взошла луна, затянутая обла-

ками. Мал не шевелился. Он словно окаменел, вглядываясь вдаль своими голубыми глазами. Я достала еще одну шкуру из рюкзака и накинула ее нам на плечи. Здесь, с подветренной стороны скалы, мы были защищены от сильного ветра, но укрытие это – так себе.

Тут Мал вздохнул и прищурился в ночное небо.

– Скоро пойдет снег. Надо было идти к лесу, но мне казалось... – он покачал головой. – Я был так уверен...

– Все нормально, – я положила голову ему на плечо. – Может, завтра.

– Наших запасов надолго не хватит, и каждый день, проведенный здесь, увеличивает шанс, что нас поймают.

– Завтра, – повторила я.

– Мы ничего не знаем. С тем же успехом *он* мог давно найти стадо и убить оленя. А сейчас просто охотится на нас.

– Я в это не верю.

Мал промолчал. Я натянула шкуру повыше и позволила крошечному лучу света засиять на моей ладони.

– Что ты делаешь?

– Мне холодно.

– Это небезопасно, – он поднял плед, чтобы спрятать золотистый свет, греющий нам кожу.

– Мы уже неделю не видели ни единой живой души. И от укрытия будет мало толку, если мы замерзнем до смерти.

Парень нахмурился, но затем вытянул руку, играя пальцами со светом, и сказал:

– Это нечто.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Михаил мертв.

Свет дрогнул в моей ладони.

– Что?

– Он мертв. Его убили во Фьерде. Дуброва тоже.

Я окаменела от шока. Они оба никогда мне не нравились, но теперь это не имело значения.

– Я не знала... – я помолчала. – Как это произошло?

Секунду я сомневалась, что он ответит или что мне вообще стоило об этом спрашивать. Мал смотрел на свет, мерцающий в моей руке, и думал о чем-то своем.

– Мы зашли далеко на север, вплоть до Вечного Мороза, а он намного дальше заставы Черноти, – тихо проговорил он. – В погоне за оленем мы добрались до самой Фьерды. Капитан решил, что несколько наших человек должны пересечь границу, замаскировавшись под фьерданцев, и продолжить искать стадо. Это было глупо и безответственно! Даже если бы нам удалось незаметно пересечь границу, что бы мы делали, найдя стадо? Нам был дан приказ не убивать оленя, поэтому мы должны были его схватить, а затем каким-то образом перенести через границу в Равку. Сумасшествие!

Я кивнула. Это действительно звучало безумно.

– В ту ночь Михаил, Дубров и я смеялись над этим, обсуждали, что это настоящее самоубийство, и что капитан – просто идиот, а затем пили за тех несчастных ублюдков, которым достанется эта работенка. Следующим утром я вызвался добровольцем.

– Почему?! – удивленно воскликнула я. Мал снова замолчал. После нескольких минут он ответил:

– Алина, ты спасла мне жизнь в Тенистом Каньоне.

– А ты спас мою, – возразила я, не до конца понимая, какое это имело отношение к их смертельной миссии во Фьерде. Но Мал меня не слышал.

– Ты спасла мне жизнь, а затем, в палатке гришей, когда тебя уводили... я ничего не сделал. Я позволил им увести тебя.

– Что ты мог сделать?

– Что-то. Что угодно.

– Мал...

Он раздраженно провел рукой по волосам.

– Знаю, звучит бессмысленно. Но так я себя чувствовал. Я не мог есть. Не мог спать. Я постоянно видел, как ты уходишь, как ты исчезаешь.

Я подумала про все те бессонные ночи в Малом дворце, когда лежала и вспоминала свою последнюю встречу с лучшим другом, как его лицо исчезло в толпе, пока страж Дарклинга вел меня к экипажу, как я гадала, не вижу ли его в последний раз. Я безумно по нему скучала, но никогда даже не предполагала, что это взаимно.

– Я знал, что мы охотимся на оленя для Дарклинга, – продолжил Мал. – Я думал... у меня появилась идея: если найду стадо, то смогу тебе помочь. Помочь вернуть все на свои места. – Он взглянул на меня, и между нами промелькнуло понимание, как сильно он был неправ. – Михаил ничего этого не знал. Но он был моим другом, потому, будучи полным кретином, он тоже вызвался. А затем, естественно, и Дубров. Я сказал, чтобы они этого не делали, но Михаил только рассмеялся и ответил, что не позволит мне одному купаться в лучах славы.

– Что произошло дальше?

– Девять человек перешли границу: шестеро солдат и трое следопытов. Вернулись всего двое.

Его слова повисли в воздухе. Семеро мужчин умерли в погоне за оленем. А сколько еще, о ком мне неизвестно?

Но, даже зная об этом, я не могла отречься от еще одной волнующей идеи: сколько жизней может спасти сила оленя? Мы с Малом беженцы, рожденные под звуки войны, много лет бушующей у границ Равки. Что, если Дарклинг и жуткая мощь Тенистого Каньона может все прекратить? Заставить замолчать навеки наших врагов и обеспечить нам безопасность?

«Не только наших врагов, – напомнила я себе. – Любого, кто встанет на пути у Дарклинга, любого, кто осмелится возражать ему». Он скорее превратит мир в пустырь, чем поделится с кем-нибудь крошечной долей власти.

Мал потерял свое усталое лицо.

– Все было впустую. Стадо вернулось в Равку, как только ухудшилась погода. Мы могли просто подождать, пока олень самолично придет к нам.

Я посмотрела на Мала, заметила его отрешенный взгляд и крепко сомкнутую челюсть. Он вовсе не походил на того мальчишку, которого я знала когда-то. Он пытался помочь мне, отправившись за оленем. Это значило, что я частично несу ответственность за перемены в нем, и это разбивало мне сердце.

– Мне жаль, Мал. Мне очень жаль.

– Это не твоя вина, Алина. Я сам принимал решения. Но из-за них моих друзей не стало.

Я хотела обвить его руками и крепко прижать к себе. Но не могла, не могла этого сделать с новым Малом. Признаться, может, и со старым бы не смогла. Мы уже не дети. Легкость нашего общения осталась в прошлом.

Я положила руку ему на плечо.

– Если это не моя вина, то и не твоя тоже. Михаил и Дубров тоже принимали решения за себя. Михаил хотел быть хорошим другом. Мы не знаем, может, у него были свои причины искать оленя. Он не был ребенком и не хотел бы им запомниться.

Мал не смотрел на меня, но через минуту положил свою руку поверх моей. Так мы и сидели, когда начал падать снег.

Глава 19

Мой свет грел нас всю ночь, которую мы провели за скалой. Время от времени я впадала в дрему, и Малу приходилось расталкивать меня, чтобы я могла воззвать к солнцу в темных и звездных просторах Цибей и согреть нас под шкурами.

Когда мы вышли из укрытия следующим утром, солнце ярко освещало мир, укрытый белым покрывалом. На севере снег часто выпадал весной, но было тяжело не думать, что плохая погода – очередная часть наших неудач. Мал взглянул на нетронутые просторы луга и с отвращением покачал головой. Мне не нужно было спрашивать, о чем он думал. Если стадо и было поблизости, любые его следы ныне скрыты под снегом. При этом мы оставим море следов для любого, кто решит нас искать.

Мал молча вытрусил шкуры и спрятал их в рюкзак. Затем привязал к нему лук, и мы начали взбираться по плато. Шли медленно. Парень делал все возможное, чтобы скрыть следы, но было ясно, что у нас серьезные неприятности. Мал винил себя в том, что мы не нашли оленя, и я не знала, что с этим поделать. Казалось, Цибей увеличилась за прошедшую ночь. Или это я чувствовала себя такой маленькой...

В конце концов луг уступил дорогу рощам из тонких берез и плотным скоплениям сосен, их ветви были присыпаны снегом. Мал замедлил шаг. Он выглядел усталым, и под его голубыми глазами появились темные круги. Повинуясь импульсу, я взяла его за руку. Думала, он отпрянет, но вместо этого парень сжал мою ладонь в перчатке.

Так мы и шли рука об руку, сосновые ветви создавали навес над нашими головами, когда мы заходили под темные своды леса. Когда наступило время заката, мы вышли из-за деревьев на небольшую поляну, где снег лежал ровными наносами, мерцающими в лучах солнца.

Вокруг царила тишина, благодаря сугробам наши шаги не создавали шума. Было поздно. Пора искать укрытие и ставить лагерь. Вместо этого мы стояли в тишине, держась за руки, и наблюдали, как заканчивается день.

– Алина? – тихо позвал Мал. – Прости. За то, что я наговорил тебе в Малом дворце.

Я удивленно взглянула на него. Почему-то тот случай казался очень далеким.

– И ты меня прости. За все, – я сжала его руку. – Я понимала, что у нас мало шансов найти оленя.

– Нет, – он посмотрел вдаль. – Нет, не за это. Я... Когда я пошел за тобой, то думал, что раз ты спасла мне жизнь, то я теперь перед тобой в долгу.

Мое сердце сжалось. Мысль, что Мал пришел мне на помощь лишь из-за того, что хотел возместить какой-то воображаемый долг, ранила сильнее, чем я ожидала.

– А теперь?

– Теперь я не знаю, что думать. Все изменилось.

Мое несчастное сердце снова сжалось.

– Понимаю, – прошептала я.

– Разве? В ту ночь во дворце, когда я увидел тебя с ним на сцене, ты выглядела очень счастливой. Будто с ним тебе и место. Я не могу избавиться от этой картинки в голове.

– Я была счастлива, – признала я. – В тот момент. Я не такая, как ты, Мал. Я никогда не вписывалась в твою компанию. И нигде не находила себе места.

– Твое место было рядом со мной, – тихо ответил он.

– Нет, Мал. Это не так. И уже давно.

Тут он посмотрел на меня, и его глаза окрасились в темно-синий цвет сумерек.

– Алина, ты скучала по мне? После отъезда?

– Каждый день, – честно ответила я.

– А я каждый час. И знаешь, что хуже всего? Для меня это стало сюрпризом. Я ловил себя на том, что иду и ищу тебя взглядом – без всякой причины, просто из привычки, потому что мне хотелось чем-то с тобой поделиться или услышать твой голос. И вдруг я понял, что тебя больше рядом нет, и каждый раз, *каждый чертов раз*, я чувствовал, будто из меня выбили весь воздух. Я рисковал ради тебя жизнью. Я обошел половину Равки и сделаю это снова и снова, просто чтобы быть с тобой, голодать с тобой, замерзать с тобой и слушать, как ты ноешь, что приходится есть сыр каждый день. Так что не говори мне, что нам не место рядом друг с другом.

Мы были так близко, мое сердце внезапно бешено затрепетало в груди.

– Мне жаль, что понадобилось так много времени, чтобы заметить тебя, Алина. Но сейчас... я тебя вижу.

Мал опустил голову и прикоснулся ко мне губами. Казалось, что весь мир замолчал, и я чувствовала лишь тепло его губ и рук, которые прижимали меня к нему все крепче. Я думала, что забыла о нем. Что мои чувства давно в прошлом, остались с той глупой одинокой девчонкой, которой мне никогда уже не быть. Я пыталась закопать ее с той любовью, которую она к нему питала, как когда-то пыталась закопать свои силы. Но я не стану повторять былые ошибки. Что бы ни разгоралось между нами, оно было ярким и неоспоримым.

Стоило нашим губам соприкоснуться, как я поняла с искренней и пронзающей уверенностью, что готова была ждать его целую вечность. Мал отодвинулся, и я распахнула глаза. Он поднял руку в перчатке и положил ее мне на щеку, изучая меня взглядом. Затем я заметила уголком глаза какое-то движение.

– Мал, – выдохнула я, заглядывая ему за плечо, – оглянись.

Из-за деревьев вышли белые животные, грациозно сгибая шеи, чтобы пощипать траву на краю снежной поляны. В середине стада Морозова стоял огромный белый олень. Он взглянул на нас величественными черными очами, и его серебристые рога засветились в тусклом свете. Мал резко достал лук из рюкзака.

– Алина, я его обездвигу. Но убить должна ты.

– Подожди, – прошептала я, кладя руку ему на плечо.

Олень медленно пошел вперед и остановился в паре шагов от нас. Я видела, как вздымались и опускались его бока, как раздувались ноздри, как поднимался в морозный воздух пар от его дыхания. Он наблюдал за нами темными, подернутыми влагой глазами. Я сделала шаг в его сторону.

– Алина! – прошептал Мал.

Олень не двигался, ни пока я приближалась, ни даже когда положила руку на его теплую мордочку. Его уши слегка подергивались, а от кожи исходило молочно-белое сияние. Я подумала обо всем, чем нам с Малом пришлось пожертвовать, чем довелось рисковать. О неделях в поисках стада, о холодных ночах, о жалких днях в бесконечной дороге... и поблагодарила за все это. Я была рада находиться здесь и проживать эту морозную ночь. Рада, что Мал был со мной.

Я посмотрела в темные глаза оленя и почувствовала почву под его твердыми копытами, сосновый запах в его ноздрах, уверенное биение его сердца. И поняла, что не буду той, кто закончит его жизнь.

– Алина, – насторожено пробормотал Мал, – у нас мало времени. Ты знаешь, что делать. Я покачала головой. Не могла оторвать взгляд от оленя.

– Нет, Мал. Мы найдем другой способ.

Послышался тихий свист, за которым последовал глухой удар, когда стрела нашла свою цель. Олень взревел и встал на дыбы, на его груди красовалась рана. Затем он рухнул на передние ноги. Я попятилась, а все стадо рвануло в лес. В ту же секунду Мал оказался рядом со

мной с луком наготове. Поляна наполнилась опричника́ми в угольно-черном обмундировании и гриша́ми в красных и синих кафтанах.

– Тебе стоило к нему прислушаться, Алина, – донесся из теней звонкий и безразличный голос. Дарклинг вышел на поляну с мрачной улыбкой на губах, его черный кафтан разлетался за спиной, напоминая чернильное пятно на снегу.

Олень завалился набок, тяжело дыша, и закопался в снег. Его черные глаза расшились от паники. Я почувствовала, как Мал задвигался. Он нацелился на оленя и выпустил стрелу, но тут вперед выступил Шквальный в синей мантии и взмахнул рукой. Стрела качнулась влево и упала в снег, не причинив никому вреда.

Мал потянулся за следующей, но в тот же миг Дарклинг выпустил черные ленты мрака, подернутые рябью. Я вскинула руки, и из моих пальцев полился свет, с легкостью уничтожая тьму. Но это была лишь диверсия. Дарклинг повернулся к оленю, поднимая руки в очень знакомом мне жесте.

– Нет! – прокричала я и, не задумываясь, кинулась перед животным. Закрыла глаза, ожидая, когда же меня разрежет пополам, но Дарклинг успел отвернуться в последний момент. Дерево за мной сломалось с громким треском, из разлома полились щупальца мрака. Дарклинг пощадил меня, и тем самым пощадил оленя. Парень перестал изображать напускное веселье и хлопнул в ладоши, из которых появилась огромная стена тьмы, поглотившая нас целиком. Я действовала незамедлительно. Свет расцвел пульсирующим светящимся шаром, охватывая меня с Малом и сдерживая мрак за его пределами, ослепляя наших противников. Мы были в безвыходном положении. Они не видели нас, а мы не видели их. Тьма закружилась вокруг пузырька света, пытаясь пробиться внутрь.

– Впечатляет, – сказал Дарклинг, казалось, его голос доносился до нас откуда-то изда́лека. – Багра слишком хорошо тебя вышколила. Но твоих сил все равно не хватит, Алина.

Я знала, что он пытается отвлечь меня, и проигнорировала эти слова.

– Ты! Следопыт! Уверен, что готов умереть за нее?

Выражение лица Мала не изменилось. Он стоял с луком наготове и натянутой тетивой, медленно поворачиваясь кругом и прислушиваясь к голосу врага.

– Какой милой сцене мы невольно стали свидетелями, – рассмеялся тот. – Ты уже сказала ему, Алина? Знает ли этот мальчишка, с какой прытью ты готова была мне отдаться? Ты рассказала ему о том, что я показал тебе в темноте?

Меня охватил стыд, и светящийся шар дрогнул. Дарклинг ухмыльнулся. Я оглянулась на Мала. Его челюсть была крепко сжата, и от него исходили потоки ледяного гнева, как в день зимнего пира.

Я почувствовала, что моя хватка ослабевает, и начала цепляться за него в попытке сосредоточить свою мощь. Шар засиял с новой силой, но я понимала, что достигла границ своих возможностей. Темнота начала просачиваться сквозь грани пузыря, как чернила. Оставался только один вариант. Дарклинг был прав: моих сил не хватит. И другого шанса нам не представится.

– Сделай это, Мал, – прошептала я. – Ты знаешь, что должно произойти.

Тот окинул меня полным паники взглядом и покачал головой. Тьма нахлынула на стенки шара. Я слегка пошатнулась.

– Быстрее, Мал! Пока не стало слишком поздно!

Одним быстрым движением парень отбросил лук и потянулся за ножом.

– Сделай это, Мал! Сейчас же!

Его рука дрожала. Я чувствовала, как моя сила убывает.

– Не могу, – отчаянно выдохнул он. – Не могу.

Он выпустил нож, и тот бесшумно упал в снег. Тьма охватила нас. Мой друг исчез, и поляна вместе с ним. Я окунулась в удушающую черноту. До меня донесся крик Мала, и я

пошла на его голос, но тут чьи-то сильные руки схватили меня с обеих сторон. Я яростно отбивалась, пытаюсь высвободиться из их хватки. Мрак начал рассеиваться, и я поняла, что все кончено.

Меня держали два стража Дарклинга, а Мал дрался с двумя другими.

– Не шевелись, или я убью тебя на месте, – прорычал на него Иван.

– Оставьте его! – крикнула я.

– Ш-ш-ш, – Дарклинг подошел ко мне, прижав указательный палец к губам, изогнувшимся в дразнящей ухмылке. – Тише, или я позволю Ивану убить его. Медленно.

Слезы полились по моим щекам, замерзая от морозного ночного воздуха.

– Факелы, – сказал он. Я услышала шорох кремня, и два факела возгорелись пламенем, освещая поляну, солдат и оленя, грудой лежащего на земле. Дарклинг достал огромный нож из-за ремня, и свет огня отразился на стали гришей.

– Хватит тратить время попусту, – он шагнул вперед и без лишних слов перерезал оленю горло. Кровь полилась на снег, окропляя снег вокруг оленя. Я наблюдала, как жизнь уходит из темных глаз животного, и моя грудь вздымалась от громких всхлипов.

– Возьми рога, – сказал Дарклинг одному из опричников. – Отрежь по кусочку от каждого.

Опричник шагнул вперед и склонился над телом оленя с острым ножом в руке. Я отвернулась, и у меня скрутило живот, когда тишина поляны нарушилась звуками распиливания.

Мы стояли в молчании, пар от нашего дыхания поднимался в холодный воздух, а звук все не прекращался. Даже когда его не стало слышно, я продолжала чувствовать, как он вибрирует в моей сжатой челюсти.

Опричник прошел через поляну и вручил кусочки рогов своему господину. Они были почти одинаковыми, заканчиваясь двойными зубцами одного размера. Дарклинг сжал их в руках и провел большим пальцем по шершавой серебристой кости.

Затем махнул рукой, и я с удивлением наблюдала, как из тени выходит Давид в своем фиолетовом кафтане. Ну, конечно. Дарклинг выбрал своего лучшего фабрикатора, чтобы соорудить ошейник. Давид не встречался со мной взглядом. Интересно, знала ли Женья, где и чем он занимался? Может, она им гордилась. Наверное, для нее я предательница.

– Давид, – тихо позвала я, – не делай этого.

Он оглянулся, а затем спешно отвел взгляд.

– Давид понимает, чего стоит будущее, – сказал Дарклинг с нотками угрозы в голосе. – И знает, что ему не стоит препятствовать.

Давид встал за моим правым плечом. Дарклинг изучал меня в свете факела. На минуту наступила полнейшая тишина. Сумерки сменились ночью, взошла луна, яркая и полная. Казалось, поляна замерла в ожидании.

– Расстегнись! – приказал Дарклинг. Я не шевельнулась.

Он оглянулся на Ивана и кивнул. Мал закричал, прижимая руки к груди и падая на землю.

– Нет! – всхлипнула я. Затем попыталась подбежать к другу, но стражи крепко держали меня за руки. – Пожалуйста, – взмолилась я Дарклингу. – Пусть он перестанет его мучить!

Тот снова кивнул, и крики Мала стихли. Он лежал на снегу и тяжело дышал, его полный ненависти взгляд был сосредоточен на наглой ухмылке Ивана. Дарклинг выжидающе наблюдал за мной, его лицо ничего не выражало. Такое впечатление, что ему было скучно.

Я отмахнулась от опричников. Затем вытерла слезы дрожащими руками, расстегнула китель и позволила ему соскользнуть с плеч. Какой-то частичкой разума я отметила, как холод просачивается сквозь мою шерстяную тунику, а солдаты и гриши впиваются в меня взглядами. Мой мир сузился до изгибающихся кусочков рогов в руках Дарклинга, и меня охватило всепоглощающее отчаяние.

– Подними волосы, – пробормотал он. Я собрала волосы обеими руками и убрала их с шеи. Дарклинг подошел ближе и отогнул ворот туники, чтобы не мешал.

Когда его пальцы прикоснулись к моей коже, я вздрогнула. Его лицо на секунду исказилось в гневе. Затем он приложил кусочки рогов к моей шее один за другим и опустил их на ключицы с бесконечной осторожностью. После чего кивнул Давиду, и фабрикатор взялся за дело. Я представила, как он стоит за моей спиной с тем же сосредоточенным выражением, как в мое первое посещение мастерской Малого дворца. Я видела, как кусочки кости меняются и сливаются воедино. Без всякой застежки или петелек. Этот ошейник будет вечно красоваться на мне.

– Готово, – прошептал Давид.

Он отпустил колье, и я почувствовала его тяжесть на своих ключицах. Я сжала руки в кулаки, ожидая. Ничего не произошло. Меня внезапно охватила безрассудная надежда. Что, если Дарклинг ошибался? Что, если от ошейника никакого толку?

Затем Дарклинг сомкнул пальцы на моем плече, и внутри меня эхом отразилась команда: *свет*. Было чувство, будто в грудь пролезла невидимая рука. Из меня полился золотистый свет, заливая всю поляну.

Я увидела, как Дарклинг прищурился, и его лицо засветилось от триумфа и ликования. «*Нет*», – подумала я, пытаясь отпустить свет, убрать его вовсе. Но стоило мысли о сопротивлении сформироваться в моей голове, как эта невидимая рука отмахнулась от нее, словно от мухи. Прозвучала следующая команда: *еще*.

В моем теле взревел свежий поток силы: необузданный и мощный – я еще никогда такого не испытывала. Казалось, он был бесконечен. Недели самоконтроля и попыток понять свою способность канули в небытие; дома, которые я выстроила – хрупкие и несовершенные, – рассыпались на щепки при надвигающемся наводнении в виде могущества оленя.

Свет буквально взрывался во мне одной мерцающей волной за другой, рассеивая мглу ночного неба в круговороте сияния. Я не ощутила ни намека на веселье и радость, которые всегда появлялись при использовании силы. Она больше не была моей, и я беспомощно тонула в этой ужасной невидимой хватке. Дарклинг держал меня в этом состоянии, проверяя, насколько теперь бесконечны мои способности – не знаю, как долго это длилось. Я очнулась лишь тогда, когда он ослабил свою хватку.

Поляна снова утонула в темноте. Я резко втянула воздух, пытаясь вернуть контроль над собой, собрать все кусочки себя воедино. Мигающие факелы освещали замерших в оцепенении стражников и гришей и несчастное лицо Мала, все еще лежащего на земле. Он смотрел на меня взглядом, полным сострадания.

Когда я оглянулась на Дарклинга, то обнаружила, что он внимательно следит за мной, прищурившись. Он перевел взгляд с меня на Мала и затем на своих людей.

– Заковать его.

Я открыла рот, чтобы возразить, но взгляд Мала заставил меня замолчать.

– Сегодня мы заночуем здесь, а с первыми лучами солнца отправимся к Каньону. Передайте Апрату, чтобы был готов, – Дарклинг повернулся ко мне. – Попытаешься навредить себе, и следопыт за это поплатится.

– А что с оленем? – спросил Иван.

– Сожгите его.

Один из эфиреалов поднял руку к факелу, и пламя рвануло вперед широкой дугой, окружая безжизненное тело оленя. Когда нас уводили с поляны, были слышны лишь звуки шагов и треск огня позади. Ни шороха деревьев, ни криков ночных птиц. В лесу наступила траурная тишина.

Глава 20

Целый час мы шли в полном молчании. Я безучастно смотрела, как мои ботинки рассекают снег, и думала об олене и цене своей слабости. В конце концов среди деревьев замерцал свет от костра и мы вышли на поляну, где был поставлен небольшой лагерь вокруг мечущегося огня. Я заметила несколько маленьких палаток и привязанных к стволам деревьев лошадей. У костра сидели два опричника и доедали свой ужин.

Стражи Мала втолкнули его в одну из палаток и последовали внутрь. Я пыталась поймать его взгляд, но парень слишком быстро скрылся за пологом. Иван потащил меня в другой конец лагеря и затолкал в проем одной из палаток. Внутри я увидела несколько разложенных спальников. Иван указал на кол в центре и отдал приказ:

– Садись! – я села, прижавшись к колу спиной, и мужчина привязал меня к нему, крепко стянув мои руки за спиной и замотав лодыжки. – Ну что, удобно?

– Ты знаешь, что он замышляет, Иван.

– Да, вернуть нам мир.

– Но какой ценой? – спросила я в отчаянии. – Ты же сам знаешь, что это безумие!

– А ты знаешь, что у меня было два брата? – внезапно поинтересовался он. Уже привычная ухмылка сошла с его красивого лица. – Конечно же, нет. Они не были гришами. Они были солдатами, и оба умерли на войне, начатой нашим королем. Как и мой отец. Как и мой дядя.

– Мне жаль.

– Да-да, всем очень жаль. Королю жаль. Королеве жаль. Мне жаль. Но только Дарклинг готов что-то менять.

– Не обязательно делать это таким способом, Иван. Моя сила могла бы уничтожить Каньон.

Тот покачал головой.

– Дарклинг знает, что нужно делать.

– Он никогда не остановится! Ты это знаешь. Стоит ему попробовать на вкус власть, как этому не будет конца! Я уже в ошейнике. Вскоре дойдет очередь и до вас. И не останется никого и ничего достаточно сильного, чтобы воспрепятствовать ему.

Мускул на челюсти Ивана дрогнул.

– Продолжишь свои преступные речи, и я заткну тебе рот, – сказал он, а затем без лишних слов покинул палатку.

Чуть позже пришли заклинатель и сердцебит. Я их не узнала. Избегая моего взгляда, они молча укутались в свои меховые спальники и задули лампу. Я сидела в темноте и наблюдала за игрой теней от костра на брезентовых стенах палатки. Ошейник давил на шею, и мои связанные руки буквально чесались, так сильно мне хотелось сорвать его.

Я подумала о Мале, который находился всего в паре метров от меня в другой палатке. Это я привела нас сюда. Если бы я забрала жизнь оленя, его сила стала бы моей. Ведь знала, чего может стоить нам милосердие. Моей свободы. Жизни Мала. Бесчисленного количества жизней других. И все равно оказалась слишком слабой, чтобы довести дело до конца.

В ту ночь мне снился олень. Снова и снова я видела, как Дарклинг перерезал ему горло. Как утекала жизнь из его темных глаз. Но когда я опускала взгляд, то обнаруживала свою кровь, распускающуюся красным пятном на снегу.

Я очнулась от звуков пробуждающегося лагеря. В палатку вошла сердцебитка, отвязала меня от кола и подняла на ноги. Мое тело ныло после ночи в столь неудобном положении. Сердцебитка провела меня к лошадям, которых уже успели оседлать. Рядом стоял Дарклинг и тихо переговаривался с Иваном и другими гришами. Я огляделась в поисках Мала и почувствовала прилив паники, когда не смогла его найти, но тут опричник вывел его из палатки.

– Что нам с ним делать? – спросил страж у Ивана.

– Предатели идут пешком. А когда сильно устанет, привяжем его к коню и потащим, – ответил тот.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но Дарклинг меня опередил:

– Нет, – он грациозно вскочил на своего коня. – Он нужен мне живым к тому моменту, как мы доберемся до Тенистого Каньона.

Страж пожал плечами и помог Малу сесть на лошадь, затем привязал его руки к седлу. Я почувствовала волну облегчение, за которой последовал укол страха. Может, Дарклинг намерен отдать Мала под трибунал? Или придумал что-то куда более зловещее? *«Он все еще жив, – сказала я себе, – значит, у меня пока есть шанс его спасти».*

– Поедешь с ней, – обратился Дарклинг к Ивану. – Убедишься, что она не натворит глупостей в дороге.

Он даже не посмотрел в мою сторону, просто пришпорил коня и поехал рысью.

Мы пробирались сквозь лес несколько часов, миновав плато, где мы с Малом ждали стадо. Я даже увидела валуны, за которыми мы пересидели ночь, и задумалась, не стал ли тот свет, что спас нам жизни во время снежной бури, тем маячком, что привел врага прямо к нам.

Я знала, что нас везут обратно в Крибирск, и ненавидела даже самую мысль о том, что ждало меня впереди. На кого Дарклинг нападет первым? Отправит флот на север Фьерды? Или отправится на юг, чтобы натравить Каньон на Шухан? В чьей крови будут испачканы мои руки?

В дороге мы провели еще одни сутки, прежде чем достигли широких трактов, ведущих на юг к Ви. На перекрестке нас встретила большая группа вооруженных мужчин, большинство из которых оказались опричниками в серых кафтанах. Они подогнали свежих лошадей и карету Дарклинга. Иван бесцеремонно забросил меня на бархатные подушки и залез следом. Хлопнули поводья, и мы снова двинулись в путь. Иван настоял, чтобы мы задвинули шторы, но мне удалось мельком выглянуть наружу и увидеть, что нас окружали вооруженные наездники. Было трудно не вспоминать свою первую поездку с Иваном в такой же карете.

Солдаты разбили лагерь на ночь, но меня изолировали от всех и держали взаперти в экипаже. Иван принес мне еду, явно злясь из-за того, что приходится играть роль моей няньки. Он отказывался разговаривать со мной и грозился замедлить мой пульс так, чтобы я потеряла сознание, если не прекращу расспрашивать о Мале. Но я все равно третировала его вопросами каждый день и не сводила глаз с небольшой щелочки между шторами на окне кареты, надеясь увидеть друга.

Спать почти не удавалось. Каждую ночь мне снилась заснеженная поляна и темные глаза оленя, вззирающие на меня с вековой мудростью. Еженочное напоминание о моей неудаче и горе, которое на нас накликало мое милосердие. Олень все равно умер, а мы с Малом отныне обречены. По утрам я просыпалась с чувством вины и стыда, а также с раздражающим ощущением, что я что-то забыла: какой-то скрытый посыл, который казался очевидным во сне, но затерялся на задворках разума с пробуждением.

С Дарклингом мы не виделись до самых предместий Крибирска. Дверь в карету внезапно открылась, и он скользнул на сиденье напротив. Иван вышел без лишних слов.

– Где Мал? – спросила я, как только захлопнулась дверь. Я увидела, как его кулак в перчатке сжался, но голос парня остался таким же жестким и спокойным, как прежде.

– Мы въезжаем в Крибирск. Когда нас встретят другие гриши, ты не проронишь ни слова о своей маленькой экскурсии.

Я раскрыла рот от изумления.

– Они не знают?!

– Они знают только то, что ты находилась в уединении и готовилась пересечь Тенистый Каньон с помощью молитв и отдыха.

Я хрипло хохотнула.

– Вид у меня определенно отдохнувший.

– Я скажу, что ты постилась.

– Вот почему меня не искали солдаты в Раевости, – наконец дошло до меня. – Ты не признался королю.

– Если бы слух о твоём исчезновении вышел за стены дворца, тебя бы нашли и убили фьерданские ассасины.

– И тебе бы пришлось отвечать за потерю единственной заклинательницы Солнца в королевстве.

Дарклинг разглядывал меня с минуту.

– Какая, по-твоему, у тебя была бы с ним жизнь, Алина? Он *отказник*. Ему никогда не понять твою силу, а даже если бы он понял, то стал бы бояться тебя. Такие люди, как мы с тобой, не могут вести обычную жизнь.

– Я совсем не такая, как ты, – пылко ответила я. Его губы изогнулись в напряженной, горькой улыбке.

– Ну, конечно же, нет, – любезно проговорил он. Затем стукнул по крыше кареты, и та остановилась. – Когда мы приедем, ты со всеми здороваешься, затем сошлешься на усталость и удалишься в свою палатку. Если выкинешь что-нибудь безрассудное, я буду мучить следопыта, пока он не взмолится о смерти.

После этих слов он ушел. Остаток дороги в Крибирск я просидела в одиночестве, пытаюсь унять дрожь в теле. «*Мал жив*, – твердила я себе. – *Это все, что имеет значение*». Но меня тревожила и другая мысль. «*Может, Дарклинг позволяет тебе верить, что он жив, чтобы ты не взбунтовалась*».

Я обхватила себя руками и начала молиться, чтобы это была неправда. Затем отодвинула шторы и погрустнела, вспомнив, как много месяцев назад шла по этой самой дороге. Тогда меня чуть не задавил экипаж, в котором я ехала прямо в эту секунду. Мал спас меня, а Зоя выглянула из окна кареты заклинателей. Мне хотелось быть такой, как она – красавицей в синем кафтане.

Когда мы наконец подъехали к огромной черной шелковой палатке, карету окружила толпа гришей. Мария, Иво и Сергей побежали мне навстречу. Меня удивило, насколько я была рада снова их видеть. Но стоило им взглянуть на меня, как ликование сменилось беспокойством. Они ждали триумфального появления заклинательницы Солнца с величайшим усилением в истории, излучающей силу фаворитки Дарклинга. Вместо этого им предстала бледная, усталая, несчастная девчонка.

– С тобой все хорошо? – прошептала Мария, обняв меня.

– Да, – заверила я. – Просто устала после дороги.

Я прилагала все усилия, чтобы моя улыбка выглядела убедительно. Пыталась изобразить энтузиазм на лице, пока они с благоговением рассматривали и шупали ошейник Морозова. Дарклинг все время держался поблизости и бросал в мою сторону предупредительные взгляды, а я продолжала приветствовать толпу с улыбкой до ушей.

Когда мы проходили мимо павильона гришей, я поймала недовольный взгляд Зои, куксившейся на куче подушек. Она с завистью косилась на ошейник. «*Забирай, пожалуйста*», – сердито подумала я и ускорила шаг.

Иван отвел меня в личную палатку, находящуюся неподалеку от покоев Дарклинга. На койке лежала новая одежда и мой синий кафтан, а в углу стоял чан с горячей водой. Прошла всего пара недель, а я уже отвыкла ходить в цветах заклинателей.

Стражи Дарклинга выстроились вдоль периметра палатки. Только я знала, что они здесь не столько для защиты, сколько для слежки за мной. Сама палатка наполнилась роскошными грудями меха, разукрашенными столом и стульями и зеркалом работы фабрикаторов – чистым,

как вода, и инкрустированным золотом. Но я бы не задумываясь променяла все это на прозябание под потертым пледом с Малом.

Меня никто не посещал, и все дни я только и делала, что мерила шагами палатку и беспокоилась, воображая худшее. Я не знала, почему Дарклинг оттягивал поход в Тенистый Каньон, или что он замыслил. Стражи не были заинтересованы в обсуждении этого со мной. Когда на четвертую ночь полы моей палатки открылись, я чуть ли не кубарем скатилась с койки. В проеме стояла Женья с подносом, и выглядела она невероятно красиво. Я присела, не зная, что и сказать. Она прошла внутрь и опустила поднос на стол.

– Мне не стоит здесь находиться, – сказала девушка.

– Наверное, нет, – признала я. – Не думаю, что мне разрешено принимать посетителей.

– Нет, я имею в виду *здесь*. Тут невероятно грязно!

Я рассмеялась, внезапно обрадовавшись ее появлению. Женья слабо улыбнулась и грациозно устроилась на краю разукрашенного стула.

– Говорят, ты была в изоляции и готовилась к испытанию.

Я всмотрелась в ее лицо, пытаясь разгадать, что ей известно.

– У меня не было шанса попрощаться, прежде чем я... решила уединиться, – осторожно начала я.

– Иначе я бы тебя остановила.

Значит, она знала, что я сбежала.

– Как дела у Багры?

– Никто не видел ее с тех пор, как ты исчезла. Похоже, она тоже решила уединиться.

Меня передернуло. Я надеялась, что Багра тоже сбежала, но это было очень маловероятно. Какую цену назначил Дарклинг за ее предательство? Я задумчиво закусил губу и приняла решение воспользоваться своим единственным шансом:

– Женья, если бы я могла передать весточку королю... Уверена, он понятия не имеет о планах Дарклинга. Он...

– Алина, – перебила она. – Король болен. Апрат временно занял его место.

Сердце ухнуло вниз. Я вспомнила слова Дарклинга в день моего знакомства с Апратом: «Для него тоже есть применение».

Тем не менее в разговоре священник намекал не только на свержение короля, но и на свержение Дарклинга. Может, он пытался меня предупредить? Если бы только я не была такой пугливой! Если бы только я осталась и выслушала его! Очередные пункты к моему длинному списку сожалений. Я не знаю, был ли Апрат действительно верен Дарклингу или вел двойную игру. И теперь уже никогда не узнаю. Надежда на то, что у короля будет желание или возможность противостоять Дарклингу, и без того была слабой, но она придавала мне сил последние пару дней. Теперь и с ней покончено.

– А королева? – спросила я со слабой надеждой. Губы Жени расплылись в свирепой ухмылке.

– Королева заперта в своих покоях. Ради ее же безопасности, естественно. А то еще инфекцию подхватит.

И тут я впервые заметила, что было надето на Жене. Я была так рада встрече, что не обратила внимания на одну очень важную деталь. Женья была в красном кафтане. Красный – цвет корпоралов. Ее рукава были расшиты синими нитками – такой комбинации я никогда прежде не встречала.

По спине пробежали мурашки. Какую роль сыграла Женья во внезапной болезни короля? На что ей пришлось пойти, чтобы носить цвета гришей?

– Понятно, – тихо сказала я.

– Я пыталась тебя предупредить, – с грустью произнесла девушка.

– И ты знаешь, что планирует Дарклинг?

– Ходят разные слухи... – смутилась она.

– Они все – правда.

– Значит, это должно произойти.

Я уставилась на нее, и через секунду Женя потупила взгляд в пол. Ее пальцы нервно сжимали и разжимали складки кафтана.

– Давид чувствует себя просто ужасно, – прошептала она. – Считает, что уничтожил всю Равку.

– Это не его вина, – грустно хохотнула я. – Все мы сыграли свою роль в наступлении конца света.

Женя резко подняла голову.

– Ты же в это не веришь?

На ее лице было написано страдание. А может, еще и предупреждение? Я подумала о Мале и угрозах Дарклинга.

– Нет, – сухо ответила я. – Конечно, нет.

Естественно, она мне не поверила, но ее лицо прояснилось от ласковой, красивой улыбки. Женя выглядела так, будто с нее срисовывали иконы святых. Ее медные волосы сияли. Она встала, и, когда я провожала ее к выходу из палатки, мне вспомнились темные глаза оленя, которые я видела каждую ночь во снах.

– Может, это и не важно, но передай Давиду, что я его прощаю.

«*И тебя тоже*», – подумала я про себя. Я знала, каково это – хотеть найти свое место в мире.

– Передам, – тихо ответила Женя. Затем развернулась и скрылась в ночи, но прежде я успела заметить, как ее прекрасные глаза наполнились слезами.

Глава 21

Я почти ничего не съела на ужин, а затем снова улеглась в койку, обдумывая все то, что рассказала Женья. Большую часть своей жизни она находилась в заточении в Ос Альте, и ее беспокойный мир крутился вокруг гришей и дворцовых интриг. Дарклинг поставил ее в это положение ради собственной выгоды, а теперь помог ей освободиться. Больше ей не придется прогибаться под гнетом короля и королевы, не придется носить одежду прислуги.

Но Давид сожалел о содеянном. А раз так, то и другие могли быть недовольны ситуацией. Может, число недовольных пополнится, когда Дарклинг явит всю мощь Тенистого Каньона. Увы, к тому моменту может быть уже слишком поздно.

Мои мысли прервал внезапно появившийся Иван.

– Вставай, – приказал он. – Он хочет тебя видеть.

Живот скрутило, но я встала и последовала за мужчиной. Как только мы вышли из палатки, нас окружили стражи и сопроводили к покоям Дарклинга. Опричники у входа, заведывавшие Иваном, сразу расступились. Он кивнул на палатку и ухмыльнулся:

– Заходи.

Мне отчаянно захотелось стереть это всезнающее выражение с его лица. Вместо этого я задрала подбородок и прошествовала мимо него. Когда шелковые полы палатки сомкнулись за мной, я сделала пару шагов внутрь и замерла, дабы собраться с силами. Просторное помещение тускло освещалось светильниками. Пол был устлан коврами и мехами, а в центре в большом костровище потрескивало пламя. Высоко над ним была откинута пола в крыше, позволяющая дыму выходить наружу. Сквозь отверстие виднелось ночное небо.

Дарклинг сидел в кресле со стаканом в руке, на столике рядом стояла бутылка кваса. Его длинные ноги были вытянуты, он смотрел на огонь. Парень не глядя указал мне на кресло напротив. Я подошла к огню, но садиться не стала. Дарклинг глянул на меня с едва заметным раздражением и вновь отвернулся к пламени.

– Присаживайся, Алина.

Я села на краешек кресла и насторожено посмотрела на собеседника.

– Говори, – приказал он. У меня создалось впечатление, будто я его собачка.

– Мне нечего сказать.

– А мне кажется, ты многое хочешь мне сказать.

– Даже если я попрошу, ты все равно не остановишься. Если скажу, что ты сумасшедший, ты мне не поверишь. Так зачем силы тратить?

– Может, потому что ты хочешь, чтобы мальчишка выжил?

Из меня будто выбили весь воздух; мне пришлось подавить всхлип. Мал жив. Дарклинг прекрасный лжец, но я сомневалась, что он врет. Ему нравилось властвовать надо мной, и Мал давал ему такое преимущество.

– Что мне сказать, чтобы спасти его? – прошептала я, подаваясь вперед. – Что я должна сказать?

– Он предатель и дезертир.

– Он лучший следопыт, который у тебя есть и будет.

– Возможно, – парень равнодушно пожал плечами.

Но я неплохо его изучила и заметила алчный блеск в его глазах, когда он запрокинул голову, чтобы опустошить стакан с квасом. Я знала, чего ему стоило планировать уничтожение того, что он может использовать. И решила этим воспользоваться:

– Ты можешь изгнать его на север в Вечный Мороз, пока он тебе не понадобится.

– Ты бы предпочла, чтобы он провел остаток жизни в трудовом лагере или тюрьме?

Я сглотнула комок в горле.

– Да.

– Думаешь, что найдешь способ освободить его? – спросил он озадаченно. – Думаешь, если он выживет, то сможешь что-нибудь придумать? – Дарклинг покачал головой и рассмеялся. – Я наделил тебя необычайным могуществом, о котором можно только мечтать, а ты не можешь дожидаться, чтобы сбежать и стать домохозяйкой для своего слепопыта.

Я знала, что стоит помалкивать, играть в дипломатию, но все же не сдержалась:

– Ничем ты меня не наделял. Ты сделал меня рабыней!

– Я никогда этого не хотел, Алина, – он провел рукой по подбородку, и в этот момент его лицо стало усталым, раздраженным, человеческим. Но что из этого было правдой, а что притворством? – Я не мог рисковать. Ни с могуществом оленя, ни с будущим Равки, находящейся на краю пропасти.

– Только не надо делать вид, что тебя заботит благополучие Равки! Ты солгал мне. Ты врал мне с момента нашей встречи!

Его длинные пальцы сжались вокруг стакана.

– А ты заслужила мое доверие? – впервые его голос звучал не так спокойно и равнодушно. – Багра нашептала тебе на ушко пару обвинений, и ты тут же сбежала! Никогда не задумывалась, что это будет значить для меня, для всей Равки, если ты просто исчезнешь?

– Ты не оставил мне выбора.

– Конечно, он у тебя был. И ты выбрала повернуться спиной к своей стране, ко всему, чем ты являешься.

– Это несправедливо...

– Справедливость! – рассмеялся он. – Ты все еще говоришь о справедливости. Какое она имеет к этому отношение? Люди проклинают мое имя и молятся за тебя, но это ты была готова бросить их на произвол. Это я дам им власть над врагами. Это я освобожу их от тирании короля!

– Поменяв ее на собственную тиранию.

– Кто-то должен быть лидером, Алина. Кто-то должен положить этому конец. Поверь, я бы и сам хотел, чтобы был иной выход.

Он говорил так искренне, так разумно... Совсем не как монстр с неумными амбициями, а скорее как правитель, который верил, что поступает правильно ради своего народа. Несмотря на все, что он сделал и намеревался сделать, я почти поверила ему. Почти.

Я тряхнула головой.

Дарклинг откинулся в кресле.

– Ладно, – он устало пожал плечами. – Считаю меня злодеем.

Затем поставил пустой стакан и встал.

– Подойди.

Меня пронзил страх, но я заставила себя подняться и преодолеть расстояние между нами. Он изучал меня в свете огня. Затем коснулся ошейника Морозова, проводя элегантными пальцами по грубой кости. Его рука скользнула по моей шее и ласково коснулась лица.

Я почувствовала волну отвращения, но и уверенную, опьяняющую силу. Меня злило, что он все еще мог производить на меня подобный эффект.

– Ты меня предала, – прошептал он.

Мне хотелось расхохотаться. *Я предала его?* Он использовал меня, соблазнил, а теперь захватил в рабство, а это я оказалась предательницей? Но я вспомнила о Мале и проглотила свою злость и гордость.

– Да. Мне очень жаль.

Он рассмеялся.

– Вовсе тебе не жаль. Ты думаешь только о мальчишке и его жалкой жизни.

Я промолчала.

– Скажи, – его хватка на мне усилилась, пальцы больно сжимали плоть. В свете пламени его глаза выглядели бездонными и мрачными. – Скажи, как сильно ты его любишь. Моли меня оставить его в живых.

– Умоляю, – прошептала я, борясь с накатившими слезами. – Прошу, пощади его!

– Почему?

– Потому что ошейник не даст тебе того, чего ты хочешь, – опрометчиво выпалила я. Была только одна вещь, которой я могла торговаться, и та ненадежна, но я продолжила: – У меня нет выбора, кроме как повиноваться тебе, но если ты навредишь Малу, я никогда тебя не прощу. Я буду бороться с тобой любыми способами. Каждую свободную минуту я буду думать о том, как покончить с жизнью, и в конечном счете мне это удастся. Но если ты проявишь милосердие, позволишь ему жить, я буду служить тебе по доброй воле. Я буду доказывать свою благодарность всю оставшуюся жизнь.

Мне едва удалось произнести последние слова. Дарклинг склонил голову вбок, на его губах заиграла скептическая улыбка. Затем ее сменило что-то, что мне не удалось узнать, что-то похожее на тоску.

– Милосердие, – слово он произнес так, будто оно было ему незнакомо. – Я мог бы быть милосердным.

Дарклинг поднял вторую руку к моему лицу и поцеловал меня мягко, нежно, и хоть все во мне взбунтовалось, я позволила ему это сделать. Я ненавидела его. Я боялась его. Но меня все равно привлекала его сила, и я не могла воспрепятствовать голодному рвению своего предательского сердца. Дарклинг отстранился и посмотрел на меня. Затем, не отводя взгляд, позвал Ивана.

– Отведи ее в темницу, – приказал он, когда Иван зашел в палатку. – Пусть посмотрит на своего следопыта.

В моем сердце зародилась надежда.

– Да, Алина, – он погладил меня по щеке. – Я могу быть милосердным. – Дарклинг наклонился, прижал меня к себе и задел губами мое ухо. – Завтра мы отправимся в Тенистый Каньон, – его шепот звучал, как ласка. – И тогда я скормлю твоего друга волькрам, а ты будешь смотреть, как он умирает.

– Нет! – крикнула я, содрогнувшись от ужаса. Попыталась отпрянуть от него, но у Дарклинга была железная хватка, его пальцы впивались мне в череп. – Но ты сказал...

– Можешь попрощаться с ним. Большого милосердия предатели не заслуживают.

Что-то внутри меня вырвалось на свободу. Я накинулась на него, царапаясь, крича от ненависти. Иван в мгновение ока скрутил меня и держал крепко, пока я пыталась отбиться.

– Убийца! – проревела я. – Монстр!

– Да, все вышеперечисленное.

– Ненавижу тебя! – сплюнула я. Он пожал плечами.

– Скоро ты устанешь от ненависти. И от всего другого, – он улыбнулся, и в его глазах я увидела ту же мрачную зияющую пропасть, которую заметила в древнем взгляде Багры. – Ты будешь носить этот ошейник до конца своей очень долгой жизни, Алина. Борись со мной, сколько сможешь. Ты довольно быстро поймешь, что у меня больше опыта в игре с вечностью.

Дарклинг пренебрежительно махнул рукой, после чего Иван потащил меня прочь из палатки и дальше по тропе. Я продолжала биться, но безуспешно. С губ сорвался всхлип. Слезы, которые я упорно сдерживала во время разговора с Дарклингом, ручьем полились по щекам.

– Перестань, – яростно зашептал Иван. – Тебя могут заметить.

– Мне плевать.

Мала все равно убьют. Какая разница, если люди увидят меня несчастной? Меня настигла суровая реальность: жестокости Дарклинга нет предела, и мой друг скоро умрет... положение вещей было беспросветным и ужасающим.

Иван втолкнул меня в палатку и грубо встряхнул.

– Ты хочешь увидеть своего следопыта или нет? Я не собираюсь вести ревущую девчонку через весь лагерь!

Я прижала ладони к глазам и подавила всхлипы.

– Так-то лучше. Вот, надень, – он кинул мне длинный коричневый плащ. Я надела его поверх кафтана, а Иван опустил мне капюшон на голову. – Не поднимай взгляд и не издавай ни звука. Или, клянусь, я верну тебя в палатку и попрощаетесь вы в его последние секунды в Тенистом Каньоне. Поняла?

Я кивнула. Мы зашагали по темной тропинке, охватывающей весь периметр лагеря. Стражи держались на расстоянии впереди и позади нас. Иван явно не хотел, чтобы кто-то знал, что я ходила в тюрьму. Когда мы проходили мимо бараков и палаток, я почувствовала странное напряжение в воздухе. Солдаты были чересчур настороженными, а некоторые даже осмеливались кидать на Ивана враждебные взгляды. Интересно, что думала Первая армия по поводу внезапного повышения Апрата?

Тюрьма располагалась в конце лагеря. Это было старое здание, явно появившееся здесь раньше казарм. Вход охраняли скучающие стражи.

– Новый заключенный? – спросил один из них Ивана.

– Посетитель.

– С каких пор ты проводишь посетителей к камерам?

– С этих самых, – ответил Иван с ноткой угрозы.

Стражи беспокойно переглянулись и отступили.

– Не надо так нервничать, кровопускатель.

Иван повел меня по коридору с множеством пустых камер. Мне удалось разглядеть лишь нескольких заключенных: побитых мужчин и пьяницу, громко храпящего на полу. Когда мы прошли к концу коридора, Иван открыл ворота и мы спустились по крутой лестнице в темное помещение без окон, освещаемое одной лампочкой. В ее сиянии можно было различить железные решетки единственной клетки в этом подвале. У дальней стены сторбился заключенный.

– Мал? – прошептала я.

В ту же секунду он вскочил на ноги, и мы начали цепляться друг за друга сквозь решетку. Мое тело сотрясалось от рыданий.

– Ш-ш-ш, все хорошо, Алина, все хорошо.

– У вас есть одна ночь, – сказал Иван и поднялся вверх по лестнице.

Когда мы услышали, как закрылись ворота, Мал повернулся ко мне. Его взгляд ощупывал мое лицо.

– Не могу поверить, что он позволил тебе прийти.

По щекам снова покатились слезы.

– Мал, он позволил мне прийти, потому что...

– Когда? – хрипло спросил он.

– Завтра. В Тенистом Каньоне.

Парень сглотнул, и я видела, как сильно его задело это признание, но он пытался не подать виду:

– Ладно.

Я издала звук, частично похожий на смех и частично на всхлип.

– Только ты мог узнать о неминуемой смерти и сказать на это «ладно».

Он улыбнулся и убрал волосы с моего заплаканного лица.

– Как насчет «о нет»?

– Если бы я была сильнее...

– Если бы я был сильнее, то пронзил бы ножом твое сердце.

– Жаль, что ты этого не сделал, – пробормотала я.

– А мне – нет.

Я посмотрела на наши переплетенные пальцы.

– Мал, то, что сказал Дарклинг на поляне... обо мне и нем. Я не... Я никогда...

– Это не важно.

Я подняла взгляд.

– Не важно?

– Нет, – слишком быстро ответил он.

– Что-то я тебе не верю.

– Я, если честно, тоже, но когда-нибудь это станет правдой, – он крепче сжал мои ладони, прижимая их к сердцу. – Мне плевать, даже если ты танцевала с ним голая на крыше Малого двorca. Алина, я люблю тебя, даже ту часть, которая любила его.

Мне хотелось все отрицать, стереть этот момент из истории, но это было невозможно. Мое тело сотряс очередной всхлип.

– Меня злит, что я когда-либо думала... что я...

– Ты винишь меня за каждую мою ошибку? За каждую девушку, которая мне приглянулась? За каждую сказанную глупость? Если мы начнем перечислять все наши ошибки, то очевидно, кто выйдет победителем.

– Нет, не виню, – я выдавила улыбку. – Почти.

Он улыбнулся, и мое сердце, как обычно, сделало кувырок.

– Нам удалось найти друг друга снова, Алина. Остальное не важно, – Мал поцеловал меня сквозь решетку, холодное железо впилося мне в щеку, когда наши губы соприкоснулись.

Эту последнюю ночь мы провели вместе. Вспоминали жизнь в приюте, недовольные крики Аны Куи, вкус украденной вишневой наливки, запах свежескошенной травы на лугу, как мы страдали из-за летней жары и прохлаждались на полу в музыкальной комнате, наше совместное путешествие к месту армейской службы, скрипки сулийцев, которые мы слышали в первую ночь вдали от нашего единственного дома.

Я рассказала ему историю о том, как однажды чинила керамику с одной из служанок на кухне Керамзина, дожидаясь его возвращения с охоты, на которую он все чаще и чаще уходил из дома. Мне было пятнадцать; я стояла за столом и тщетно пыталась склеить разбитые кусочки синей чашки. Увидев, как Мал пересекает поле, я побежала к двери и помахала ему. Заметив меня, он перешел с шага на бег. Я медленно пошла по саду, наблюдая за его приближением и поражаясь тому, как сильно забилося мое сердце. Затем он подхватил меня на руки и закружил, а я цеплялась за него и вдыхала знакомый сладкий аромат. Удивительно, как сильно я по нему скучала! Я смутно припоминала, что в моей руке все еще был зажат осколок чашки, впивающийся в ладонь, но не хотела его отпускать. Когда Мал наконец опустил меня на землю и неторопливо направился на кухню за обедом, я осталась в саду. Кровь текла по ладони, голова кружилась от понимания, что все изменилось. Ана Куя тогда отругала меня за то, что я закапала кровью кухонный пол, после чего перевязала руку и сказала, что скоро рана заживет. Но я знала, что боль не пройдет.

В звенящей тишине темницы Мал поцеловал шрам на моей ладони – рану, появившуюся много лет назад от осколка разбитой чашки, хрупкой вещицы, которую невозможно было починить. Мы заснули на полу, прижавшись друг к другу щеками через решетку и взявшись за руки. Хотя мне не хотелось спать. Я хотела насладиться каждой последней минутой с ним. Но, должно быть, я все-таки задремала, и мне снова приснился олень. На сей раз Мал стоял рядом со мной на поляне, и снег заливала его кровь.

В следующую секунду меня разбудил звук открывающихся ворот и шаги Ивана по лестнице. Мал взял с меня обещание не плакать. Сказал, что от этого ему будет только хуже. Поэтому я подавила слезы и поцеловала его в последний раз. Затем Иван увел меня.

Глава 22

Когда Иван притащил меня обратно в палатку, в Крибирске уже наступило утро. Я села на койку и устала в одну точку. Мое тело отяжелело, а разум опустел. Так я и сидела, когда ко мне пришла Женя. Она помогла мне умыться и переодеться в черный кафтан, в котором я была на зимнем празднике.

Я опустила взгляд на шелковое одеяние и мне отчаянно захотелось изрезать его на кусочки, но почему-то я не смогла и пальцем пошевелить. Руки безвольно повисли вдоль туловища. Женя отвела меня к разукрашенному стулу. Я сидела молча, пока она делала мне прическу, укладывая волосы в спирали и завитки и закалывая их золотыми шпильками, – так ошейник Морозова будет лучше виден. Когда она закончила, то прижалась ко мне щекой, а затем подвела к Ивану, положив мою руку поверх его, словно вручала невесту. При этом мы не проронили ни слова.

Иван повел меня к палатке гришей, где я заняла свое место рядом с Дарклингом. Я знала, что друзья наблюдают за мной и перешептываются, гадая, что случилось. Наверное, они думали, что я волнуюсь из-за Каньона. Как же они ошибались! Я не нервничала и не чувствовала страха. Я вообще ничего не чувствовала.

Гриши следовали за нами в упорядоченной процессии до доков. Затем Дарклинг отобрал самых лучших из них и позволил им ступить на борт землеходного скифа. Такого большого корабля я в жизни не видела! Он был оснащен тремя огромными парусами, украшенными символом Дарклинга. Я пробежалась взглядом по толпе солдат и гришей на борту. Мал должен быть где-то среди них, но я его не нашла.

Нас с Дарклингом провели к передней части скифа, и меня познакомили с группой изысканно одетых мужчин, с белыми бородами и пронзительными голубыми глазами. Я с удивлением признала в них фьерданских послов. Поблизости стояла делегация из Шухана в алых шелках и группа керчийских торговцев в коротких халатах с необычно широкими рукавами. С ними соседствовал представитель короля в военном облачении, на его голубом поясе значился золотой двуглавый орел. Его постаревшее лицо излучало строгость. Я с интересом разглядывала эту странную компанию. Наверное, это из-за них Дарклинг откладывал поход в Тенистый Каньон. Ему было необходимо время, чтобы собрать правильную аудиторию – свидетелей его новообретенной власти. Как далеко он собирался зайти? Меня охватило мрачное предчувствие, будоражащее сладкое безразличие, что держало меня в узде все утро.

Скиф вздрогнул и начал скользить по траве в жуткую темень Каньона. Трое шквальных подняли руки, и паруса наполнились ветром. Когда я впервые попала в Каньон, то боялась темноты и неминуемой смерти. Сейчас мрак ничего для меня не значил, а смерть казалась подарком судьбы. Я всегда знала, что мне придется вернуться в Неморе, но, оглядываясь назад, понимала, что часть меня ждала этой возможности. Ведь я хотела доказать, что от меня тоже может быть польза, и – от этой мысли я скривилась – угодить Дарклингу. Буквально мечтала о том, что буду стоять рядом с ним. Мне хотелось верить в свое предназначение: никем не любимая сиротка сможет изменить мир и стать объектом всеобщего восхищения.

Дарклинг смотрел вперед, излучая уверенность и спокойствие. Солнце блеснуло в последний раз и начало исчезать из виду. Минутой позже мы погрузились во мрак. Долгое время мы плыли в кромешной темноте; шквальные-гриши заставляли скиф рассекал песок. Затем прозвучала команда Дарклинга:

– Огонь!

Инферны, стоящие по бокам скифа, выпустили огромные клубы пламени, ненадолго освещая ночное небо. Послы и даже стража нервно переминались. Дарклинг объявлял о нашем

местонахождении, призывая волькр. Те не заставили себя долго ждать, и по моей спине прошла дрожь, когда я услышала вдалеке биение их кожистых крыльев.

Пассажиров охватил страх, фьерданцы начали молиться на своем ритмичном языке. В свете огня гришей я увидела темные силуэты, приближающиеся к нам. Воздух пронзили крики волькр. Стражи похватили ружья. Кто-то зарыдал. Но Дарклинг продолжал ждать их приближения.

Багра говорила, что некогда волькры были обычными мужчинами и женщинами, ставшими жертвами сверхъестественной энергии, порожденной жадностью Дарклинга. Возможно, мой разум решил сыграть со мной злую шутку, но мне слышались человеческие нотки в их воплях.

Когда они подлетели вплотную, Дарклинг сжал мою ладонь и просто сказал:

– Сейчас.

Своей невидимой рукой он захватил силу внутри меня, и я почувствовала, как она увеличивается, достигая тьмы Каньона в поисках света. Свет отозвался с такой быстротой и яростью, что едва не сбил меня с ног, расщепляя мое тело на поток ослепительного сияния и тепла. В Каньоне стало светло как днем, будто тут никогда и не царила крошечная тьма. Я увидела длинную полосу белого песка, рассеянные тут и там на фоне мертвого пейзажа темные руины, напоминающие разбитые корабли, и над всем этим – кишашую стаю волькр.

Они кричали от ужаса, их серые тельца корчились в ярком солнечном свете. *«Это – его истинное лицо, –* подумала я, щурясь от ослепительного сияния. *– Подобное притягивает подобное».* Это – живое воплощение его души, его правда, оголенная в свете солнца, лишенная таинственности и тени. Это – истина за красивой личиной и поразительным могуществом; истина, что стала мертвым, опустошенным пространством под звездами. Пустыней, населенной испуганными монстрами.

«Проложи нам путь». Я не была уверена, сказал ли он это вслух или передал мне мысленно, но команда охватила все мое тело. Я беспомощно позволила Каньону сомкнуться вокруг нас и сосредоточилась на свете, проделывая русло, по которому сможет проплыть скиф. По обеим сторонам от нас стояли стены рябщего мрака. Волькры улетели во тьму, и до меня, словно сквозь непроницаемую завесу, доносились их гневные и растерянные вопли.

Мы быстро плыли по бесцветному песку, ведомые мерцающими волнами света. Далеко впереди замаячило зеленое пятно – выход из Тенистого Каньона. Мы смотрели на Западную Равку, и чем ближе приближались к ней, тем отчетливей я видела ее луга, ее доки, деревни Новокрибирска за всем этим. Вдалеке блестели башни Ос Керво. Мне кажется, или я чувствую соленый воздух Истиноморя? Люди из деревни сбегались к докам, указывая на свет, раскрывший перед ними Каньон. Я видела детей, играющих в траве. Слышала крики докеров.

По сигналу Дарклинга скиф замедлился, и он поднял руки. Меня пронзил ужас, когда я поняла, что сейчас произойдет.

– Это же твои люди! – крикнула я в отчаянии.

Он меня проигнорировал и хлопнул в ладоши с громоподобным звуком. Дальше время будто замедлилось. Из его рук заструилась тьма. Когда она встретилась с темнью Каньона, из мертвого песка донеслось рычание. Черные стены русла, которое я создала, начали пульсировать и набухать. *«Такое впечатление, что они дышат»,* – подумала я в ужасе.

Рычание переросло в рев. Каньон задрожал, а затем рванул вперед жутким каскадным потоком. Толпа на доках испугано закричала, когда тьма двинулась к ним навстречу. Они все побежали, и я видела их страх, слышала их крики, когда черная материя Каньона накрыла доки и деревню всепоглощающей волной.

Их окутала темень, и волькры начали охоту на новую добычу. Женщина с маленьким мальчиком на руках споткнулась, пытаясь обогнать тьму, но та все равно их поглотила. Я отчаянно шарилась внутри себя, пытаясь вызвать свет, отогнать монстров, создать хоть какую-то

защиту. Но тщетно. Сила ускользала от меня, отобранная невидимой, дразнящей рукой. Жаль, у меня не было ножа, который я вогнала бы в сердце Дарклинга, в свое сердце, куда угодно, лишь бы это прекратилось.

Дарклинг оглянулся посмотреть на послов и представителя короля. На их лицах застыла идентичная маска шока и ужаса. Что бы он там ни увидел, это его удовлетворило. Он развел руки, и тьма перестала рваться вперед. Рычание затихло. Я слышала мучительные крики тех, кто потерялся в темноте, вой волькр, ружейные выстрелы. Доки исчезли. Деревни Новокрибиска тоже.

Мы смотрели на новую территорию Каньона. Намек ясен: сегодня это была Западная Равка. Завтра Дарклинг с той же легкостью может натравить Каньон на север Фьерды или на юг Шухана. Он поглотит целые страны и загонит своих врагов в море. Скольких людей я помогла убить? Сколько еще смертей ждет меня впереди?

«Закрой путь», – приказал Дарклинг. У меня не было выбора кроме как повиноваться. Я вобрала в себя свет, оставив лишь сияющий купол над скифом.

– Что ты наделал? – дрожащим голосом прошептал представитель короля.

Дарклинг повернулся к нему:

– Хотите увидеть больше?

– Ты должен был уничтожить эту мерзость, а не распространить ее! Ты убил равканцев!

Король ни за что не потерпит...

– Король поступит так, как я скажу, или я натравлю Тенистый Каньон на стены самой Ос Альты.

Мужчина поперхнулся, его рот открывался и закрывался, но он не издавал ни звука. Дарклинг повернулся к послам:

– Думаю, теперь вы меня поняли. Нет ни равкианцев, ни фьерданцев, ни Керчии, ни Шухана. Границ больше не существует, и нет причин воевать. С этих пор есть только земля в Каньоне и за ним. Да наступит мир!

– Мир на твоих условиях, – сердито сказал один из шуханцев.

– Долго он не продлится, – бушевал фьерданец.

Дарклинг окинул их спокойным взглядом и ответил:

– Мир на моих условиях. Или ваши драгоценные горы и забытая святыми тундра попросту исчезнут с карты.

Я сокрушающей ясностью осознала, что он имеет в виду ровно то, что говорит. Послы могут надеяться, что это пустые угрозы, верить, что у его жажды есть пределы, но вскоре они поймут, как ошибались. Он не станет мешкать. Не будет горевать. Его тьма поглотит мир, и он ни разу в себе не усомнится.

Дарклинг повернулся спиной к шокированным и рассерженным послам и обратился к гришам и солдатам на скифе:

– Расскажите всем о том, что вы видели сегодня. Скажите, что со страхом и сомнениями покончено. С бесконечной войной тоже. Передайте им, что видели начало новой эры.

Толпа возликовала. Некоторые солдаты начали перешептываться. Даже несколько гришей выглядели взволнованно. Но большинство лиц сияли от решимости и торжества. «*Они жаждут этого*», – поняла я. Даже узнав, на что он способен, даже увидев смерть своих соотечественников. Дарклинг обещал им не просто покончить с войной, но и с бессилием. После стольких лет террора и страданий он даст им то, что всегда казалось недостижимым – победу. И, несмотря на страх, они любили его за это.

Дарклинг подал сигнал Ивану, стоящему за ним в ожидании приказаний.

– Приведи заключенного.

Я резко подняла голову, пронзенная новым уколом ужаса, когда Мала провели сквозь толпу к перилам. Его руки были связаны.

– Мы вернемся в Равку, – сказал Дарклинг. – Но предатель останется здесь.

Не успела я понять, что происходит, как Иван толкнул Мала с края скифа. Волькры взвизгнули и захлопали крыльями. Я подбежала к перилам. Мал лежал на боку в песке, находясь в пределах защитного круга света. Он сплюнул и оперся на связанные руки.

– Мал!

Не помня себя, я повернулась к Ивану и врезала ему в челюсть. Он удивленно отшатнулся к перилам, а затем накинута на меня. «Отлично, – подумала я, когда он меня схватил. – *И меня тоже скинь*».

– Довольно, – сказал Дарклинг ледяным тоном.

Иван нахмурился, покраснев от стыда и злости. Он ослабил хватку, но не отпустил меня. Я видела недоумение на лицах присутствующих. Они не понимали, что происходит, почему Дарклинг тратил свое время на дезертира и почему самая ценная из арсенала гришей только что ударила Ивана – его правую руку.

«Притяни его», – прозвучала во мне команда, и я с паникой взглянула на Дарклинга.

– Нет!

Но я не могла это остановить: светящийся купол начал сокращаться. Мал смотрел на меня, пока круг не сузился до края скифа. Если бы Иван не держал меня, я бы упала: сожаление и любовь в его голубых глазах полностью меня подкосили. Я вела внутреннюю борьбу: за каждую долю силы, за все, чему учила меня Багра... и все это было бесполезно перед властью Дарклинга. Свет дюйм за дюймом сужался вокруг скифа. Я схватилась за перила и вскрикнула от гнева и горя. Слезы потекли по щекам.

Теперь Мал стоял на краю сияющего круга. Я видела силуэты волькр в клубящейся темноте, чувствовала взмахи их крыльев. Он мог бы бежать, прицепиться к боку скифа, пока тьма не поглотила его, но он ничего не делал. Просто замер на месте перед сгущающимся мраком. Только я могла спасти его, и в то же время я была бессильна.

В следующую секунду тьма охватила его. Я услышала его крик. В голове вспыхнуло воспоминание об олене, да такое яркое, что перед моими глазами возникла заснеженная поляна, закрывая собой вид на голую пустыню Каньона. Я, казалось, вдыхала сосновый запах, чувствовала прохладный воздух на коже. Вспомнила темные влажные глаза оленя, пар от его дыхания в холодной ночи, мгновение, когда я поняла, что не стану забирать его жизнь.

И я наконец поняла, почему он являлся мне каждую ночь. Я думала, что сны преследуют меня как напоминание о моем провале и цене моей слабости. Но я была не права. Олень показывал мне мою силу – не только цену милосердия, но и какую власть оно дарует. Дарклингу никогда не понять, что это такое. Я пощадила оленя. Могущество его жизни принадлежит мне не менее чем мужчине, который ее забрал. Поняв это, я ахнула и почувствовала, как невидимая хватка на мне слабеет. Сила вернулась в мои руки. Я словно снова оказалась в хижине Багры, впервые призывая свет, ощущая, как он рвется ко мне, заволадевая тем, что было по праву моим. Я была рождена для этого. И больше никому не позволю забрать силу у меня.

Из меня вырвался яркий и непоколебимый поток света, изливаясь на то место, где минуту назад стоял Мал. Схватившая его волькра закричала и разжала лапы. Он упал на колени, кровь ручьями текла из ран. Мой свет обволок его и загнал волькру обратно в темень.

Дарклинг выглядел сбитым с толку. Он прищурился, и я почувствовала, как его воля давит на меня, невидимая рука снова пытается ухватиться за мою силу. Я лишь отмахнулась. Его воля – ничто. Он – ничто.

– Что происходит?! – прошипел он.

Затем поднял руки и ко мне рванули мотки тьмы, но один мой взмах кисти – и они испарились, как дым. Дарклинг накинута на меня, его лицо исказилось от ярости. Я лихорадочно начала соображать, что делать дальше. Да, он, несомненно, хотел убить меня прямо на месте, но не мог, пока мой купол света служил единственной защитой от волькр.

– Схватить ее! – крикнул он окружающим нас стражам.

Иван протянул ко мне руки. Я почувствовала вес ошейника, плавное биение древнего сердца оленя, бьющегося в ритм с моим собственным. Твердая и несокрушимая сила возростала в моем теле, служа мечом в ладони. Я подняла руку и рассекла ею воздух. Одна из мачт скифа распалась надвое с оглушительным треском. Люди закричали и забегали в панике, когда та начала падать на палубу; плотное дерево блестело в горящем свете.

На лице Дарклинга был написан шок.

– Разрез!

Иван ахнул, делая шаг назад.

– Не приближайтесь, – предупредила я.

– Ты не убийца, Алина, – сказал Дарклинг.

– Думаю, равкианцы, которых я помогла тебе убить, были бы не согласны.

На скифе воцарился хаос. Опричники выглядели взволнованно, но все равно продолжали окружать меня.

– Вы видели, что он сделал с этими людьми! – обратилась я к страже и гришам. – Такого будущего вы хотите? Мира во тьме, созданного по его желанию? – я видела их недоумение, злость и страх. – Еще не поздно остановить его! Помогите, – взмолилась я. – Прошу, помогите мне!

Никто не шелохнулся. Солдаты и гриши словно окаменели. Они все слишком боялись Дарклинга и мира без его защиты. Опричники начали приближаться. Нужно было принять решение. У нас с Малом не будет второго шанса.

«Будь по-вашему», – подумала я. Затем оглянулась через плечо, надеясь, что Мал все понял, и кинулась к борту скифа.

– Не дайте ей добраться до перил! – крикнул Дарклинг.

Стражи кинулись за мной. И я позволила свету померкнуть.

Мы окунулись во тьму. Люди кричали, а волькры над нашими головами заревели. Я вытянула руку и коснулась перил. Затем проскользнула под ними и прыгнула на песок. Встав на ноги, я вслепую пошла к Малу, посылая свет дугой впереди себя. За мной слышались звуки битвы – волькры атаквали скиф, и клубы огня гришей вспыхивали во мраке. Но я не могла остановиться и позаботиться о людях, которых оставила позади.

Мой луч выхватил Мала, сидящего на песке. Нависающая над ним волькра взвизгнула и улетела в темноту. Я кинулась к нему и помогла подняться. В песок рядом с нами врезалась пуля, и я снова окутала нас во мрак.

– Не стрелять! – донесся крик Дарклинга сквозь шум бойни. – Она нужна нам живой!

Я выпустила еще одну дугу света, распуская притаившихся вокруг нас монстров.

– Тебе не убежать от меня, Алина! – крикнул Дарклинг.

Я не могла позволить ему догнать нас. Не могла рисковать тем, что он выживет. Мне было ненавистно то, что я собиралась сделать. Остальные на скифе отказались мне помогать, но заслуживали ли они смерти от когтей волькры?

– Ты не можешь бросить нас на верную смерть, Алина! – продолжал распалаться Дарклинг. – Если пойдешь на этот шаг, то сама знаешь, куда он тебя приведет.

Во мне зародился истерический смех. Я знала. Знала, что стану похожей на него.

– Однажды ты просила меня о помиловании, – прозвучали его слова над мертвыми землями Каньона, сквозь голодные вопли его чудовищных творений. – Такое твоё представление о милосердии?

И снова в сантиметре от нас пролетела пуля. «Да, – подумала я с нарастающей решимостью, – милосердие, которому ты меня научил». Я подняла руки и взмахнула дугой, рассекая воздух. По каньону пронесся громоподобный треск, и скиф разделился пополам. Раздались новые крики отчаяния, волькры впали в неистовство. Я взяла Мала за руку и накрыла нас

куполом света. Мы спотыкаясь бежали в темноту, и вскоре звуки битвы стихли, а монстры остались позади.

* * *

Мы вышли из Каньона где-то к югу от Новокрибирска и сделали первые шаги по Западной Равке. Дневное солнце ярко светило, луговая трава была мягкой, но у нас не было времени остановиться и насладиться видом. Мы были уставшими, голодными и израненными, но наши враги не знали покоя, посему и нам было не дано узнать.

Мы шли, пока не нашли пристанище во фруктовом саду, и спрятались там до наступления темноты, боясь, что кто-то нас увидит и запомнит. В воздухе витал густой аромат цветущей яблони, хотя сами плоды были пока слишком маленькими и зелеными, чтобы их есть.

Под нашим деревцем стояло ведро со зловонной дождевой водой, и мы воспользовались им, чтобы смыть кровавые пятна с рубашки Мала; он пытался не кривиться, пока снимал рваные ошметки ткани. Но ему было не скрыть глубокие раны от когтей волькры, зияющие на гладкой коже плеч и спины.

С наступлением ночи мы двинулись к побережью. Я немного волновалась, что мы потерялись, но Мал мог сориентироваться даже в совершенно незнакомой стране. Перед рассветом мы достигли вершины холма и увидели широкий Алхемский залив и мерцающие огни Ос Керво. Нужно было сойти с дороги. Вскоре она наполнится торговцами и путешественниками, которые непременно заметят побитого следопыта и девушку в черном кафтане. Но мы не могли не поддаваться искушению и не посмотреть на Истиноморе.

Солнце взошло за нашими спинами, окрашивая городские башни в розоватое сияние, а воду у берега – в золото. Я увидела огромный порт с большими кораблями, качающимися в гавани, а за ними – глубокую синеву. Казалось, морю нет конца и оно тянется до невероятно далекого горизонта.

Я много карт повидала в своей жизни и знала, что где-то там, за долгими неделями путешествий и миль океана, есть земля. Но меня все равно накрыло ощущение, что мы стоим на краю мира. Подул прохладный бриз, донося до нас влажный соленый воздух и приглушенные крики чаек.

– Необъятные просторы, – проговорила я. Мал кивнул и улыбнулся.

– Хорошее место, чтобы спрятаться.

Он закопался рукой в моих спутанных волосах и достал золотую шпильку. Один завиток высвободился из хитроумной прически и упал мне на шею.

– Это нам на одежду, – сказал парень и засунул шпильку в карман.

Всего день назад Женя укладывала мои волосы с помощью этих самых шпилек. Я больше никогда не увижу ни ее, ни кого-либо другого из дворца. Сердце жалобно сжалось. Не знаю, была ли Женя мне настоящей подругой, но я все равно буду по ней скучать.

Мал оставил меня ждать в рощице неподалеку от дороги. Мы оба согласились, что будет лучше, если он пойдет в Ос Керво один, но прощание далось мне тяжело. Он сказал, что мне стоит отдохнуть, но стоило ему уйти, и сон как рукой сняло. Я все еще чувствовала биение силы в своем теле, эхо того, что я сотворила в Каньоне. Я ощупала рукой ошейник. Никогда не испытывала подобного могущества. Часть меня жаждала ощутить его вновь.

«А как же люди, которых ты бросила?» – возник голос в моей голове, который мне отчаянно хотелось проигнорировать. Послы, солдаты, гриши... Я обрекла их на верную смерть и даже не знала, погиб ли Дарклинг. Разорвали ли его на части волькры? Отомстили ли потерянные мужчины и женщины из долины Тула Черному Еретик? Или, возможно, в эту самую минуту он мчался ко мне по мертвым просторам Неморя, готовясь обрушить неминуемую расплату?

Меня передернуло от последней мысли и я начала мерить шагами землю, вздрагивая от каждого звука. К вечеру я убедила себя, что Мала узнали и схватили. Заслышав шаги и увидев знакомый силуэт за деревьями, я чуть не расплакалась от счастья.

– Проблем не возникло? – спросила я дрожащим голосом, пытаясь скрыть свою взволнованность.

– Нет. Никогда не видел такого людного города. Никто на меня даже не смотрел.

На нем была новая рубашка и плохо сидящий балахон. В руках он нес охапку обновок для меня: платье такого выцветшего красного цвета, что оно казалось оранжевым, и мешковатое горчичное пальто. Он вручил их мне и тактично отвернулся, чтобы дать возможность переодеться.

Я неловко возилась с крошечными пуговками на кафтане – казалось, что их здесь тысячи. Когда шелк наконец соскользнул с моих плеч и собрался у ног, я ощутила, как с меня упал тяжелый груз. Прохладный весенний воздух приятно пощипывал обнаженную кожу, и я впервые осмелилась понадеяться, что мы свободны. Но пришлось быстро отмахнуться от этой мысли. Пока смерть Дарклинга не подтверждена, я не смогу дышать спокойно.

Я натянула грубое шерстяное платье и желтое пальто.

– Ты специально подобрал самую уродливую одежду, какую только можно найти?

Мал обернулся и не смог сдержать улыбки.

– Я купил *первое*, что попало на глаза, – затем его улыбка потускнела. Он легонько коснулся моей щеки и тихо продолжил хриплым голосом: – Я больше никогда не хочу видеть тебя в черном.

Я посмотрела ему в глаза и прошептала:

– Никогда.

Он полез в карман и достал длинный красный шарф. Ласково обернул его вокруг моей шеи, пряча ошейник Морозова.

– Вот так, – снова улыбнулся парень. – Идеально.

– Что я буду делать, когда наступит лето? – рассмеялась я.

– К тому времени мы придумаем, как от него избавиться.

– Нет! – резко вскрикнула я, удивившись, как сильно меня смутила эта идея.

Мал опешил и отошел на шаг.

– Нельзя от него избавляться, – пояснила я. – Это единственный шанс Равки освободиться от Тенистого Каньона.

Это правда, но не вся. Мы действительно нуждались в ошейнике. Он служил страховкой от силы Дарклинга и обещанием, что однажды мы вернемся в Равку и возвратим ей мир. Но я не могла признаться Малу, что ошейник *принадлежал* мне, что могущество оленя стало частью меня и я не хотела его лишаться.

Он нахмурился и окинул меня изучающим взглядом. Я подумала о предупреждениях Дарклинга, о мрачном выражении, которое я видела на его лице и в чертах Багры.

– Алина...

Я попыталась выдавить улыбку и пообещала:

– Мы снимем его. Как только появится возможность.

Прошла пара секунд.

– Ладно, – наконец ответил Мал, но вид у него все еще был настороженный. Затем он пнул скомканный кафтан носком ботинка. – Что будем делать с этим?

Я опустила взгляд на кучку рваного шелка, и меня охватили ярость и стыд.

– Сожжем его.

Так мы и поступили. В то время как пламя поглощало шелк, Мал медленно доставал золотые шпильки из моих волос, одну за другой, пока мои кудри не рассыпались по плечам. Он ласково убрал их набок и поцеловал меня в шею, прямо над ошейником. Когда по моим

щекам потекли слезы, он прижал меня к себе и обнимал, пока от кафтана не осталось ничего, кроме пепла.

Эпилог

Парень и девушка стоят у леера корабля – настоящего корабля, качающегося над глубокой пучиной Истиноморя.

– *Гоед морген, фентомен!* – кричит им матрос, проходя мимо с мотком троса в руках.

Весь экипаж зовет их «*фентомен*». Керчийское слово, означающее «привидения». Когда девушка спрашивает интенданта, почему они придумали им такое прозвище, он смеется и отвечает, что это из-за их бледности и из-за того, как они молча стоят у перил, часами глядя в море, будто никогда прежде его не видели. Она улыбается, но правды не говорит: они должны следить за горизонтом и высматривать корабль с черными парусами.

«Ферлорен» Багры давно уплыл, посему им пришлось скрываться в трущобах Ос Керво, пока парню не удалось обменять золотые шпильки на билет на другой корабль. Весь город обсуждал трагедию, случившуюся в Новокрибирске. Кто-то винил Дарклинга. Кто-то – шуханцев и фьерданцев. Некоторые даже утверждали, что это был праведный гнев святых.

До них дошли слухи о странных событиях в Равке. Поговаривают, что Апрат исчез, а на границе появились иностранные войска, что Первая и Вторая армии грозятся пойти войной друг на друга и что заклинательница Солнца мертва. Они же ждали новостей о смерти Дарклинга в Каньоне, но их так и не последовало.

Ночами парень и девушка спят в обнимку в трюме корабля. Он крепко держит ее, когда она просыпается от очередного кошмара, ее зубы крепко сжаты, в ее ушах звучат жуткие крики людей, которых она бросила на разбитом скифе, ее тело сотрясается от воспоминаний об обладании силой.

– Все хорошо, – шепчет он в темноте. – Все хорошо.

Она хочет ему верить, но боится закрывать глаза.

Ветер надувает паруса. Они снова одни, как в детстве, когда прятались от детей постарше, от гнева Аны Куи, от монстров, скрывающихся в темноте. Они снова бездомные сироты, но они есть друг у друга. И у них есть надежда на жизнь по другую сторону моря.

Благодарности

Спасибо моему агенту и чемпиону по жизни – Йоханне Штампфель-Вольпе. Я ежедневно благодарю судьбу за то, что она свела меня с ней, как и с великолепной командой «Нэнси Коффи Литерэри»: Нэнси, Сарой Кендалл, Кэтлин Ортиз, Жаклин Мерфи и Пойей Шахбазян. Спасибо моему зоркоглазому и внимательному редактору Ною Уилеру, который поверил в эту историю и понял, как ее улучшить. Премного благодарностей всем замечательным людям из «Холт Чилдренс и Макмиллан»: Лауре Годвин, Джин Фейвел, Ричу Диаз и Эйприл Уорд из отдела по дизайну, а также Карен Франжепан, Кэтрин Бируд и Лиззи Мэйсон из отдела по маркетингу и рекламе. Еще я хотела бы выразить благодарность Дэну Фарли и Джою Даллане-гра-Сангеру. Лучшего пристанища для «Тени и кости» не найти.

Спасибо моим великодушным читателям Мишель Чихаре и Джошу Каменски за то, что одолжили мне свои гениальные мозги и поддерживали меня с бесконечным энтузиазмом и терпением. Спасибо моему брату Шему за его рисунки и виртуальные объятия, Мириам «Сестричке» Пастан, Хизер Джой Каменски, Питеру Байбрингу, Трэйси Тэйлор, «Апокалипсису» (особенно Линн Келли, Гретхен МакНил и Саре Дж. Маас, которые первыми написали отзыв к моей книге), моей подруге по ВОАРТу Лесли Бланко и Дэну Молдеру, потерявшему в реке.

Я виню Джеминну Джиллот в том, что она подпитывала мою манию величия и любовь к злодеям, Джоша Минута за то, что познакомил с миром фэнтези и заставил поверить в героев, и Рейчел Теяду за множество ночных кинопросмотров.

Спасибо Хэдвиг Аертс, моей королеве пиратов, за то, что мирилась с долгими часами, когда я садилась ночью перепечатывать текст. Эрден Ухаасаи, которая старательно переводила мне через «Фейсбук» русские и монгольские слова. Морган Фахи, которая поддерживала меня коктейлями, беседами и отличной художественной литературой. Дэну Брауну и Майклу Песса, которые подстегивали меня.

На создание Равки меня вдохновило множество книг, таких как: «Танец Наташи: история русской культуры» Орландо Файджеса; «Земля Жар-птицы: краса былой России» Сюзанны Масси; и «Русский фольклор» Линды Дж. Иваниц.

И наконец, спасибо большое моей семье: маме Джуди, которая никогда не переставала в меня верить и которая первая стала в очередь за кафтаном; моему папе Харви, который был мне опорой и по которому я скучаю каждый день; и моему дедушке Мэлу Седеру, который привил мне любовь к поэзии, искательству приключений и научил бить в челюсть.